

И.Х.Урилов

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИИ (МЕНЬШЕВИЗМА)

Общая характеристика

Хранение документов

Неопубликованные документы

Документальные публикации

Мемуары

Эпистолярное наследие

Периодика

И. Х. Урилов

**История российской
социал-демократии
(меньшевизма)**

Часть первая
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Издательство “Раритет”

Москва 2000

ББК 63.3-4
У 68

Научный редактор
доктор исторических наук
С.В. Тютюкин

© Илья Урилов, 2000
© Сергей Стулов, оформление, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

5

ГЛАВА I

Общая характеристика

55

ГЛАВА II

Хранение документов

68

ГЛАВА III

Неопубликованные документы

84

ГЛАВА IV

Документальные публикации

104

ГЛАВА V

Мемуары

133

ГЛАВА VI

Эпистолярное наследие

202

ГЛАВА VII

Периодика

244

Заключение

282

Введение

Полная научная история российской социал-демократии ещё не написана. Более того, не определена точно хронология ее существования, не названы все политические партии социал-демократической ориентации. В отечественной и зарубежной историографии начало социал-демократии в России отождествляется с распространением марксизма, деятельностью группы “Освобождение труда” (1883) и ее основателя Г.В.Плеханова (1856–1918). Плеханова называют также первым русским марксистом или “отцом русского марксизма”¹. Ко времени создания группы “Освобождение труда” социал-демократические партии уже функционировали во многих странах Европы и в США (первой в 1869 г. была создана социал-демократическая партия Германии). В России само понятие “социал-демократ” прививалось трудно. Так, при обсуждении названия организации часть участников группы “Освобождение труда” высказалась против идеи Плеханова назвать ее “Русской социал-демократической группой”, опасаясь оттолкнуть этим молодежь, еще не расставшуюся с народническими идеалами². Однако вскоре к названию “Освобождение труда” стали прибавлять “социал-демократическая группа”. В 1884 г. Д.Благоев (1856–1924) в Петербурге назвал свою группу “Партией русских социал-демократов”; в 1889 г. несколько студенческих кружков Петербурга создали “Социал-демократическое сообщество”.

Тем не менее Плеханов, приглашенный в 1889 г. на Парижский социалистический конгресс вместе с П.Л.Лавровым, оказался в затруднительном положении: кого же он представляет?

Петр Лаврович Лавров (1823–1900) был профессором Петербургской артиллерийской академии, членом I Интернационала, автором многих философских работ, пропагандирующих социализм. Он представлял на конгрессе группу эмигрантов-народовольцев, петербургских социалистов и других организаций. Плеханов позже охарактеризовал ситуацию так: “Кого, собственно, представляли русские уполномоченные на Парижском конгрессе? Небольшие группы “интеллигентов”; эти группы, не опираясь на существующие в России рабочие организации, были социалистическими только в возможности. Представители возможного социалистического движения в России являлись на деловое собрание представителей действительного — и притом уже принявшего огромные размеры — социалистического движения на Западе. Их встречали очень сочувственно; но не могли же не видеть они, что положение их по меньшей мере странно. По правде говоря, они напоминали собою тех уличных мальчиков, которых всегда много собирается на военные смотры и парады. Зачем приходят эти мальчишки? Они хорошо знают, что в ряды им не попасть, что не для них играет военная музыка, не для них разворачивается знамя; но их привлекает само зрелище, и они довольствуются тем, что промаршируют хоть около стройных рядов, стараясь попасть в ногу и придавая себе по возможности воинственный вид”³.

В июле 1889 г. Плеханов просил члена группы “Освобождение труда” В.И.Засулич (1849–1919) написать хорошим почерком следующее: “Союз русских социал-демократов уполномочивает гражданина Георгия Плеханова быть его представителем на

интернациональном социалистическом конгрессе в Париже. Секретарь союза Вера Засулич". "Союз русских социал-демократов", под которым подразумевалась тогда группа "Освобождение труда", состоял всего из трех человек, но знавший об этом Лавров промолчал, а Плеханов блеснул на международном конгрессе прекрасной речью⁴.

Так получилось, что на конгрессе Лавров выступил от имени социалистов, а Плеханов — от имени социал-демократов России. Лавров говорил о жизнестойкости российского социализма, необходимости создания в стране рабочей партии. Плеханов подчеркивал стремление представителей революционной России сблизиться с европейским социалистическим движением. Он заявил, что силы народников на исходе, а потому русские социал-демократы считают необходимым "усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия". После его выступления Вильгельм Либкнехт, один из руководителей германских социал-демократов, не без иронии заметил Плеханову: "Вы первый русский, не старающийся уверить нас, людей Запада, в том, что в России все готово для революции. Со времен Бакунина я постоянно слышал, что там "все готово", и удивлялся только тому, что революция все-таки составляет себя так долго ждать"⁵. Заметим, что на позиции неготовности России к социалистической революции Плеханов оставался и позже. В 1917 г. он выступал против призывов В.И.Ленина к свершению социалистической революции, характеризуя их как "безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на русской земле". Плеханов полагал, что "русская история еще не смолола той муки, из которой со временем испечен будет пшеничный пирог социализма, и... пока она такой муки не смолола, участие буржуазии в государствен-

ном управлении необходимо в интересах самих трудящихся”⁶.

II Интернационал объединил все социалистические партии, течения и группы. Социал-демократия была одной из них. Но и само социал-демократическое движение не было единым, хотя и имело в начале своего существования одну цель — отстаивание интересов наемных работников с помощью профсоюзов и партийных организаций в рамках существующих государственных учреждений. У германской социал-демократии было два основателя: Фердинанд Лассаль и Карл Маркс, имевшие разные взгляды на многие вопросы общественного развития. И это сказалось в принятии Готской (1875) и Эрфуртской (1891) программ немецких социал-демократов. Ф.Лассаль, а позже Э.Бернштейн поставили под сомнение отдельные теоретические прогнозы Маркса. Для Лассаля государство было помощником рабочих на пути к свободе, для Маркса — инструментом угнетения в руках господствующего класса. По Бернштейну, противоречия капитализма следовало разрешать не революционным, а эволюционным путем, и социал-демократическая партия должна была бороться не за будущую мифическую модель социализма, а за конкретное улучшение условий жизни наемных работников⁷.

Понятие “социал-демократия” включает в себя прежде всего приверженность марксизму. “Новая британская энциклопедия” под социал-демократами понимает европейских марксистов; энциклопедия Брокгауза — партийное направление, основные положения которого связаны с социализмом, демократией и марксизмом; “Большая русская энциклопедия”, изданная в Париже, видит в них социалистов марксистского направления. В энциклопедиях сообщалось о трансформации понятия “социал-демократ”, которое после прихода к власти большеви-

ков в России стало ассоциироваться с понятием “умеренный социалист” и притом не обязательно марксист⁸. В российской энциклопедии, посвященной политическим партиям страны, отмечается, что образование РСДРП было подготовлено деятельностью группы “Освобождение труда”, марксистскими кружками Д.Благоева, П.В.Точисского, М.И.Бруснева в Петербурге, Н.Е.Федосеева в Казани, а также социал-демократическими организациями второй половины 1890-х гг. — “Союзами борьбы за освобождение рабочего класса”, функционировавшими в Петербурге, Москве и других городах, Бундом (1897) и др.⁹

Становление российской социал-демократии также связано с марксизмом, хотя, по мнению Ю.С.Пивоварова, большевики и меньшевики узурпировали право называть себя таковыми и тем самым ослабили компоненту освободительного движения. С ним следует согласиться в плане более расширительного толкования принадлежности к социал-демократическому движению, не ограничивая его двумя российскими и примерно двумя десятками национальных пратий¹⁰. Отметим и другое: “русский марксизм”, особенно в интерпретации леворадикальных социал-демократов, скоро стал отличаться идеологической жесткостью, доктринальной категоричностью, нетерпением, стремлением к скорым революционным преобразованиям, попыткой возвести теорию в ранг творца социального чуда.

На российских социал-демократов существенное влияние оказали западные дискуссии о сущности марксизма и программах их товарищей в разных странах. Увлечение марксизмом среди российской интеллигенции было в 80–90-х гг. XIX столетия весьма модным. С.Н.Булгаков (1871–1944), “легальный марксист” и философ, писал об этом так: “После политического удушья 80-х годов, марксизм является источником бодрости, деятельного опти-

мизма, боевым кличем молодой России, как бы общественным бродилом. Он усвоил и с настойчивой энергией пропагандировал определенный, освященный вековым опытом Запада практический способ действия, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению”¹¹.

Н.А.Бердяев (1874–1948), также в студенческие годы увлекавшийся марксизмом и ставший “легальным марксистом”, повторял отдельные мысли Булгакова, когда позже вспоминал: “Я не раз задавал себе вопрос, что побудило меня стать марксистом, хотя и не ортодоксальным, а свободомыслящим? Вопрос сложный. Особая чувствительность к марксизму осталась у меня и доныне. Я не мог примкнуть к социалистам-народникам и к социалистам-революционерам, как они стали именоваться. Мне был чужд психологический тип старых русских революционеров... Кроме того, меня отталкивал пункт о терроре, к которому я всегда относился отрицательно. Марксизм обозначал совершенно новую формацию, он был кризисом русской интеллигенции. В конце 90-х годов образовалось марксистское течение, которое стояло на гораздо более высоком культурном уровне, чем другие течения революционной интеллигенции. Это был тип, мало похожий на тот, из которого впоследствии вышел большевизм. Я стал критическим марксистом, и это дало мне возможность остаться идеалистом в философии. Произошла дифференциация разных сфер и освобождение сферы духовной культуры. Марксизм того времени этому способствовал. В марксизме меня более всего пленил исторический размах, широта мировых перспектив. По сравнению с марксизмом старый русский социализм представлялся явлением провинциальным. Марксизм конца 90-х годов

был, несомненно, процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям, выходом на большой простор”¹².

Однако и среди российских интеллектуалов, принявших марксизм и видевших в нем возможность сближения с западноевропейской общественно-политической мыслью, были те, кто его отнюдь не фетишизировал, а отнесся к учению Маркса как к новой научной теории, о которой и с которой возможна научная дискуссия. Среди них были и те, кто вначале воспринял марксизм: представители “легального марксизма” (Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, П.Б.Струве и др.), “экономизма” (Е.Д.Кускова, С.Н.Прокопович и др.), большевизма (А.А.Богданов и др.), меньшевизма (А.Н.Потресов и др.). Отказ от рассмотрения работ этих авторов только через призму ленинских критических оценок позволил заметить общее, схожее, например, между восприятием марксизма в конце XIX века в Германии и России. Ведь история каждого народа — часть истории человечества, а история российской социал-демократии — неотъемлемая часть истории мирового революционного и общественно-политического движения. Большевики и меньшевики — не только российское явление. Это марксисты со своей интерпретацией канонов привлекавшей многих европейской теории.

П.Б.Струве (1870–1944) за несколько лет до появления “ревизионистской” книги Э.Бернштейна “Предпосылки социализма и задачи социал-демократии” (1899; русское изд. — М., 1901) опубликовал свои “Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России” (1894), в которых выражал сомнение в правильности выводов Маркса о крушении капитализма в результате его исторического развития и обнищания пролетариата. Чуть позже Струве подверг анализу социальную теорию Маркса, заявив, что социализма можно достигнуть

эволюционным путем, а проблема “стоимости” как экономическая категория выглядит у Маркса “метафизически”. В воспоминаниях Струве писал о своих прежних сомнениях: “В учении самого Маркса были, конечно, противоречивые и несовместимые элементы; их можно найти в Марксовой исторической и социологической теории экономической и социальной революции. В этом учении был эволюционный исторический элемент, укорененный глубоко в истории, по существу консервативный и восходящий, как я позже показал, к влиянию, с одной стороны, Жозефа де Местра (через Сен-Симона и его учеников), а с другой — к исторической школе в праве (Савиньи–Пухта)”¹³. Ленин подверг эти и другие выводы Струве резкой критике и отказал “легальным марксистам” в праве называться социал-демократами, зачислив их во временные попутчики последних. Эта политическая полемика мало походила на академическую дискуссию и с разных точек зрения освещена в исторической литературе¹⁴. Заметим лишь, что негативное отношение Ленина к работам Струве не помешало члену Петербургского “Союза борьбы” С.И.Радченко обратиться к Струве с предложением написать “Манифест Российской социал-демократической партии” после I съезда РСДРП (1898), который высоко оценил Ленин. Струве и М.И.Туган-Барановский, экономисты и одно время “легальные марксисты”, были в мае 1900 г. на совещании в Пскове, где в присутствии Ленина, Мартова, Потресова и супругов Радченко заявили о своем намерении поддержать издание газеты “Искра”, несмотря на несогласие с ее ортодоксально-марксистским направлением. Б.Л.Эйдельман (1867–1939), участник I съезда РСДРП, член избранного на нем ЦК, позже оправдывал авторство Струве в написании “Манифеста” тем, что Струве 1898 года “нельзя смешивать со Струве позднейших годов”. Струве спустя годы писал, что в “Манифесте” он вы-

держал ортодоксальную концепцию, понятную “для среднего социал-демократа”, хотя его взгляды того времени были более сложны¹⁵. Однако, в связи с арестами и эмиграцией, более крупного теоретика-марксиста, нежели Струве, в Петербурге в конце 1890-х годов не было, и поэтому обращение к нему Радченко не было случайным.

Струве, будучи в эмиграции, написал воспоминания о встречах и полемике с Лениным, где говорил, что стал марксистом, понимая экономическую и культурную отсталость России и значение теории Маркса для его модернизации. Струве отмечал, что его объединяла с Лениным борьба с народничеством, самодержавием и приверженность в 1890-е годы социалистическим идеалам. В то же время он не скрывал своей антипатии к Ленину как человеку, акцентируя внимание на таких чертах характера последнего, как резкость, жесткость, неукротимое властолюбие, ненависть. Струве писал: “Ленин увлекся учением Маркса прежде всего потому, что нашел в нем отклик на эту основную установку своего ума. Учение о классовой борьбе, беспощадной и радикальной, стремящейся к конечному уничтожению и истреблению врага, оказалось конгениально его эмоциональному отношению к окружающей действительности. Он ненавидел не только существующее самодержавие (царя) и бюрократию, не только беззаконие и произвол полиции, но и их антитипов — “либералов” и “буржуазию”. В этой ненависти было что-то отталкивающее и страшное; ибо, коренясь в конкретных, я бы сказал даже животных, эмоциях и отталкиваниях, она была в то же время отвлеченной и холодной, как самое существо Ленина¹⁶. Столь субъективно-негативная характеристика личных качеств Ленина не спасла Струве от ареста его гестаповцами в Белграде в конце 1941 г. по доносу “как друга Ленина” и от трехмесячного тюремного заключения, хотя для Ленина Струве ос-

тавался “иудой”, “великим мастером ренегатства”, а для Струве Ленин стал просто “думающей гильотиной”.

В 1880–1890-х гг. марксизм привлек к себе жаждущую перемен интеллектуальную молодежь. Многие из них стали теми, кого позже называли “легальными марксистами”. Они, конечно, не были “идейно-политическим течением передовой русской буржуазии, не сформировавшейся еще в самостоятельную политическую организацию”, как их квалифицировали позже советские историки КПСС¹⁷. Ленин признавал их значительную роль в разоблачении народничества и пропаганде марксизма, хотя это и не мешало ему называть “легальных марксистов” “буржуазными демократами”¹⁸. Они были в те годы социал-демократами европейского типа с критическим настроением к любой теории. Разоблачая несостоятельность народнических воззрений Н.К.Михайловского, они не идеализировали и теоретические построения Маркса.

Бердяев в одной из своих первых книг, “Субъективизм и индивидуализм в общественной философии” (1901), критиковал социологические воззрения Михайловского с позиций марксизма, который у него соединялся с проповедью идеализма как основы “пролетарского мессианизма” и творческого индивидуализма, но вскоре он отошел от атеистической “социал-демократической лжерелигии” и в статье “Философская истина и интеллигентская правда”, опубликованной в сборнике “Вехи” (1909), упрекал радикальную, социалистическую интеллигенцию за измену “метафизическому духу” великих русских писателей Толстого и Достоевского и за подчинение личности общественно-утилитарным целям.

С.Н.Булгаков также начинал как ортодоксальный марксист. Однако изучение земельных отношений в Европе заставило его поставить под сомне-

ние вывод Маркса об идентичности аграрной и индустриальной концентрации производства. С цифрами в руках он доказывал, что мелкое крестьянское хозяйство не подпадает под закон концентрации производства, не становится жертвой классовой поляризации и сохранит свою жизнеспособность в условиях индустриального развития страны. Он был также представителем “критического направления” в марксизме с тем, чтобы позже отойти от него, но не перестать быть по своим воззрениям демократом и социалистом. Об этом Булгаков подробно рассказал в сборнике своих статей “От марксизма к идеализму” (СПб, 1903). По тем же “критическим причинам” отошли постепенно от марксизма М.И.Туган-Барановский, С.Л.Франк и другие. В 1900 г. Франк в книге “Теория ценности Маркса и ее значение” отнесся критически к Марксовой теории стоимости. В “Вехах” он писал о социализме как о мировоззрении, где идея производства вытеснена идеей распределения. Особое его возмущение вызывало пренебрежение части социал-демократической интеллигенции к общечеловеческим ценностям и вообще ко всему, кроме классовой борьбы и “классового интереса пролетариата”. Позже Франк вспоминал: “Марксизм увлек меня своей наукообразной формой, именно в качестве “научного” социализма. Меня привлекала мысль, что жизнь человеческого общества можно познавать в его закономерности, изучая его, как естествознание изучает природу”. Но вскоре он расстался с этой надеждой, особенно после революции 1905 г., когда ему воочию стала понятна ложность радикализма в политике¹⁹.

Представители “легального марксизма” всегда были существенной частью российской социал-демократии, но их имена и труды в советское время были преданы забвению или использовались для критики и утверждения “непобедимости единст-

венно верного ленинского учения". Ныне очевидно, что изучение их работ социал-демократической направленности важно для понимания общественно-политической мысли страны той поры, для выяснения причин отхода интеллектуалов от привлекавшей их вначале Марксовой теории.

С.Н.Прокоповича (1871–1955) и его жену Е.Д.Кускову (1869–1958) Ленин называл "более бернштейнианцами, чем сам Бернштейн"²⁰. Они были в конце XIX века социал-демократами, сторонниками марксизма, но со своим видением насущных задач рабочего движения в России. В 1899 г. Кускова решила написать о своих впечатлениях от знакомства с идеями Плеханова и Бернштейна. В результате появилось ее "Credo", не предназначавшееся для печати. Но А.И.Ульянова-Елизарова послала один из списков произведения Кусковой в Шушенское брату. Ленина особенно возмутила мысль Кусковой о том, что российскому пролетариату пока не нужна самостоятельная партия и что российский марксизм должен отличаться от западного, так как страна, не пережившая буржуазной революции, не может воспринять социализм. Главной задачей социал-демократов, по мнению Кусковой, в то время была совместная с либералами борьба за экономические права рабочих. Ленин оценил "Credo" как отступничество от марксизма, написал "Протест российских социал-демократов", который подписали многие, в том числе и находящиеся в ссылке, социал-демократы²¹. Но у Кусковой были и сторонники, особенно те, кто предпочитал конкретное дело борьбы за улучшение экономических условий жизни рабочих политической работе с неясными реальными перспективами. Идеи Кусковой тогда разделяли С.Н.Прокопович, а также органы Петербургского "Союза борьбы" — редакции газеты "Рабочая мысль" и журнала "Рабочее дело". Ютта Шеррер считает характерной чертой развития русской

социал-демократии противопоставление экономической и политической классовой борьбы. Примат экономической борьбы (“экономизм”), по ее мнению, означал, что “непосредственный опыт борьбы рабочих противопоставлялся социал-демократической теории, в качестве носителя которого выступала интеллигенция”²². Думается, что это не так. “Экономисты” (Кускова, Прокопович и др.) тоже были представителями интеллигенции, которые вслед за интеллигентами Ф.Лассалем и Э.Бернштейном на первый план выдвигали идею улучшения условий жизни рабочих, но не связывали его с будущими политическими преобразованиями, хотя и не отказывались от последних.

А.А.Богданов (Малиновский) (1873–1928) — с 1890-х годов марксист и социал-демократ, после 1903 г. примкнувший к большевикам и сотрудничавший с Лениным. После 1906 г. он отошел от него в результате разногласий по философским вопросам и тактике партии. Но главной причиной, приведшей Богданова к отходу от ортодоксального марксизма, было его отношение к теории. Он с юности “научился отрицать авторитеты” и на вопрос: что такое марксизм — наука или религия? — отвечал в своих записных книжках: “Если марксизм истина, то за эти годы он должен был дать поколение новых истин. Если, как вы думаете, он не способен к этому, то он уже ложь”. Прав Ю.П.Шарапов, когда, сравнивая Ленина и Богданова, писал: “В чем-то они схожи, во многом различны. Оба были видными политиками и учеными. Но если в Ленине политик превосходил ученого, то Богданов был больше ученым, чем политиком”. Он и погиб как ученый, экспериментируя на себе новую методику переливания крови. Задолго до этого, еще в 1908 г., Богданов предостерегал своих товарищей, мечтающих о победе социализма, что это будет наверняка не “наш социализм”. И пояснил: “Века национального дроб-

ления, взаимного непонимания, грубой и кровавой борьбы не могли пройти даром, — они надолго оставят глубокие следы в психологии освобожденного земного человечества, и мы не знаем, сколько варварства и узости социалисты земли принесут с собою в свое новое общество”²³. Об этом человечество узнало тогда, когда уже не было в живых ни Ленина, ни Богданова.

А.Н.Потресов (1869–1934) с начала 1890-х гг. связал свою жизнь с марксизмом и социал-демократическим движением. Он был с Лениным, но на II съезде РСДРП (1903) примкнул к меньшевикам. Позже в воспоминаниях Потресов писал, что его и “многих других марксистов социал-демократов единомыслие с Лениным было... обманчивым миражом”, что ему и Мартову “пришлось жестоко расплачиваться за это недоразумение”. Он видел в Ленине сектанта, который “органически не переваривал мнений, отличных от его собственных”, и калялся в том, что и его товарищи “проглядели, как во взглядах этого субъективно преданнейшего адепта учения Маркса исподволь сформировалось представление о партии и ее роли в рабочем движении, которое шло вразрез со всей марксистско-общественной концепцией и противоречило всему духу международной социал-демократии”²⁴.

Все приведенные данные достаточно известны. Напоминание о них необходимо для уяснения того, что историю российской социал-демократии следует рассматривать в целом. В отечественной историографии было время, когда вся ее история сводилась к истории большевизма и то только в рамках соответствующих конъюнктурных соображений, а все остальные социал-демократы назывались “оппортунистами”, “ревизионистами” и имели только право “неудачно нападать” на “экстерриториальных победителей”. Усилиями прежде всего С.В.Тютюкина и В.В.Шелухаева российская историография стала

изучать историю меньшевизма как части РСДРП, а не только как оппонентов большевиков, отмечая при этом наличие у меньшевиков различных групп (“меньшевики в эмиграции”, “меньшевики в России”, “меньшевики-лидеры” и т.д.) и специфику функционирования социал-демократических организаций в различных районах страны. Они же подтвердили, что до октября 1917 г. многие социал-демократические организации России оставались объединенными²⁵.

Заметим, что этот вывод был не нов для западных историков, но стал вехой для дальнейшего изучения проблемы в отечественной историографии. Обратим внимание и на другое: в то время, когда советская историография отказывала противникам большевизма в праве называть себя социал-демократами, зарубежные историки по разным причинам в том же отказывали Ленину и большевикам. Д.Кип приходил к выводу о том, что Ленин в работе “Что делать?” отходил от марксизма и его понимания социал-демократии, делая ставку в будущей революции на профессиональных революционеров, а не на рабочее движение. Р.Пайпс писал, что еще в декабре 1900 г. “отрицание прогрессивной роли буржуазии означало отход Ленина на позиции “Народной воли” и завершило разрыв его с социал-демократами”²⁶. Один из старейших российских социал-демократов П.Б.Аксельрод (1850–1928) также упрекал лидера большевиков в связи его теории с тем, что предлагали сторонники терроризма и заговоров С.Г.Нечаев и П.Н.Ткачев. Для советского историка-эмигранта А.А.Авторханова Ленин не социал-демократ, а человек, занятый организацией революции в России “в одеянии Маркса и методами Бланки”. По его мнению, многие идеи ленинской работы “Что делать?” перекликались с идеями О.Бланки, П.Н.Ткачева, М.И.Бакунина, но не Маркса. Он полагал, что Ле-

нин русифицировал, а следовательно, искажил марксизм²⁷.

Крайности оценок, как правило, далеки от истины. Ни большевиков, ни меньшевиков, ни “легальных марксистов”, ни “экономистов” или тех, кто перешел из одной фракции в другую, или был вне фракций, или был большевиком-примиренцем, меньшевиком-партийцем, межрайонцем, или покинул РСДРП после 1907 г. или из-за несогласия с “Апрельскими тезисами” Ленина (1917) и т. п., нельзя отрывать от российского социал-демократического движения и лишать звания социал-демократа. Социал-демократами оставались и те, кто сомневался в отдельных положениях учения Маркса и не воспринимал призывы Ленина. Б.Д.Бруцкус — известный российский экономист-аграрник, высланный из советской России в 1922 г., — чуть позже, обдумывая происшедшее в стране, писал 23 ноября 1924 г. Прокоповичу: “Если социал-демократия возможна... то во всяком случае не в современной России. В сущности Маркс совсем не демократ, социал-демократию придумал Лассаль, который был демократом прежде всего”²⁸. Социал-демократами были последователи и Маркса, и Лассаля. Это все история социал-демократического движения. О своем участии в нем говорил Ленин, когда в анкете делегата X съезда РКП(б) на вопрос: “Принимали ли участие в революционном движении до 1917 года?” — ответил: “1892–1893. Самара. Нелегальные кружки с.-д.”²⁹. Конечно, когда в марте 1918 г. большевики назвали свою партию коммунистической, а еще через год создали Коммунистический Интернационал, они вышли из мирового социал-демократического движения, но это произошло не в начале XX столетия, а уже после прихода Ленина к власти. До этого большевики — неперенные участники конгрессов II Интернационала, полноправные члены социал-демократического содружества.

Разумеется, можно и нужно говорить об особенностях развития социал-демократического движения в России, о том, что критика “легального марксизма” и “экономизма” носила, особенно со стороны Ленина, более резкий и бескомпромиссный характер, чем критика Каутским Бернштейна. Наверное, уже тогда Ленин увидел опасность научного, а не политизированного подхода к марксистской теории. Первый предполагал сомнения, критику, аргументацию и потому в то время стал быстро находить сторонников среди интеллектуалов, а призыв защитит прежде всего их экономические права и не в будущем, а в настоящем привлек рабочих. Тем не менее это была борьба взглядов в рамках социал-демократического движения, причем большевики и меньшевики в своей “склоке” стоили друг друга³⁰.

По наблюдению Т.Эммонса, лидеры кадетов в большинстве своем принадлежали к поколению 80-х гг., лидеры социал-демократов — к поколению 90-х, а во главе эсеровской партии стояла значительная группа “людей 70-х годов”. На этом основании автор приходил к выводу, что различия в мировоззрении руководства этих партий в немалой степени зависели от разницы в психологии поколений, к которым относились их лидеры³¹. Наверное, в этом утверждении есть доля истины, но нельзя забывать, что одно и то же поколение дало таких разных по убеждениям и действиям марксистов, как большевики и меньшевики, хотя в их менталитете, особенно вначале, присутствовали элементы единой политической культуры, на базе которой возникли затем две различные политические субкультуры — большевистская и меньшевистская. Лидеры большевиков всегда проявляли интерес к своим политическим соперникам — меньшевикам. И не только потому, что противника нужно знать, но и потому, что у большевиков и меньшевиков были общие

корни. Известно, что в ленинской библиотеке были работы Мартова и Плеханова, К.Каутского и А.Бebelя, что Ленин требовал собирать для себя эсеро-меньшевистские издания³². Сталин был прагматиком и не был интеллигентом, поскольку терроризм, жестокость к людям и интеллигентность в ее прямом понимании несовместимы³³. Может быть, поэтому в библиотеке Сталина подобных работ было намного меньше. Но это не мешало ему в своих теоретических высказываниях использовать выводы Плеханова (не ссылаясь на него), или при чтении работ меньшевиков Д.Далина и А.Мартынова подчеркивать устраивающие его выводы, или принимать книгу бывшего меньшевика И.Майского с дарственной надписью³⁴. Н.И.Бухарин в предисловии к своей книге об историческом материализме отмечал, что она родилась из его споров с Ю.П.Денике в Коммунистическом университете имени Я.М.Свердлова, функционировавшем в Москве с 1919 г.³⁵

Конечно, политическая культура победившей партии большевиков, ставшей правящей в России и выдвинувшей лозунг: "Польза революции, польза рабочего класса — вот высший закон"³⁶, ради исполнения которого можно пожертвовать правами и свободой личности, была уже иной, отличной от социал-демократической. Однако, по наблюдению И.Гетцлера, Ленин серьезно учитывал в 1918–1923 гг. точку зрения Мартова, резко критиковавшего РКП(б) за развязывание гражданской войны, террора, за склонность к решению политических вопросов силой оружия. Гетцлер объясняет это тем, что, вероятно, Ленин не мог забыть Мартова, его искренность, интеллектуальность, а также тем, что он продолжал "разделять со своим другом-противником социалистическую идею"³⁷. Предположение Гетцлера и воспоминания Н.К.Крупской о том, как больной Ленин тяжело переживал известие о смерти

Мартова³⁸, позволяют думать, что общая политическая культура, свойственная всей социал-демократии, отвергалась большевиками постепенно. С ней окончательно порвало новое поколение правителей советской России, репрессировав ее носителей.

Если исходить из положения Б.С.Орлова о том, что меньшевики и большевики изначально были людьми разной политической культуры³⁹, то весьма трудно объяснить их столь длительное сотрудничество в рамках единой РСДРП, переходы отдельных большевиков к меньшевикам и, наоборот, вступление меньшевиков в РКП(б) в начале 20-х гг. и превращение таких, как А.Я.Вышинский, в наиболее рьяных защитников сталинизма⁴⁰.

Для революционного мышления, особенно радикального, характерно конфронтационное восприятие окружающей среды, стремление к ее радикальному изменению, вера в идею и вождя, ее представляющего, фанатизм, немыслимый без образа врага (личного или общественного) и т. д. Такое мышление было более характерно для большевиков и в меньшей степени присуще меньшевикам. Ленин не думал о культе своей личности и беспрекословном признании авторитета своих трудов. Но партийная власть в СССР, создавшая его культ, взяла многое из его жизненного и государственного опыта⁴¹.

Можно и нужно ставить вопросы о причинах, ставивших Ленина перейти от социал-демократии к большевизму, к созданию партии нового типа, которая, встав у власти под демократическими лозунгами, затем вновь закрепила страну. Дискуссии между сторонниками Ленина и его оппонентами в начале XX века в определенной степени напоминали давний спор между западниками и славянофилами, в котором все проповедовали интернациональные идеи, но одни это делали с либеральных пози-

ций, а другие — с позиций культа силы, ненависти и насилия. Русский философ-эмигрант Г.П.Федотов (1888–1951) рассматривал советскую власть как победу старомосковских традиций над петербургскими, имея в виду поражение западнических тенденций⁴². Альтернативные тенденции прослеживались и среди революционного народничества: бланкистское течение (П.Н.Ткачев) противостояло пропагандистскому (П.Л.Лавров). Поэтому множественные размежевания, происходившие в российской социал-демократии, были скорее традицией общественно-политического движения в стране, чем исключением из правила. В 1920-е годы среди большевистского руководства советской России весьма остро дебатировался вопрос об ориентации в своей политике на развитие мировой революции (“западничество”) или на построение “социализма в одной, отдельно взятой стране” как выражение национально-государственных интересов. Тогда победила последняя точка зрения, и “западная модель” надолго утратила свою привлекательность для советского партийно-государственного руководства⁴³. В 1990-е годы, после падения большевистского режима в России, “западная модель” вновь встала на повестку дня дальнейшего развития страны.

Лидеры II Интернационала сразу же отмежевались от победившего в России большевизма и подвергли резкой критике государственный режим, создаваемый Лениным. Этим изначальным неприятием большевистского режима власти западная социал-демократия и российские меньшевики как бы снимали с себя ответственность за деяния бывших товарищей, подтверждая возможность прихода общества к социалистическому выбору государственного устройства демократическим путем. Они были за эволюционно-добровольное, а не за принудительно-революционное принятие этого выбора.

В российской историографии 1990-х годов была

прекращена "гражданская война" с меньшевиками и другими партиями, оппозиционными большевикам. История российской социал-демократии еще не написана, хотя для ее создания многое уже сделано: издано множество книг и статей, сборников документов, биографических очерков. Исследователи показали важность изучения истории каждой фракции РСДРП, невозможность анализа деятельности одной из них без тесной взаимосвязи с другой. Так, биографы Ленина писали о его контактах и сотрудничестве с Плехановым, Мартовым, Потресовым и др. Биографы последних не могли не упомянуть Ленина. Советская историография подчеркивала различие между большевиками и меньшевиками, экстраполируя отношения между ними после октября 1917 г. на всю историю их существования в РСДРП. Поэтому следует уделить больше внимания точкам соприкосновения между различными группами российских социал-демократов и партиями социалистической ориентации в целом. К.Н.Тарновский, Л.М.Спирин и другие историки обращали внимание на особенность создания партийно-политической системы в России, где социалистические партии появились ранее буржуазных и монархических и где были сильны марксистский и национальный компоненты⁴⁴.

Первый съезд РСДРП, собравшийся в Минске 1 марта 1898 г., представлял стремление многих представителей социал-демократических кружков к объединению. Девять делегатов из Петербурга, Москвы, Киева, Екатеринослава и от Бунда заявили о создании РСДРП. Исследователи отмечают, что при выборе названия партии российские марксисты ориентировались на социал-демократическую партию Германии (СДПГ) и на ее программу⁴⁵. Заметим и другое: никто из делегатов I съезда РСДРП и избранного на нем ЦК (С.И.Радченко, Б.Л.Эйдельман, А.И.Кремер) большевиком не стал. Тогда

же, в марте 1898 г., пятеро из девяти были арестованы, а затем многие из них вообще отошли от всякой партийной работы⁴⁶.

II съезд РСДРП был более представительен (43 делегата). Его результатом стало появление в РСДРП двух течений: большевизма и меньшевизма, которые советская историография определяла не иначе как партии. Вначале часть делегатов съезда не поняла существа спора между Мартовым и Лениным. Н.Н.Жордания (1868–1953), в будущем лидер грузинских меньшевиков, вспоминал в 1939 г. о встрече с Мартовым после съезда и его рассказе об этом. “Мне казалось, — писал Жордания, — что это было толчение воды в ступе. Я большой разницы не видел между ними, поэтому не примкнул ни к одной группе и не вступил в “братскую борьбу”...”⁴⁷

Попытки объединить социал-демократов после II съезда РСДРП предпринимались неоднократно. П.Б.Аксельрод одним из первых написал об этом в статьях, опубликованных в “Искре” (15 декабря 1903 г. и 15 января 1904 г.) под общим заголовком “Объединение российской социал-демократии и ее задачи”. Они вызвали восторг Мартова и неудовольствие Ленина⁴⁸. Примирением двух фракций РСДРП, а скорее их лидеров, занимались Г.В.Плеханов, К.Каутский и Р.Люксембург. Этого же хотели и Ленин и Мартов, но каждый на своих условиях. Революционные события 1905 г. показали минусы separatных действий двух фракций, члены которых стояли по одну сторону баррикад в борьбе с самодержавием. Сближение большевиков и меньшевиков завершилось на IV (Объединительном) съезде партии (1906), но полемика между ними продолжалась. В 1917 г. пути этих двух марксистских фракций разошлись навсегда. Попытка Мартова достигнуть тогда примирения в виде создания однородного социалистического правительства потерпела поражение. Большевики взяли курс на жесткую диктатуру,

которая затем привела к перерождению победившего в России коммунистического режима в разновидность тоталитаризма. Меньшевики сохранили свои прошлые идеалы демократического социализма и оказались уничтоженными, хотя и непобежденными.

По мнению английского историка, профессора Т.Шанина, раскол между большевиками и меньшевиками произошел не в 1903 г., когда их теоретические различия были еще трудноуловимыми, а в ходе съездов и конференций 1906–1907 гг., когда были сделаны различные выводы из результатов первой российской революции⁴⁹. Этот вывод не очень корректен: достаточно напомнить о полемике между Мартовым и Лениным в работах “Борьба с “осадным положением” в РСДРП” и “Шаг вперед, два шага назад” (1904 г.), чтобы убедиться во внятности их теоретических и тактических взглядов. Думается, что IV и V съезды РСДРП, давая преимущества то одной, то другой фракции, а также партийные конференции усугубляли раскол между ними, не приводя еще к окончательному разрыву. “Низы” социал-демократии были более склонны к совместной работе, нежели вожди. Достаточно указать на значительное число объединенных организаций, созданных после падения самодержавия в 1917 г.

Известно, что большевики “не стеснялись” в своих первых правительственных декретах использовать теоретические и практические наработки всех социалистических партий. Так, они воспользовались эсеровской аграрной и национальной программами, устраивавшими большинство крестьянства и нерусское население страны предлагаемыми в них принципами социализации земли и федерализма в государственном обустройстве. У меньшевиков они взяли общую для всех социал-демократов программу по рабочему вопросу. В октябре 1917 г. большевики победили под социалистическими и

демократическими лозунгами. Об их популярности свидетельствуют итоги выборов в Учредительное собрание, где социалисты имели более 80% мандатов⁵⁰. Конечно, это не означало, что Россия “проголосовала за социализм”, но избирателей, несомненно, привлекли демократические лозунги социалистических партий. Ф.И.Дан, назвавший себя наследником Мартова и писавший в 1940-х гг. историю большевизма и своей партии, подчеркивал, что социализм в СССР строили представители всех фракций РСДРП, что многие бывшие меньшевики отдавали этому свои знания, опыт, организационные навыки, работая в Госплане, банках, ВСНХ и других экономических и научных учреждениях⁵¹. Дан был логичен в своих суждениях, но весьма далек от жестких реалий сталинской России. А они были таковы, что бывшие меньшевики, честно сотрудничавшие с большевиками, одними из первых оказались жертвами репрессий⁵².

Меньшевизм был умеренной, ориентированной на западные образцы и общечеловеческие ценности частью российской социал-демократии, хотя в нем всегда существовали различные политические течения. Биограф Мартова И.Гетцлер назвал его руководителем, потерявшим свою партию в 1917 г. Действительно, лидерство Мартова в то время оспаривали И.Г.Церетели и Ф.И.Дан. Более того, они выходили победителями в полемике с ним по вопросу об участии меньшевиков в работе коалиционного Временного правительства. Но Мартов создал фракцию меньшевиков-интернационалистов и сделал все возможное для сохранения единства в партии, несмотря на расхождения во взглядах. Он не “потерял” партию в 1917 г., а сохранил ее. Перестав быть одной из правительственных партий и потерпев в октябре поражение, большинство меньшевиков в декабре 1917 г. снова пошли за Мартовым, видя в нем лидера, способного отстаивать демократи-

ческие принципы. Вряд ли можно говорить и о падении его политического авторитета, как это произошло с Керенским или Троцким⁵³, ибо это были совершенно разные люди. Мартов отличался от них прежде всего тем, что никогда не был у власти. Гуманистические, нравственные идеи Мартова были восприняты европейской социал-демократией.

В годы советской власти попытки меньшевиков играть роль демократической оппозиции властям были быстро и решительно пресечены. В ноябре 1921 г. в ВЧК был создан “секретный отдел” с задачей “вести и руководить борьбой с антисоветскими партиями, политическими группами и организациями”. Из восьми отделений этого отдела четыре наблюдали за деятельностью российских социалистов, одно из них специализировалось “на меньшевиках”. ВЧК получила право просмотра поступающей и отправляемой за границу почтовой и иной корреспонденции⁵⁴. 2 февраля 1922 г. на заседании политбюро ЦК РКП(б) было решено поручить ГПУ “продолжать держать в заключении меньшевиков, эсеров и анархистов, находящихся в настоящее время в распоряжении ВЧК”⁵⁵. 10 марта 1922 г. заместитель председателя ВЧК И.С.Уншлихт сообщал Ленину, что чекисты обнаружили письмо, характеризующее “преступную и вредную деятельность союза молодежи меньшевиков. Письмо отобрано при обыске у члена ЦК союза молодежи меньшевиков Кранихфельда А.С.”. Уншлихт предлагал ужесточить репрессивные меры⁵⁶. Ленин откликнулся быстро, заявив: “Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно, как открытых, так и перекрасившихся в “беспартийных”, в тюрьме”, и тогда же предлагал: “За публичное доказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды”⁵⁷. Он потребовал усиления “и надзора и репрессий” против меньшевиков, “самой беспощадной борьбы с ними и само-

го максимального недоверия к ним (как к опаснейшим фактическим пособникам белогвардейщины)⁵⁸.

К концу гражданской войны заметно усилилось эмоционально-критическое отношение Ленина к интеллигенции и меньшевикам. Это проявилось наиболее ярко в его письме к Горькому от 15 сентября 1919 г., когда он с целью всячески унижить В.Г.Короленко, известного писателя-демократа и правозащитника, характеризовал его как “почти меньшевика”, интеллигента, “мнящего себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно”⁵⁹. Нет нужды говорить о том, что ругательства и оскорбления никогда не были аргументами, а свидетельствовали, скорее, о крайнем раздражении Ленина по адресу тех, кто считал возможным с ним не соглашаться и публично заявлять об отрицательном отношении к проводимой властями политике террора, произвола и репрессий.

Для большевистского руководства оппозиционные социалистические партии были конкурентами в борьбе за власть: эсеры получили наибольшее число голосов избирателей во время выборов в Учредительное собрание, а меньшевики имели своих сторонников в профсоюзном и кооперативном движениях. В.М.Чернов, лидер эсеровской партии, позже вспоминал о встрече с Лениным в Швейцарии примерно в 1911 г. Он тогда спросил будущего вождя пролетарской революции: «“Владимир Ильич, да приди вы к власти, вы на следующий день меньшевиков вешать станете!” А он поглядел на меня и говорит: “Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера”, прищурился и рассмеялся»⁶⁰. С инакомыслящей российской интеллигенцией большевистское руководство расправлялось по-своему: одних выслало осенью 1922 г. двумя “философскими” пароходами на запад, других — отправило в ссылку на восточные окраины страны. Весьма изби-

рательно было разрешено покинуть страну отдельным представителям руководства эсеров и меньшевиков. Над оставшимися устроили показательные политические процессы и репрессировали. 8 июня — 7 августа 1922 г. в Москве судили лидеров эсеровской партии. Тогда, да и позже, большевистская пропаганда соединяла меньшевиков и эсеров в понятие “контрреволюционные, мелкобуржуазные партии”, хотя большевики и меньшевики длительное время были единой марксистской партией и те и другие считали себя выразителями интересов рабочих. Эсеры и меньшевики в одинаковой степени стали объектами карательной политики большевистских властей, хотя программы этих партий были различны⁶¹.

Общее неприятие московского процесса, разумеется, объединяло меньшевиков и эсеров. Мартов сразу же выразил негативное отношение к суду над эсерами, увидев в нем “террор на основе гнусного предательства и грязной полицейской провокации”, “метод расправы большевиков со своими политическими противниками вообще”⁶².

Усилившиеся в 1922–1924 гг. аресты и высылки меньшевиков привели к тому, что РСДРП как организация фактически перестала существовать. К концу 1922 г. из 23 членов и кандидатов в члены меньшевистского ЦК, избранных в мае 1918 г., из партии вышли 10 человек — К.А.Гвоздев, Б.Горев (Б.И.Гольдман), О.А.Ерманский (Коган), И.М.Майский (Ляховецкий), А.Мартынов (А.С.Пиккер), А.А.Плесков, П.Р.Трифонов, А.А.Трояновский, В.Г.Чиркин, В.И.Яхонтов⁶³. В начале 20-х гг. РСДРП покинули такие ее члены, как Н.А.Рожков, М.И.Скобелев, Н.Н.Суханов, Л.М.Хинчук и др. Тогда же властями было инспирировано ликвидационное движение среди меньшевиков, распускавших на местах свои организации и заявлявших о выходе из партии. Практиковались и индивидуальные заяв-

ления, создание инициативных групп по проведению губернских конференций для объявления о роспуске организаций, республиканские и областные съезды меньшевиков опять-таки с целью самороспуска⁶⁴.

В последнем, сдвоенном номере журнала бюро ЦК РСДРП “Социал-демократ”, вышедшем в начале 1924 г., сообщалось о расстреле на Соловках шести социалистов и о том, что умер Ленин. В редакционной статье подчеркивалось, что смерть Мартова, а затем Ленина “как бы символически напоминает о том, насколько неразрывно были связаны в истории целой полосы русского рабочего движения их имена, при всем различии и даже резкой противоположности их политического и морального облика”. Ф.И.Дан писал на страницах журнала, что быть социал-демократом в советской России “куда труднее, чем было при царском режиме”, но и намного почетнее: ведь при царизме кто только не был “социалистом”⁶⁵.

С начала 1930-х гг. борьба большевистских властей с бывшими меньшевиками, жившими и работавшими в СССР, приняла наиболее уродливые, извращенные и жестокие формы. Стремление властей “возродить” меньшевизм в стране, где он уже сошел с политической сцены, организовав в 1931 г. от начала до конца фальсифицированный процесс, наверное, имеет свои объяснения. Среди них отметим малую конкурентоспособность теории и практики большевиков той поры в спорах с западноевропейскими социал-демократами: ведь в странах, где последние пришли к власти, рабочие жили в гораздо лучших условиях, нежели в стране “диктатуры пролетариата”. Поэтому аргументация представителей “страны побеждавшего социализма” свелась к элементарной ругани и наклеиванию на западных социал-демократов ярлыков вроде “социал-фашистов”, а на российских — “социал-предателей”.

Судилище над меньшевиками в 1931 г. было судом над несуществующей партией, но полученные с применением мер физического и морального воздействия “признания” подсудимых были представлены как “вредительская”, “контрреволюционная” и “антинародная” деятельность⁶⁶, что должно было привести к очередной дискредитации российской и мировой социал-демократии. 1–9 марта 1931 г. в Колонном зале Дома союзов в Москве судили 14 человек, часть из которых даже в прошлом никогда не были меньшевиками. Осуждением меньшевиков и меньшевизма во время этого судебного процесса репрессивные меры против них не ограничились.

В 1935 г. в НКВД возникла идея провести еще один судебный процесс над меньшевиками, поставив во главе придуманного “Всесоюзного меньшевистского центра” С.И.Цедербаума-Ежова (брата Ю.О.Мартова). С декабря 1931 г. он находился в ссылке в Казани, где недолгое время работал в институте истории, а затем плановиком-экономистом в республиканской конторе “Союзутиль”. В письме из Казани от 28 марта 1933 г. он жаловался на безработицу, сообщал о своем обучении бухгалтерскому делу и выражал тревогу в связи с приходом в Германии к власти фашистов⁶⁷. Вместе с ним в Казани отбывали ссылку его жена, К.И.Захарова-Цедербаум (1879–1938) и один из основателей Бунда, член ЦК РСДРП с августа 1917 г. М.И.Либер (1880–1937). Г.Д.Кучин (1887–1937), меньшевик с 1905 г., член ЦК РСДРП с мая 1918 г., в 1932–1935 гг. находился в ссылке в Ульяновске. В феврале 1935 г. были одновременно арестованы около 50 ссыльных меньшевиков, проживавших тогда в городах Поволжья. О выдуманных причинах ареста С.И.Цедербаум-Ежов последний раз написал из Бутырской тюрьмы 18 октября 1938 г. на имя тогдашнего главы НКВД Л.П.Берия: “Мне ставится в вину, будто в 1934 г., на-

ходясь в Казани, я образовал вместе с Либером-Гольдманом Союзный центр меньшевистской нелегальной организации, включив в задачу также и террор. Обвинение это основывается на показании Либерера, очная ставка с которым мне не была дана, ровно как и с другими оговорившими меня людьми. Само обвинение по существу представляется неправдоподобным, поскольку, по словам следствия, этот Центр был составлен нами преимущественно из лиц, находившихся в это время в ссылке в различных городах Союза (Уфа). Я выступал самым принципиальным противником террора во всех формах. Меньшевистская партия, в принадлежности к которой я обвиняюсь, до сего дня является противником террора... Я готов понести любую кару за свои убеждения как меньшевик, но протестую против приписывания ко мне действий, идущих вразрез с моими убеждениями"⁶⁸. С.И.Цедербаум-Ежов был расстрелян 25 февраля 1939 г. Ему еще не было и 60 лет. Его жену расстреляли 13 июня 1938 г., а М.И.Либерера постигла та же горькая участь в марте 1937 г.

Судьба семьи Цедербаум-Мартова, его братьев и сестер, их детей — это судьба российского меньшевизма. Мартов умер в Германии в ночь с 3 на 4 апреля 1923 г. и был похоронен в Берлине. Объясняя причины его последней эмиграции из страны, Дан писал: "Мартов жил последние годы, болел и умирал на чужбине. Не по своей воле: его не высылали из России; его, быть может, даже не арестовали бы при возвращении; ему "только" заткнули рот, выбили перо из его рук, отняли всякую возможность публицистической и политической работы и сделали точкой приложения полицейской слежки за общавшимися с ним товарищами... И последние мучительные месяцы его жизни были отравлены все возрастающей волной террора, направленного против партии, во главе которой он стоял, против ростков

возрождающегося социал-демократического и рабочего движения”⁶⁹.

Сестра Мартова, Л.О.Цедербаум, была женой Ф.И.Дана. Они тоже умерли в эмиграции: Дан в 1947 г., а его жена — в 1963 г. в Нью-Йорке. Ф.И. и Л.О.Дан вступили в российское социал-демократическое движение в 90-е годы XIX века и не по своей вине значительную часть жизни провели в эмиграции. Б.И.Николаевский был автором некролога, посвященного Л.О.Дан, которую он знал лично. Николаевский вспоминал: “Личная жизнь ее последнее время была особенно тяжела. Она получила сведения, что в России едва ли не все ее близкие погибли: это рассказал сам Берия французскому дипломату, который от имени Леона Блюма просил Берия дать ему эту информацию. Особенно тяжелой для Л.О. была гибель ее старшей дочери. Младшая умерла еще в 1917 г. Погибли, расстреляны большевиками и все ее братья, а также племянники. Эти вести если не сломили, то, во всяком случае, тяжело придавили Л.О. Всегда неутомимая и бодрая, последние годы она жила, как бесконечно уставший человек...”⁷⁰ Все члены семьи Ленина были большевиками, родственники Мартова — меньшевиками. По-человечески счастливыми, наверное, не были ни те ни другие. Первые считали себя победителями, вторые остались верными своим идеалам и принципам. Меньшевики были против гражданской войны и с оружием в руках против большевиков их основная масса не воевала. Большевики же сделали все возможное для физического уничтожения социал-демократии в России, забывая или не обращая внимания на то обстоятельство, что террор не может быть триумфальным.

Представители российской интеллигенции, вынужденные покинуть страну, возмущались большевистским произволом, критиковали устанавливающийся тоталитарный режим, мечтали о свободной

демократической России⁷¹, но, как свидетельствуют биографы многих социал-демократов эмигрантов, годы их изгнания были “чем-то вроде печального эпилога”⁷². Они оказались за рубежом чужими, зачастую не востребованными как политики, их предавали жестокому остракизму на родине. Заметим, что российские меньшевики, ставшие жертвами политических репрессий сталинского режима, реабилитировались со стандартной формулировкой “за отсутствием состава преступления” весьма своеобразно. Политическая реабилитация в СССР началась после смерти Сталина в 1953 г. Но бывших меньшевиков, осужденных и погибших в 30-е годы, реабилитировали только в начале 90-х и не персонально, а общим списком вместе со всеми другими, попавшими под действие Указа президента СССР М.С.Горбачева от 13 августа 1990 г. “О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х гг.”.

Меньшевиков преследовали в СССР последовательно и изощренно. П.А.Судоплатов, многие годы руководивший разведывательно-диверсионной службой в НКВД-МГБ, вспоминал, как в 1952 г. министр МГБ С.Д.Игнатьев и его заместитель А.А.Епишев подписали директиву зарубежным резидентурам усилить проникновение агентов в зарубежные меньшевистские организации, которые якобы “относились к числу наших главных противников”. Выслушав возражения Судоплатова, Игнатьев согласился, что этого не нужно делать, но предложил... убить Керенского⁷³.

Последовательное преследование большевистскими властями меньшевиков стало советской традицией. Пропагандируя мощь и непобедимость своего режима, большевики не переставали опасаться, что социал-демократические настроения внутри страны, поддержанные зарубежными социалистами, смогут привести к свержению влас-

ти КПСС. Падение большевистского режима в начале 1990-х гг. показало, что эти опасения были не напрасны.

Судьбы российских социал-демократов сложились по-разному. Погибли в советских лагерях и тюрьмах или были расстреляны почти все меньшевики, чья революционная деятельность начиналась еще до октября 1917 г. Погибли и многие их родственники, не имевшие к их деятельности прямого отношения⁷⁴. По-иному выглядят биографии бывших меньшевиков А.Я.Вышинского, советских академиков И.М.Майского, П.П.Маслова, С.Г.Струмилина, посвятивших себя научной и государственной деятельности. На советскую власть работал бывший член ЦК РСДРП Л.М.Хинчук, ставший в 1920 г. большевиком. Он был председателем Центросоюза, послом, наркомом внутренней торговли СССР. До середины 30-х гг. читал в вузах Украины курс философии и социологии бывший член ЦК РСДРП С.Ю.Семковский. Длительное время дипломатической работой занимался бывший член ЦК РСДРП А.А.Трояновский⁷⁵.

Меньшевистская партия как организованная политическая система перестала существовать на территории СССР к середине 20-х гг. Заграничная делегация меньшевиков действовала в Берлине до прихода Гитлера к власти (1933 г.), затем в Париже, а с 1940 г. в Нью-Йорке. Меньшевики продолжали выпускать журнал "Социалистический вестник" (до 1965 г.), публиковать книги, воспоминания и статьи. Заметим, что в своих работах они не скрывали своих ошибок и просчетов, но никогда не стыдились своего прошлого.

В начале 50-х гг. работа Заграничной делегации практически завершилась. Отдельные российские историки полагают, что с этого времени меньшевизм как политическое течение прекратил свое существование, а оставшиеся в живых меньшевики

стали заниматься только интеллектуальной деятельностью⁷⁶. С этим категорическим суждением трудно согласиться. Достаточно заметить, что совсем отказываться от политической деятельности меньшевики-эмигранты, несмотря на возраст, не хотели. В марте 1952 г. 14 социалистов, в том числе эсеры М.В.Вишняк, В.М.Зензинов, В.М.Чернов, меньшевики Н.В.Валентинов, Б.И.Николаевский и другие, подписали Декларацию, которая признавала российские социалистические течения родственными, призванными создать единую социалистическую партию, “широкую, терпимую, гуманитарную и свободолюбивую”. Вишняк писал, что история сняла былые споры между эсерами и социал-демократами о путях развития России, что Декларация “шла в том же направлении, что и социалистические партии Запада” после войны⁷⁷.

Судьба российской социал-демократии — это история и отечественной многопартийности, демократических принципов в стране. Ее звездный час пришелся на февраль–октябрь 1917 г. Маркс в работе “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта” привел замечание Гегеля о том, что “все великие всемирно-исторические события и личности, так сказать, появляются дважды. Он забыл прибавить: первый раз — как трагедия, второй раз — как фарс”⁷⁸. Ныне мы опять наблюдаем всплеск многопартийности. Хотелось бы верить, что это не обернется ни трагедией, ни фарсом. Все аргументы власти по-прежнему мало кого убеждают, а власть аргументов возможна лишь в правовом демократическом обществе.

Социал-демократы конца XX — начала XXI столетия убеждены, что они являются альтернативой социал-национализму и что без них движение в будущее не может быть полноценным и успешным. Они неоднократно заявляли о критическом пересмотре некогда сложившихся представлений при непре-

менном соблюдении принципов нравственности и правил демократического волеизъявления. Их современные программы свидетельствуют об отказе от приверженности марксизму при сохранении к нему уважения как к культурно-историческому явлению, учете негативного опыта стран, дискредитировавших социалистическую идею, а также понимание роли индивидуализации в современном мире. Они представляют собой движение с полуторавековой историей, коалицию более 140 политических партий, объединенных в Социалистический Интернационал, и не сомневаются в будущем социал-демократии⁷⁹. Социал-демократы решительно отмежевываются от тех, кто при помощи диктатуры, насилия и террора заявлял о построении “социалистического общества”, справедливо полагая, что социалисты всех направлений, часто не исключая и победителей, становились жертвами тоталитарных режимов.

В России большевики отправляли меньшевиков в концлагеря, в Германии национал-социалисты делали то же с социал-демократами. По данным академика А.Н.Яковлева, к 1941 г. в СССР в тюрьмах и лагерях было уничтожено около 98% социалистов, до этого проживавших в стране⁸⁰. Но в России пока не произошло возрождения социал-демократического движения после крушения коммунистического режима, а в Германии после поражения фашизма такое случилось. Этому много причин. Среди них катастрофическое поражение российской социал-демократии в 1917 г., разрозненность современных демократических партий и движений, отсутствие конструктивной и привлекательной для населения программы, пока еще существующий в стране менталитет с его привычкой к унитарной форме правления, с мечтой “о сильной руке” и т. д.⁸¹

Российская социал-демократия имеет богатые традиции борьбы за социалистические идеалы сво-

боды и равенства граждан, она была и остается частью демократически настроенной интеллигенции страны. Гибель десятков политических партий России, создание однопартийной системы в стране означало и сознательное, властное ущемление демократических преобразований, носителями которых была прежде всего интеллигенция. Поэтому трагедия российской социал-демократии была и трагедией российской интеллигенции. Особенность состояла в том, что абсолютное большинство российских социал-демократов в начале XX века были приверженцами марксизма, под знаменем которого большевики пришли к власти.

В 1998 г. в Москве было торжественно отмечено 100-летие I съезда РСДРП. Тогда же усилиями российских историков и социал-демократов были восстановлены разрушенные в годы второй мировой войны могилы Мартова, Аксельрода и других российских меньшевиков в Берлине. К этому времени восходит начало создания научной истории российской социал-демократии и начало процесса перемещения центра ее изучения в Россию. Последнее оказалось болезненным для западных историков, полагавших себя естественными монополистами в использовании богатейших материалов эмигрантских архивов, ныне ставших доступными и для российских историков. Российские историки довольно быстро признали научный характер зарубежной историографии, хотя и не увидели в ней истину в последней инстанции. Отношение ряда западных историков к современным российским оказалось иным. И. Гетцлер, например, согласился с тем, что последние работы российских историков о Мартове "исправляют и очищают" его ранее фальсифицированный образ, преобладавший в советской историографии⁸². И только. Думается, что столь нигилистическое отношение к достижениям российских исследователей биографии лидера

меньшевизма в данном случае по меньшей мере некорректно. Российские историки в настоящее время готовы конкурировать, а лучше сказать — сотрудничать с западными исследователями, если это дает конструктивные результаты. Но исследование проблемы требует понимания единства науки, непредвзятого отношения к достижениям своих коллег. Подобное уже было, когда работы западных историков объявлялись в СССР по политическим мотивам “фальсифицированными”, теперь же, при появлении исследований российских ученых, западные говорят: “А что в них нового?” Наверное, ответ на этот вопрос в каждом конкретном случае следует обосновать, а не использовать в качестве аргументации лишь личное мнение.

Итак, российская социал-демократия прошла длительный и трагический путь в своем развитии. Начав с идеализации теорий Маркса, она, пережив искусственную физическую ликвидацию в стране “победившего социализма”, вместе со своими западными коллегами пришла к пониманию марксизма как культурно-исторической ценности и исторического факта.

В Библии сказано: придет время, все мертвые воскреснут. В памяти человеческой — все! В противном случае не останется и живых! Воскрешая прошлое, мы думаем о настоящем и будущем. Опыт прошлого заключен и в деятельности российской социал-демократии, создание полноценной истории которой становится все более важным и необходимым делом.

Данное введение, как имеющее для автора концептуальное значение, относится ко всему задуманному исследованию истории российской социал-демократии. Исследование предполагается опубликовать в четырех частях: источниковедение, историография, история РСДРП до октября 1917 г., судьбы социал-демократии в советской и постсоветской

России. В центре исследования — меньшевики, наиболее последовательные российские социал-демократы. Историю большевизма и национальных социал-демократических партий и объединений автор намерен рассматривать лишь в той мере, в какой это необходимо для воссоздания целостности истории развития российского социал-демократического движения.

Комментарии

¹ См.: *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997; *Baron S. Plekhanov: The Father of Russian Marxism.* Stanford, 1963; и др.

² *Дейч Л.Г.* Первые шаги группы "Освобождение труда" // Группа "Освобождение труда". М., б. г. Сб. 1. С. 17–18.

³ Цит. по: *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 122.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Там же. С. 123–124.

⁶ Там же. С. 330, 332.

⁷ Подробнее об этом см.: *Овчаренко Н.Е.* Две жизни Э.Бернштейна // Новая и новейшая история. 1994. №3; *Айхлер В.* Этический реализм и социальная демократия // Избранные труды. М., 1996. С. 155–156, 159–162; и др.

⁸ *The New Encyclopaedia Britannica* in 30 volumes. 1974. V. 16. P. 956; *Brockhaus Enzyklopadie* in Zwanzig Banden. 1973. B. 17. S. 614–615; *Grand Larousse encyclopedique* en dix volumes. 1964. V. 9. P. 279.

⁹ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 516–517.

¹⁰ *Пивоваров Ю.* Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия. М., 1997. С. 221; *Стирлин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977. С. 308–314. В числе первых национальных социал-демократических организаций России были армянский "Гнчак" ("Колокол", 1887), Социал-демократия Королевства Польского (1893), Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд, 1897), Революционная украинская партия (1900), Мусульманская социал-демократическая партия "Гуммет" (1904) и др.

¹¹ *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму. Сб. статей (1896–1903). СПб, 1904. С. VII.

¹² *Бердяев Н.А.* Самопознание: опыт автобиографии. Париж, 1949. С. 125. Б.П.Балуев, говоря о полемике Н.К.Михайловского с легальными марксистами, видел правоту теоретика народничества в том, что Бердяев, Струве и другие отказались от марксизма // Балуев Б.П. Н.К. Михайловский о легальном марксизме. — В кн.: Россия в XX в. Историки мира спорят. М., 1994. С. 672. Но, судя по воспоминаниям Бердяева, он отказался не от марксизма, а от его интерпретации большевистскими и отчасти меньшевистскими лидерами, восприняв из марксизма то, что соответствовало его духовным убеждениям.

¹³ *Струве П.Б.* Мои встречи и столкновения с Лениным // Новый мир. 1991. № 4. С. 218; Ф.Савиньи (1779–1861) и Г.Пухта (1798–1846) — немецкие юристы, одни из основателей исторической школы права.

¹⁴ См.: История КПСС. М., 1967. Т. 1. С. 208–213; *Pipes R. Struve: Liberal on left.* Cambridge. 1970. P. 227–232.

¹⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 175, 176; *Мартов Л.* История российской социал-демократии. Пг. — М., 1923. С. 51; *Эйдельман Б.* Первый съезд РСДРП. М.—Л., 1926. С. 87; История КПСС. Т. 1. С. 266.

¹⁶ Новый мир. 1991. № 4. С. 220. В последние годы началось издание работ П.Б.Струве в России. См.: *Струве П.Б.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.

¹⁷ История КПСС. Т. 1. С. 207.

¹⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 16.

¹⁹ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 198, 203; Новый мир. 1990. № 4. С. 206.

²⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 303.

²¹ Там же. С. 170–176. Ю.О. Мартов, подписавший ленинский “Протест”, позже вспоминал, как Кускова протестовала против нелояльного использования ее произведения. По ее словам, “Credo” представляло собой случайно сделанный набросок мыслей и сомнений автора, менее всего претендовавший на роль манифеста определенного течения. Для Мартова и других подписантов ленинского “Протеста”, как видно из его воспоминаний, было неважно, является ли написанное Кусковой официальным документом. Важно было критически оценить возникшее мнение и твердо заявить о своем понимании проблемы. // Мартов Ю. Записки социал-демократа. М., 1924. С. 409–410.

²² *Шеррер Ю.* Социал-демократическая интеллигенция и рабочие // Реформа или революция? Россия. 1861–1917. СПб, 1992. С. 113. Заслуживает внимания замечание Шеррер о том, что после 1903 г. вновь усилился разрыв между рабочими и интеллигенцией, когда часть рабочих пошла за Зубатовым и Гапоном (там же. С. 114). Прав В.Н. Гинев, обративший внимание Шеррер на то, что отношения между российской социал-демократической интеллигенцией и рабочими были важны и для западной социал-демократии.

²³ *Шаповал Ю.П.* Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию // Отечественная история. 1997. № 5. С. 57, 66; *Он же.* То же. М., 1998; Литературная газета. 1988. 7 декабря.

²⁴ *Потресов А.Н.* Ленин // Источник. 1993. № 4. С. 23–25.

²⁵ *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Марксисты и русская революция. М., 1996; и др.

²⁶ *Keep I.* The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963. P. 89–90; *Пайнс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 26.

²⁷ *Аксельрод П.Б.* Пережитое и передуманное. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 198; *Авторханов А.* Ленин в

судьбах России. Размышления историка. Prometheus-Verlag, 1990. С. 17, 23–31, 42.

²⁸ Читая письма Бориса Бруцкуса. Публ. Н. Погалиной // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1996. Т. V. С. 249. 5 февраля 1938 г. Бруцкус в письме Прокоповичу писал, что после советского опыта социалисты задумались над социализмом и попытаются его построить на “совершенно новых началах, не имеющих ничего общего с марксизмом”. // Там же. С. 273.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 417.

³⁰ Записные книжки Л.Г. Дейча // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 6.

³¹ Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. London, 1983. P. 71.

³² Библиотека В.И.Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961.

³³ Об этом см.: Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–7.

³⁴ Спирин Л.М. Личная библиотека Сталина // Независимая газета. 25 мая 1993 г. В книге Д.Далина “После войн и революций” (Берлин, 1922) Сталин выделил слова о том, что если бы в 1848 г. в Германии победила революция и у власти оказался Маркс, то он насаждал бы социализм большевистскими методами. На обложке изданной в 1923 г. книги Ленина “Государство и революция” Сталин написал: “Теория изживания (государства) есть гиблая теория”. На полях книг Каутского “Терроризм и коммунизм” (Берлин, 1919) и “Пролетарская революция и ее программа” (Берлин, 1922) можно встретить выражения “Дурак”, “Подлец и сволочь!”. Страницы книги Троцкого против Каутского испещрены одобрителными пометками. Особенно ему понравился вывод Троцкого о том, что революционное господство пролетариата партия может осуществлять без каких бы то ни было

блоков с “социалистическими организациями”. В статье А.Мартынова “Великая историческая проверка” (Красная новь. М., 1923. № 2) Сталин подчеркнул его утверждение о том, что в 1912 г. пути меньшевиков и большевиков разошлись окончательно. Сталин стал членом ЦК в 1912 г. и, по его мнению, партия большевиков стала отдельной от меньшевиков партией именно тогда, после решений ее Пражской конференции. И.М.Майский подарил Сталину книгу “Профессиональное движение на Западе. Основные этапы” (Л., 1925) с надписью: “Тов. Сталину, которому ничего не должно быть чуждо, в том числе и профдвижение”. Мартынов (Пиккер) А.С. (1865–1935) — меньшевик с 1903 г., член ЦК РСДРП, с 1923 г. большевик. Автор многих работ и воспоминаний.

³⁵ *Бухарин Н.* Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. Новгород, 1922. С. 6. Денике Ю.П. (1887–1964) — меньшевик с 1907 г., с 1922 г. в эмиграции, сотрудник “Социалистического вестника”, автор ряда статей и воспоминаний.

³⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 185.

³⁷ *Мартнов Ю.О.* Мировой большевизм. Берлин. 1923. С. 13; *Getzler I.* Martov's Lenin // *Revolutionary Russia.* 1992. V. 5, № 1. P. 94, 102.

³⁸ *Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1984. Т. 1. С. 578, 592.

³⁹ *Орлов Б.С.* Перспективы развития социальной демократии в России (две партии — две политические культуры) // Полития. Вестник фонда “Российский общественно-политический центр”. М., 1997. № 1. С. 90–91.

⁴⁰ Майский (Ляховецкий) И.М. (1884–1975) — меньшевик, член ЦК РСДРП с 1917 г. Вышел из партии меньшевиков в 1919 г., член РКП(б) с 1921 г. Тогда же протестовал против соединения его в

статье Ленина с Мартовым и Черновым. В ответ на его письмо Ленин 2 июня 1921 г. в "Известиях ВЦИК" согласился с этим протестом. Вышинский А.Я. (1883–1954) – меньшевик в 1903–1920 гг., затем в РКП(б). В 1933–1939 гг. – заместитель Генерального прокурора и Генеральный прокурор СССР. В 1920–1922 гг. из РКП(б) исключали (чистка) многих выходцев из других партий. Число исключенных, выходцев из других партий, составило 4,6% от общего числа исключенных из РКП(б), из них меньшевиков – 35,5%. В 1922 г. в РКП(б) осталось 22 517 выходцев из других партий, в том числе меньшевиков и бундовцев – 49,4%. // *Подболотов П.А., Спирын Л.М.* Крах меньшевизма в советской России. Л., 1988. С. 173–174.

⁴¹ Подробнее об этом см.: *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в советской России. СПб, 1997. С. 33 и др. Особенно широко использовался опыт борьбы Ленина и особенно Сталина в борьбе с инакомыслием. Уже после XX съезда КПСС, развенчавшего культ личности Сталина, в 1957 г. в Барнауле был привлечен к уголовной ответственности по политической статье 58-10, ч. 1 УК РСФСР гражданин, бросивший пустую бутылку в бюст Ленина. // *Пожаров А.И.* КГБ и партия (1954–1964 гг.). – Отечественная история. 1999. № 4. С. 170.

⁴² *Федотов Г.П.* Три столицы // Новый мир. 1989. № 4. С. 209.

⁴³ *Шишкин В.А.* Русская политическая традиция и трансформация большевистской идеологии развития России от революционного "западничества" к "самобытности" // Россия в XIX – XX вв. СПб, 1998. С. 332–333, 338.

⁴⁴ *Спирын Л.М.* Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России // Банкротство мелкобуржуазных партий в России. 1917–1922 гг. М., 1977. Ч. 1.

С. 6–9; *Булдаков В.П.* Выступление на обсуждении энциклопедии “Политические партии России” // Отечественная история. 1997. № 3.

С. 140–141.

⁴⁵ К.Хеллер приходил к выводу о том, что российские социал-демократы были убеждены в сходстве экономического и социального развития России и Европы. // *Heller K. Revolutionärer sozialismus und national Frage. Frankfurt am Main, 1977. S. 14.*

⁴⁶ С.И.Радченко (1869–1911) отошел от всякой партийной работы в 1906 г.; его жена, Л.Н.Радченко (1871–1962), с 1903 г. — член партии меньшевиков; А.И.Кремер (1865–1935) работал в Бунде; Б.Л.Эйдельман (1867–1939) отошел от всякой партийной работы в 1907 г.

⁴⁷ *Жордания Н.* Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 115–116.

⁴⁸ См.: *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. М., 1993. С. 115–119.

⁴⁹ *Шанин Т.* Революция как момент истины. М., 1997. С. 341–342.

⁵⁰ По данным Л.Г.Протасова, из 767 установленных депутатов Учредительного собрания эсерам принадлежало 428 мандатов, меньшевикам — 16, большевикам — 108, украинским социал-демократам — 11, народным социалистам — 4. // *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С. 299.

⁵¹ *Дан Ф.И.* Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1946. С. 458–459.

⁵² Подробнее об этом см.: *Павлов Д.Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М., 1999.

⁵³ *Getzler I.* Iulii Martov, the Leader who lost his Party in 1917. A second Look at Martov on the 70th Anniversary of his Death. // The Slavonic and East European Review. 1994 V. 72. № 3. P. 424, 439.

⁵⁴ Российский государственный архив социаль-

но-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2558. Л. 41–45, 48.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 259. Л. 9.

⁵⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2578. Л. 23. Подробнее о судьбе Кранихфельда см.: *Сати́р Б.М.* Андрей Кранихфельд (К истории движения социал-демократической молодежи в России) // Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959. С. 138–147.

⁵⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 242; Т. 54. С. 130–131.

⁵⁸ Там же Т. 45. С. 50; Т. 54. С. 130.

⁵⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 45.

⁶⁰ Цит. из ст.: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Горький и дело эсеров // Дружба народов. 1990. № 12. С. 237.

⁶¹ В передовой статье газеты “Правда” 2 июля 1922 г. говорилось: “Процесс эсеров выявил политику меньшевиков. Не требуя от эсеров отказа от вооруженной борьбы с советской властью, они требуют отказа от репрессий против эсеров. Пусть меньшевики сами пеняют на себя, если их будут оценивать не по родословной, а по делам”.

⁶² Социалистический вестник. 1922. № 7. Под “гнусным предательством” Мартов имел в виду издание ГПУ брошюры бывшего руководителя боевой эсеровской группы Г.И.Семенова, ставшего в 1921 г. большевиком, “Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг.” (М., 1922). Брошюра “изобличала” эсеров в различных “преступлениях”.

⁶³ *Спи́рин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968. С. 394. В 1923 г. в Тифлисе вышел сборник статей меньшевиков под названием “Разложение меньшевизма”, в котором Мартынов и Рожков излагали причины, побудившие их покинуть партию меньшевиков.

⁶⁴ Подробнее об этом см.: *Подболотов П.А.*,

Спириин Л.М. Крах меньшевизма в советской России. Л., 1988. С. 200–207.

⁶⁵ Социал-демократ. 1924. Январь–февраль. № 1–2. С. 3, 5–6.

⁶⁶ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта – 9 марта 1931 г.). Стенограмма судебного процесса. Обвинительное заключение и приговор. М., 1931.

⁶⁷ Письмо опубликовано в сб.: Мартов и его близкие. С. 69–70.

⁶⁸ Цит. по.: *Попова (Цедербаум) Т.Ю.* Судьба родных Л.Мартова в России после 1917 г. М., 1996. С. 28–30.

⁶⁹ *Дан Ф.* У гроба... // Социалистический вестник. 1923. 10 апреля. Экстренный выпуск. С. 4.

⁷⁰ Социалистический вестник. 1963. № 3–5. С. 59–60.

⁷¹ Б.Д. Бруцкус, оценивая политику большевиков, писал 23 ноября 1924 г. С.Н. Прокоповичу: “Прославили меня реакционером. А я полагаю так, что за большевистской социал-деспотией у нас черносотенная социал-деспотия, к сожалению, очень вероятна. А душа моя ни той, ни другой не приемлет. России надо немного свободы, а я себе ее не представляю без буржуазной собственности”. // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим. 1996. Т. V. С. 249.

⁷² *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 24. Я.М.Цвибак (1902–1994), журналист (псевд. – Андрей Седых), в воспоминаниях писал о споре между писателем М.А.Алдановым (Ландау) и бывшим секретарем Учредительного собрания эсером М.В.Вишняком, язвительно отозвавшимся о бывших народных социалистах, проживавших в Париже. Алданов ответил: “Мы – что! Мы партия маленькая... А вот вас, эсеров, в Париже – 12 человек!” // *Седых А.* Далекие, близкие. М., 1995. С. 52.

⁷³ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 385, 386.

⁷⁴ О меньшевиках в лагерях и тюрьмах // Социалистический вестник. 1961. № 6. С. 120–124; *Попова (Цедербäum) Т.Ю.* Судьба родных Л.Мартова в России после 1917 года. М., 1996; *Она же.* Еще раз о судьбе родных Мартова в России после 17 года. М., 1999; и др.

⁷⁵ Жизнь многих бывших меньшевиков, сотрудничавших с большевиками, ставшими членами РКП(б), была посвящена, насколько можно судить по их биографиям, задаче выживания любой ценой. К.И.Чуковский записал в дневнике 10 мая 1925 г. о Майском: “Он бывший меньшевик и, как всякий бывший меньшевик, страшно хлопочет перебольшевичить большевиков”. // *Чуковский К.И.* Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 302.

⁷⁶ *Тумфинсон В.Х.* Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус. М., 1994. С. 243; *Орлов Б.* Российская социал-демократия: история и современность (к 100-летию РСДРП). М., 1998. С. 17.

⁷⁷ *Вишняк М.* Памяти Б.И.Николаевского // Новое русское слово. 1966. 29 марта. М.В.Вишняк (1883–1976) – эсер с 1903 г. Неоднократно арестовывался царскими властями. Секретарь Учредительного собрания в 1918 г. С 1919 г. в эмиграции. Автор многих работ и воспоминаний. В Декларации ставилась задача освобождения России от большевистского тоталитаризма. Среди вопросов, которые потеряли свою актуальность в спорах социал-демократов и эсеров, Вишняк называл возможность России миновать капиталистическую стадию развития в силу особых свойств русского крестьянства; о роли личности в истории и роли крестьянства как активного фактора в ходе революции и приближения к социализму; об обязательности для членов социалистической партии определенной “монистической” партфилософии и т. д.

⁷⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 219.

⁷⁹ Подробнее об этом см.: Европейская социал-демократия накануне XXI столетия. М., 1998. С. 9; Будущее европейской социал-демократии. М., 1998. С. 311. На конгрессе Социалистического интернационала в Париже (ноябрь 1999 г.) присутствовали 1200 делегатов 170 социалистических партий из сотни государств мира. // Известия. 1999. 10 ноября.

⁸⁰ Известия. 1996. 22 мая.

⁸¹ Подробнее об этом см.: *Попов Г.* Есть ли у социал-демократов будущее в России (тезисы). М., 1998; *Горбачев В.Г., Мехедов В.Д., Скидан В.В.* Социал-демократия: вчера, сегодня, завтра. Брянск, 1998; и др.

⁸² *Гетцлер И.* Мартов. СПб, 1998. С. 7.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Общая характеристика

Источниковедческих разработок по истории российской социал-демократии немного. В советское время история КПСС была обязательным предметом во всех вузах СССР, ей были посвящены многочисленные исследования. В специальных работах тогда рассматривались и проблемы источниковедения истории КПСС¹. Советские историки исходили из признания ленинских работ основным источником по истории российской социал-демократии, причем источником, чьи оценки, определения и формулы были истиной в последней инстанции и сомнению не подвергались.

В 60-е годы историки-медиевисты (А.А.Зимин, Л.В.Черепнин, С.М.Каштанов) предложили классификацию источников по содержанию или происхождению. Историки КПСС предпочли классовый, партийный подход к этой проблеме. М.А.Варшавчик считал, что к источникам, враждебным большевизму, следует прибегать только в том случае, если они содержат фактические данные, которые отсутствуют в большевистских документах. Но эти источники требуют особых приемов изучения. По Л.М.Спирину, существовало различие между источниками, исходящими от буржуазных и мелкобуржуазных партий. "Если отбросить шелуху, — писал он, — то в декларациях буржуазных партий можно довольно ясно видеть их намерения, распознать планы и замыслы. О мелкобуржуазных

партиях этого сказать нельзя. Документы этих организаций часто отражают предрассудки и колебания. У них нет ясности ни в программе, ни в действиях. Поэтому необходим особо критический подход к изучению документов, прежде всего программных, этих партий”². Напомним, что, согласно ленинской классификации, к мелкобуржуазным партиям относилась и такая марксистская организация, как меньшевики.

Историки КПСС среди источников выделяли произведения К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, решения и постановления партийных съездов и конференций, которые стояли как бы вне источниковедческой критики, а также периодику, мемуары, политическую, научную и художественную литературу, фонофотокинодокументы. Справедливости ради заметим, что в начале 20-х гг. М.Н.Покровский, говоря о задачах Истпарта, подчеркивал, что для изучения революционной борьбы источниками должны служить “все без исключения материалы”: документы РКП(б), “документы других партий, поскольку в них отразилось рабочее движение”, а также “все без исключения документы, созданные в борьбе с революционным движением”. Покровский отмечал значение мемуаров как важного источника, часто позволяющего избежать модернизации или произвольного толкования документальных источников и отражающего “тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятными или понятыми неправильно”³. Однако вскоре началось “классовое” размежевание с “буржуазной методологией истории”, в котором тот же Покровский призвал подходить к историческому источнику как к “продукту классовой борьбы”. Позже В.П.Данилов и С.И.Якубовская квалифицировали такое отношение к источнику как ошибочное, поскольку источники “не только отражают классово-

вую борьбу, но и содержат конкретные исторические сведения”⁴.

Вопрос о том, все ли источники следует использовать при проведении исторического исследования и какие из источников заслуживают большего доверия, дебатировался еще в 20-е годы. Одни историки (Н.А.Рожков, В.И.Пичета и др.) были за использование всех источников, независимо от их “классового происхождения”, другие (М.Н.Покровский, С.А.Пионтковский и др.) — против. Ученник А.С.Лаппо-Данилевского С.Н.Валк выступил в 1924 г. против предложения делить источники на те, достоверность которых не вызывает сомнения (например, нелегальные большевистские издания, мемуары непосредственных участников событий), и источники, вызывающие сомнение (например, документы жандармского ведомства). Валк отметил, что достоверность источника не связана с его принадлежностью и этот факт не может служить основанием для его классификации⁵.

Однако публикация письма И.В.Сталина в журнале “Пролетарская революция” (1931 г.) с его пренебрежительным отношением к источникам, полная солидаризация с его выводами большинства советских историков, утверждение истпартовского журнала о необязательности документального обоснования выводов историка⁶ означали отказ от принципа привлечения всей совокупности документов как условия объективной интерпретации источников. В СССР историки, как правило, не признавали права критики большевистских и советских источников. Они выражали недоверие лишь к тем из них, которые “вышли из-под пера политических противников Коммунистической партии”, потому что именно они, по мнению Варшавчика, освещали события с целью “очернить действия рабочего класса, трудящихся, революционной партии коммунистов. Искажение истины в источ-

никах этого рода — результат не просто недобросовестности авторов, но и следствие извращенного видения мира представителями классов и течений, историей обреченных на гибель...” Варшавчик считал, что полного доверия заслуживают источники, исходящие из большевистского лагеря, т. к. “только рабочий класс и его партия, люди, стоящие на идейных позициях рабочего класса, заинтересованы в правдивом отражении исторического процесса”⁷.

О.М.Медушевская, изучавшая историю развития российского источниковедения в XX веке, пришла к неутешительным выводам о работе источниковедов в советское время, когда были созданы экстремальные условия, далекие от традиционных форм работы, и когда, по словам П.А.Сорокина, ситуация определялась формулой: “Сегодня ты жив, а завтра нет”⁸. В то время престиж исторической науки был подорван, а источниковедение находилось в кризисном состоянии. Ведь документы советской истории так и не приобрели тогда статуса полноценного исторического источника. По мнению Медушевской, в те времена изучение источников становилось второстепенной задачей исследователей. Она полагала, что российское источниковедение ныне постепенно выходит из “безвременья 20-х — начала 50-х гг.” и “способно к возрождению и динамичному развитию”⁹.

В советское время источниковедение превратилось во вспомогательную историческую дисциплину. Тем самым источнику — основе исследования — отводилась второстепенная роль. С этим соглашались не все историки (С.Н.Валк, Б.А.Романов, А.А.Зимин и др.), но большинство против этого не возражало, следуя партийным директивам, получившим отражение в учебных планах вузов страны. Особенно страдало от этого изучение истории России конца XIX–XX веков, когда на политическую арену вышли различные партии, в том числе боль-

шевики, ставшие победителями в борьбе за власть в стране.

Историко-партийное источниковедение занималось прежде всего изданием сочинений К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, стенограмм и протоколов партийных съездов и конференций. В 20-е годы трудами Н.Н.Авдеева и С.Н.Валка были разработаны принципы текстологического анализа для определения авторства неподписанных произведений, опубликованных в большевистских изданиях. Однако не по вине историко-партийных источниковедов в СССР так и не было опубликовано полное собрание сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса, В.И.Ленина и И.В.Сталина. Но и изданное оказалось не всегда соответствующим текстам их произведений (они купировались редакторами). Позже историки обращали внимание на такой факт. Ленин создавал работу “Шаг вперед, два шага назад” (1904) в сложной ситуации внутрипартийной борьбы и потому вложил в нее огромный эмоциональный заряд, в том числе резкие высказывания против своих политических оппонентов. В 1907 г., готовя эту работу к переизданию, он снял ряд полемических моментов и смягчил персональную критику. Н.К.Крупская вспоминала, что была поражена тем, что Ленин выбросил из второго издания книги главу “Устав партии. Проект т. Мартова”. «Надо сказать, — писала она, — что “Шаг вперед...”, подводивший итоги чрезвычайно болезненно переживавшейся Владимиром Ильичем склоки, стоил Владимиру Ильичу очень многого. Эта глава, “Устав партии. Проект т. Мартова”, особенно тяжело далась Ильичу. Мне трудно было бы себе представить, как эту главу можно выбросить. “Почему ты выбрасываешь это?” — спросила я Владимира Ильича. Он ответил не сразу, видно было, как он думал о чем-то, ушел в себя, потом ответил небрежно как-то: “Теперь это ни к чему”». Однако в его сочинениях продолжал публико-

ваться первый вариант, и историки по-прежнему выбирали одни ленинские цитаты, не замечая других¹⁰. По приблизительным подсчетам сотрудников Центрального партийного архива (1990), в советское время было опубликовано более 24 тысяч ленинских документов. К тому времени в РГАСПИ остались неопубликованными около 3,7 тысяч (по данным Д.А.Волгогонова — 3724) написанных Лениным документов, включая маргиналии и около 3 тысяч официальных партийных и правительственных документов, им подписанных. В настоящее время часть из них опубликована¹¹.

Только в 1989 г. была поставлена задача объективного научного изучения истории меньшевиков и эсеров вместо традиционного для советской историографии “разоблачения” политических взглядов и тактики небольшевистских партий. Историки были призваны “вернуться к первоисточникам, не предвзято взглянуть на прежних героев и “демонов” революции, отказаться от точки зрения, согласно которой большевики, по крайней мере в теории, всегда давали единственно правильное, оптимальное решение всех вопросов, а их идейные противники всегда ошибались и изменяли народу”¹². Советские историки длительное время отказывались от анализа произведений меньшевиков на том основании, что они “оппортунистические”¹³. Ныне ситуация постепенно меняется.

В 1997 г. В.В.Кабанов издал курс лекций “Источниковедение истории советского общества”, прочитанных им студентам Российского государственного гуманитарного университета. Значительное место в них уделено документам КПСС, которая рассматривается как “ядро структуры тоталитарного общества”. По мнению Кабанова, историки партии хорошо потрудились, чтобы доказать “абсолютную достоверность” и непогрешимость партийных источников. Сам же он видел в них элементы уто-

пии и конъюнктуры. Кабанов справедливо пишет о невозможности использования исследователем всей совокупности источников прежде всего потому, что никогда нельзя с уверенностью сказать, все ли собрал историк. Поэтому речь обязательно должна идти о репрезентативности источника, т. е. о том, насколько представительна данная выборка источников, чтобы представлять предмет исследования в социальном, психологическом, географическом планах и т. д. Следует принять и упрек Кабанова в адрес советских обществоведов, которые в своих работах придерживались “простенькой идеи” о том, что большевики все делали правильно, а все остальные — неверно, причем программы социалистических партий (меньшевиков и эсеров) объявлялись мелкобуржуазными и чуть ли не изначально контрреволюционными. Кабанов считает, что документы политических партий России плохо сохранились, хотя их можно увидеть в государственных и бывших партийных архивах¹⁴.

Более подробно источниковедческие аспекты изучения биографии деятелей меньшевистской партии рассматривает А.А.Корников, выделяя из общего комплекса источников по этой проблеме делопроизводственные документы, документы и материалы самой меньшевистской партии, организаций и группировок социал-демократического направления, произведения представителей этой партии, периодическую печать, мемуары, источники личного происхождения, интервью с участниками событий, людьми, знавшими их, и, наконец, фотоизодокументы¹⁵. В.П.Козлов обращал внимание на фальсификацию ряда документов, в которых говорилось об услугах тех или иных людей социал-демократам в начале XX века. Это делалось с целью как-то обезопасить свою жизнь во время репрессий¹⁶.

Вопрос о фальсификации документов часто возникал в спорах между большевиками и меньшевика-

ми. Этому будет уделено достаточно внимания в последующем изложении. В качестве примера остановимся лишь на одном из многих случаев. В мае 1904 г. появилась работа Ленина “Шаг вперед, два шага назад”, где он указал на неслучайность раскола и на то, что в его основе лежали организационные вопросы. В приложении к книге Ленин опубликовал заметку об “Инциденте тов. Гусева с тов. Дейчем”¹⁷. Суть последнего состояла в том, что С.И.Гусев распространил список кандидатов, будто бы выставляемых меньшинством в ЦК на II съезде РСДРП, сообщив, что список исходил от Л.Г.Дейча. Третейский суд, разобрав это дело, признал, что “сообщение Гусева... будто Дейч передал ему, Гусеву, список, лишенно основания”¹⁸. Ленин вступился за Гусева, а Мартов — за Дейча. Мартов сделал это в двух работах 1904 г. — “Вперед или назад?” и “Об одном “недостойном” поступке”. Мартов писал, что намерен довести дело о подделке Гусевым списка кандидатов в члены ЦК до конца и убедить партию освободиться от страшной опасности, которую представляет собой приютившаяся в их рядах “нечаевщина”. “Сегодня “терпимость” к фальсификаторам, завтра — свободный доступ Дегаевым: такова эта серьезная опасность, от которой партия должна себя оградить самыми решительными мерами”. Мартов был убежден, что разногласия могут быть всякие, но по вопросу об этических принципах двух мнений быть не может¹⁹.

Отечественная историография лишь с начала 1990-х годов стала более или менее объективно изучать роль РСДРП в начале XX столетия. Было, в частности, установлено, что к лету 1905 г. в РСДРП насчитывалось 26 тыс. членов (14 тыс. большевиков и более 12 тыс. меньшевиков), а после объединительного съезда в 1906 г. численность партии возросла до 150–170 тыс. человек. В 1907 г. меньшевистская фракция РСДРП составила 45 тыс., а большевист-

ская — около 60 тыс. членов. По мнению С.В.Тютюкина и В.В.Шелохаева, сходство большевиков и меньшевиков в программных и организационных вопросах в 1905–1907 гг. было очень велико, отличие же состояло в том, что меньшевики предпочитали действовать легальными методами, полагая, что революционное движение можно даже притормозить, дабы избежать неоправданных жертв. Вместе с тем левые меньшевики были близки большевикам в своей вере в близость социалистической революции в стране²⁰.

Социал-демократическое движение в России было представлено многими партиями и политическими объединениями и группами. Основными из них были длительное время большевики и меньшевики. В 1917 г. их пути окончательно разошлись, а в марте 1919 г., создав III Интернационал, большевики порвали всякие отношения с социал-демократией. В 1920–1921 гг. после ликвидации многих национальных социал-демократических организаций и вступления многих бундовцев в РКП(б) меньшевики оставались какое-то время единственной крупной социал-демократической организацией в России²¹.

Истории большевизма посвящено огромное число разных работ, документальных сборников и источниковедческих исследований. Многие из них не выдержали испытания временем. При этом отсутствие критики источников всегда существенно снижало научную ценность подобных изданий. История меньшевизма в этом плане в СССР была сильно обделена вниманием историков. Потому мне хотелось бы в настоящей работе обратить внимание прежде всего на источники, связанные с историей меньшевизма.

Комментарии

¹ *Варшавчик М.А., Спирин Л.М.* О научных основах изучения истории КПСС (введение в историко-партийную науку). М., 1978; *Приймак Н.И.* Советское источниковедение ленинского наследия. Л., 1981; *Варшавчик М.А.* Историко-партийное источниковедение. Теория. Методология. Методика. Киев, 1984; и др.

² *Варшавчик М.А.* Указ. соч. С. 143–145; *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977. С. 38. Под источниковедением Варшавчик понимал науку о теории и практике использования источников в исторических исследованиях. // *Варшавчик М.А.* Указ. соч. С. 89. Другие в историческом источнике видели первичную информацию, возникающую “в виде продукта определенных общественных отношений”, освещающую “ту или иную сторону человеческой деятельности” (*Санцевич А.В.* К определению понятия “исторический источник” // Комплексное источниковедение некоторых проблем отечественной истории. Калинин, 1988. С. 18.).

³ *Покровский М.Н.* От Истпарта // Пролетарская революция, 1921. № 1. С. 7–9; *Малахова И.А.* М.Н.Покровский — автор статьи “От Истпарта” // История СССР, 1964. № 5. С. 225.

⁴ *Покровский М.Н.* Борьба классов и русская историческая литература // Историческая наука и борьба классов (историографические очерки, критические статьи и заметки). М.—Л., 1933. Вып. 1. С. 11–13; *Данилов В.П., Якубовская С.И.* Источниковедение и изучение истории советского общества // Вопросы истории, 1961. № 5. С. 19; *Якубовская С.И.* Некоторые итоги развития теории источниковедения в советский период // Историо-

графия социалистического и коммунистического строительства в СССР. М., 1962. С. 192–193.

⁵ *Валк С.Н.* Об одной классификации историко-революционных документов // Историко-революционный сборник. М.—Пг., 1924. Т. 1. С. 237–247. См. подробнее: *Чернуха В.Г.* С.Н.Валк // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 302–327.

⁶ Пролетарская революция, 1931. № 6. С. 9–10, 13.

⁷ *Вагшавчик М.А.* Предмет и задачи источниковедения истории КПСС. М., 1967. С. 22.

⁸ *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. М., 1991. С. 128.

⁹ *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х — начала 30-х годов // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 171–194; *Она же.* Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996. С. 42–77; *Она же.* Становление и развитие источниковедения. // *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцев М.Ф.* Источниковедение. М., 1998. С. 92.

¹⁰ Новые документы Н.К.Крупской о жизни и деятельности В.И.Ленина // Вопросы истории КПСС. 1964. № 2. С. 67; *Волобуев О., Кулешов С., Шелохаев В.* Историко-партийная наука: условия развития // Коммунист, 1989. № 16. С. 41–42; *Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества. М., 1997. С. 65.

¹¹ The Unknown Lenin. From the Secret Archive. Edited by Richard Pipes. New Haven and London. 1996; В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 3; *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. М., 1994. Кн. 1. С. 9.

¹² *Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.И., Шелохаев В.В.* История политических партий России 1907–1914 годов в советской историографии //

Вопросы истории, 1989. № 4. С. 153; Коммунист, 1990. № 10. С. 17.

¹³ См.: *Шестаков С.В.* Историография деятельности большевистской партии в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1977. С. 14.

¹⁴ *Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества. Курс лекций. М., 1997. С. 27–28, 52, 65, 80–81, 93.

¹⁵ *Корников А.А.* Источниковедческие аспекты изучения биографий деятелей меньшевистской партии // *Меньшевики и меньшевизм. Сб. статей.* М., 1997. С. 129, 131, 133, 137, 139, 141, 144.

¹⁶ *Козлов В.П.* Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1996. С. 6–7.

¹⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 330, 378.

¹⁸ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. Берлин, 1924. С. 107.

¹⁹ *Мартов Л.* Вперед или назад? Женева, 1904. С. 5, 8, 11; *Он же.* Об одном “недостойном” поступке (Ответ Ленину, Лядову и К^о). Женева, 1904. С. 1, 16. Мартов был прав, когда говорил об увлеченности Ленина “русским бланкистом” С.Г.Нечаевым. В.Д.Бонч-Бруевич, хорошо лично знавший Ленина, вспоминал, как тот говорил ему о таланте Нечаева – организатора, конспиратора, предлагавшего уничтожить всех царствующих Романовых. Ленин считал нужным издать все написанное Нечаевым. // *Бонч-Бруевич В.Д.* Ленин о художественной литературе // Тридцать дней. 1934. № 1. С. 18. С.И.Гусев (Драбкин Я.Д.) (1874–1933) участвовал в социал-демократическом движении с 1896 г., с 1903 г. – большевик. Позже на партийной и военной работе. Л.Г.Дейч участвовал в революционном движении с 1874 г., член группы “Освобождение труда”, позже – меньшевик. В советское время – архивный работник, исследователь. С.П.Дегаев –

один из провокаторов и предателей “Народной воли”.

²⁰ *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* РСДРП в годы первой российской революции // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб, 1992. С. 123, 128–131.

²¹ В 1905–1917 гг. в стране было 45 общероссийских и 113 национальных партий и движений, из них 9 общероссийских партий социалистической ориентации (6 — неонароднических, 2 собственно социал-демократических и одна анархистская); среди национальных партий — 61 партия социалистической ориентации, из них 29 социал-демократического направления. С конца 1917 по 1925 г. в стране оставалась одна общероссийская социал-демократическая партия и 31–34 национальных. // *Кривенький В.В.* Новые данные сравнительно-количественного анализа политических партий России. — В кн.: История национальных политических партий России. М., 1997. С. 127, 129.

Хранение документов

Документальные источники по истории меньшевизма в России хранятся во многих российских и зарубежных архивохранилищах. В Москве это Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ, бывший архив КГБ СССР); в Санкт-Петербурге — архив Дома Г.В.Плеханова.

Нынешний РГАСПИ был создан в октябре 1991 г. на базе бывшего Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) и до марта 1999 г. назывался РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории). В нем хранятся документы по социальной и политической истории Западной Европы (XVII — начало XX в.), политической истории России нового и новейшего времени (конец XIX—XX в.), истории международного рабочего, социалистического и коммунистического движения (1860-е — конец 1950-х гг.). Среди них коллекции документов К.Маркса и Ф.Энгельса, документы архива В.И.Ленина, а также документы РСДРП (большевиков и меньшевиков): общепартийных съездов и конференций, ЦК и других партийных учреждений, фракций и организаций большевиков и меньшевиков, редакций их газет и журналов и т. д.

В РГАСПИ находится, в частности, и значитель-

ное число документов по истории российского меньшевизма. Среди них отметим материалы, относящиеся к истории газет “Искра” и “Социал-демократ” (Ф. 24. 1900–1903; Ф. 278. 1903–1905), Заграничной лиге русской революционной социал-демократии (Ф. 342. 1901–1905), деятельности социал-демократических фракций в I–III Государственных Думах (Ф. 93. 1906–1912). Особо важны находящиеся в этом архиве документы меньшевистского ЦК РСДРП (Ф. 275. 1917–1923), а также материалы, объединенные в фонды личного происхождения. Это письма и статьи меньшевиков Иды Исааковны (1872–1917) и Любови Исааковны (1868–1946) Аксельрод (Ф. 256, 257), П.Б.Аксельрода (Ф. 361. 1876–1927), Л.Г.Дейча (Ф. 388. 1881–1935), В.И.Засулич (Ф. 262. 1878–1916), Ю.О.Мартова (Ф. 362. 1896–1923), А.Л.Парвуса (Гельфанда) (Ф. 299. 1904–1925), Г.В.Плеханова (Ф. 264. 1875–1958), А.Н.Потресова (Ф. 265. 1890–1939)².

Известно, какое большое значение придавало руководство РСДРП созданию архивов и использованию документальных материалов в политической борьбе. Архив считался важнейшей частью формировавшегося партийного аппарата. К документам апеллировали большевики и меньшевики в своих внутрипартийных спорах. Традиционно первые лица социал-демократии обращали большое внимание на сохранность партийных архивов. Хранителем архива I Интернационала был К.Маркс, Ленин хлопотал о создании архива газеты “Искра”, а затем архива РСДРП, где должны были храниться протоколы съездов и переписка с различными корреспондентами³. Российская политическая эмиграция конца XIX — начала XX в. активно участвовала в создании библиотек и архивов по истории революционного движения. Документальные собрания имела группа “Освобождение труда”, редакции социал-демократических газет и журналов. Архивы и

библиотеки создавались в местах их пребывания: Женеве, Париже, Кракове, Берлине и других городах. Таковыми были библиотека и архив Г.А.Куклина в Женеве (1902–1917; с 1907 г. они стали по завещанию владельца собственностью РСДРП; ее заведующими были В.А.Карпинский и С.Н.Равич); библиотека и архив Заграничного отдела РСДРП (1904, заведующий — В.Д.Бонч-Бруевич); библиотека князя Д.И.Бебутова в Берлине (1911) и др. Отдельно создавались личные архивы Г.В.Плеханова, П.Б.Аксельрода, Ю.О.Мартова и других лидеров меньшевизма.

В 1912 г. в Берлине был создан социал-демократический (меньшевистский) архив на базе историко-революционного архива, переданного в распоряжение РСДРП Д.И.Бебутовым. Он находился в здании редакции газеты Социал-демократической партии Германии “Vorwärts”. Заведовал архивом Г.М.Вязьменский. Б.И.Николаевский вспоминал, что это был студент-эмигрант, меньшевик, который в 1922 г. передал архив на хранение ему, а сам, получив медицинское образование, в начале 30-х гг. переехал в СССР, где и погиб в годы репрессий. Судьба архива, по словам Николаевского, была драматична. После прихода в Германии к власти нацистов Берлин срочно покидали многие российские социал-демократы, переезжавшие в основном в Париж. Тогда на границе были задержаны и погибли ценные личные архивы Р.А.Абрамовича, П.А.Гарви, из вещей Ф.И.Дана был изъят и пропал личный архив Мартова. После длительных переговоров Николаевский вместе с А.М.Бургиной смог доставить значительную часть этого архива в Международный институт социальной истории в Амстердаме⁴.

Пополнением меньшевистскими материалами будущего центрального большевистского архива занимались такие советские учреждения, как Истпарт (Комиссия для сбора и изучения материа-

лов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б), 1920), вскоре ставший отделом ЦК ВКП(б); Институт К.Маркса и Ф.Энгельса при ЦИК СССР (1921–1931; директор Д.Б.Рязанов); Институт В.И.Ленина при ЦК ВКП(б) (1923–1931; директора: Л.Б.Каменев, И.И.Скворцов-Степанов, М.А.Савельев). В 1928 г. Истпарт был присоединен к Институту Ленина, а в 1931 г. новое объединение с Институтом К.Маркса и Ф.Энгельса привело к созданию Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ). К нему тогда же был присоединен и созданный в 1929 г. Центральный партийный архив.

В 1930 г. во время так называемого “Академического дела” было ликвидировано большое документальное собрание библиотеки Академии наук. В результате в Центральный партийный архив были отправлены документы Петербургского комитета РСДРП за 1905–1906 гг. и Харьковской организации РСДРП за 1906–1907 гг. (среди них оказались материалы Общероссийской партийной конференции 1907 г.), ЦК РСДРП (меньшевиков) и ЦК партии социалистов-революционеров за 1917–1921 гг., архивы и библиотеки П.Б.Струве и В.Д.Бонч-Бруевича (здесь имелся комплект “Искры” с отметками Ленина), собрания А.Ф.Керенского, великих князей, кадетской партии, октябристов, Совета объединенного дворянства, других организаций и лиц, а также коллекция листовок и периодических изданий различных политических групп, начиная с 80-х годов XIX столетия. Все эти документы были переданы владельцами в академическую библиотеку и были спасены в годы гражданской войны благодаря академикам А.А.Шахматову и С.Ф.Платонову⁵. В отчете XVII съезду ВКП(б) (1934) руководство ИМЭЛ сообщало, что в Центральный партийный архив поступили новые документы: материалы П.Л.Лаврова, Б.Н.Кричевского и редакции “Рабочего дела”,

Струве и редакции “Освобождения”, “новой” “Искры”, Августовского блока, ЦК партий меньшевиков и эсеров, Бунда, Поалей-Цион, непосредственно связанные с научно-исследовательской работой института⁶. В формировании фонда Мартова активное участие приняли Н.К.Крупская, передавшая документы в 1923 г., А.С.Мартынов — в 1925 г., а документы из Сен-Лежье (Швейцария) поступили вместе с архивом А.В.Луначарского в 1934 г.⁷

Многие документы, хранившиеся тогда в ЦПА, были приобретены за границей, у социал-демократов эмигрантов или их семей. Особенно активно этому способствовали Г.А.Алексинский и Б.И.Николаевский. При помощи первого были приобретены подлинные материалы протокольной комиссии V съезда РСДРП. Однако переговоры о его собственном архиве, в котором находились отчеты о деятельности Каприйской школы, группы “Вперед”, социал-демократической фракции II Государственной Думы и др., завершились неудачно — стороны не сошлись в цене за эти документы. Директор ЦПА Г.А.Тихомирнов, который вел эти переговоры, сообщал руководству ИМЭЛ осенью 1935 г. о том, как торгуется с Алексинским и что с ним все-таки “легче, чем с социал-демократической сволочьей”. Под последней Тихомирнов имел в виду Ф.Адлера, Л.Блюма, Ф.Дана, Ж.Лонге и других распорядителей архива Маркса и Энгельса, о покупке которого тогда шла речь. В переговорах об этом с Николаевским и Даном участвовали прибывшие в марте 1936 г. в Париж Н.И.Бухарин, директор ИМЭЛ В.В.Адоратский, председатель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей А.Я.Аросев.

При помощи Николаевского ЦПА, а до этого Институт К.Маркса и Ф.Энгельса приобрели материалы редакции “старой” “Искры”, социал-демократической фракции III Государственной Думы и др. Николаевский составлял для ИМЭЛ обзоры наибо-

лее интересных собраний по истории российского революционного движения (Рязанов платил Николаевскому за эту работу по 200 рублей золотом ежемесячно). ИМЭЛ интересовали архив Заграничной делегации меньшевиков в Париже с документами группы “Освобождение труда”, “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”, Центрального бюро заграничных групп, личные материалы Плеханова, Засулич, Мартова, Аксельрода, редакции “Искры” и др. ИМЭЛ готов был приобрести архив бывшего секретаря Международного социалистического бюро (МСБ) К.Гюисманса, собравшего много писем российских социал-демократов в МСБ. До середины 30-х гг. бедственное положение держателей документов — российских меньшевиков и немецких социал-демократов, — а также отсутствие спроса на них со стороны других учреждений и лиц создавали благоприятную обстановку для приобретения документов в ИМЭЛ. Затем ситуация изменилась. Появилось еще одно заинтересованное учреждение — Международный институт социальной истории в Амстердаме. Кроме того, политические репрессии в СССР привели к резкому сокращению контактов с эмигрантами. После 1936 г. документы по истории российской социал-демократии из-за границы практически перестали поступать⁸. Фонды ЦПА в разные годы пополнялись документами из Парижского архива РСДРП (1908–1914) и Краковско-Поронинского архива Ленина (1912–1914)⁹.

ГА РФ был образован распоряжением правительства России от 28 апреля 1992 г. в результате объединения ЦГАОР СССР и ЦГА РСФСР. Этот архив с 1995 г. относится к особо ценным объектам культурного наследия страны. В марте 1999 г. к нему присоединили Научную библиотеку федеральных архивов. Архив хранит документы высших органов власти и органов государственного управления СССР начиная с Октябрьской революции по настоящее

время, за исключением материалов, хранящихся в ведомственных архивах. Кроме того, в нем находятся фонды дореволюционных учреждений политического сыска, судебно-следственных и карательных учреждений Российской империи, а также фонды учреждений и организаций Временного правительства за 1917 г.¹⁰ Среди многочисленных фондов личного происхождения для истории меньшевизма представляют большой интерес фонды П.Б.Аксельрода, Ю.О.Мартова¹¹ и др.

ЦА ФСБ РФ является преемником центральных архивов органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ СССР. В 1991–1995 гг. произошло шесть реорганизаций этого ведомства, из которого выделились как самостоятельные службы внешняя разведка, пограничные войска и т. д. с самостоятельными архивами. Закон об органах Федеральной службы безопасности в апреле 1995 г. закрепил за органами ФСБ право самостоятельного хранения ведомственной документации и контроля над процессом рассекречивания материалов, имеющих научную и историческую ценность. Наиболее интересные материалы по истории меньшевизма представлены архивно-следственными делами на арестованных в разное время меньшевиков. Работа в архиве затруднена, однако, тем, что исследователям не выдаются описи и выявление документов проводят сами работники архива.

Вместе с тем в этом архиве находятся многие ценные документы по истории меньшевизма после октября 1917 г.¹² Достаточно указать на наличие в этом архиве документов, относящихся к репрессиям против меньшевиков в советской России, документов, исходящих из меньшевистских организаций или от отдельных деятелей этой партии. Можно отметить наличие в нем черновика рукописи статьи Мартова о Франце Меринге, копий докладов Ф.И.Дана, Б.И.Николаевского, А.Э.Дю-

буа, А.А.Югова, П.А.Гарви, прочитанных ими в клубе имени Мартова в Берлине в первой половине 1931 г. во время и после окончания судебного процесса над их бывшими товарищами в Москве. Подлинники и копии этих докладов хранятся в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме и Гуверовском историческом архиве в Стэнфорде (США). Можно лишь догадываться, каким образом эти доклады с грифом “только для членов партии” оказались в архиве Лубянки, как и рукопись статьи Мартова. Идентичность текстов позволяет утверждать подлинность и достоверность этих документов¹³.

Дом Плеханова является филиалом отдела рукописей Российской национальной библиотеки (бывшая Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина) в Санкт-Петербурге. В нем находится библиотека и архив Г.В.Плеханова, а также архивы В.И.Засулич, П.П.Маслова и др. Архив Г.В.Плеханова и его библиотека были переданы его женой и дочерьми в дар СССР и доставлены в Ленинград весной 1928 г.¹⁴

Часть материалов, в основном решений политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б), касающихся репрессивных мер против представителей социалистических партий, проживавших в советской России, хранятся в Архиве Президента Российской Федерации (АП РФ. Ф. 3). Архив труднодоступен для исследователей, часть материалов политбюро постепенно передается в РГАСПИ.

Документы о деятельности меньшевиков в различных регионах России хранятся в местных архивохранилищах.

Значительная часть меньшевистских документов хранится во многих зарубежных архивах. Одним из них является архив Международного института социальной истории в Амстердаме. Институт был основан в 1935 г., и до начала второй мировой

войны его сотрудники занимались собиранием и спасением документов, относящихся к социалистическому движению. Среди его коллекций документы К.Маркса, Ф.Энгельса, К.Каутского и др. В годы войны часть материалов архива оказалась в Австрии, Чехословакии, Польше и Франции. Многие документы пропали, но большая часть их сохранилась и вернулась в Амстердам. Одна из сотрудниц института, Анна Адам, вспоминала, как в 1946 г. в гавань Амстердама прибыли два польских корабля, нагруженных бумагами. Шел дождь, но деревянные контейнеры с бумагами стали быстро разгружать прямо на мокрую мостовую. Один из контейнеров развалился, сотрудники архива бросились собирать бумаги, но подростки, оказавшиеся там же, стали отдирать марки с конвертов и бросать ненужное им в канал. После войны коллекции Института были значительно пополнены. 22% документов архива касаются российских социалистов. Среди них письма, неопубликованные документы, рукописи меньшевиков Р.А.Абрамовича, В.П.Акимова-Махновца, П.Б.Аксельрода, А.И.Балабановой, В.С.Войтинского, Ф.И.Дана, Л.О.Дан, Б.Л.Двинова, П.А.Гарви, Б.И.Гуревича, Г.В.Плеханова, С.И.Португейса, А.Н.Потресова, С.Д.Шупака, С.Эстрина. В архиве хранятся протоколы заседаний клуба им. Мартова и другие материалы¹⁵. Е.Коем, автор введения к путеводителю по архиву Международного института социальной истории в Амстердаме, к сожалению, никак не отметила роль Б.И.Николаевского в спасении в годы нацистского правления в Германии и второй мировой войны социал-демократического архива, многие материалы которого стали ценнейшими документами по истории российской социал-демократии.

В письмах Л.О.Дан (1958) и П.Майеру (1960), а также в своих воспоминаниях Николаевский рассказывал, как он участвовал в спасении архива гер-

манских социал-демократов. Он сообщал, что архив вывозили 8 мая 1933 г. из здания Форштанда в Берлине. Его погрузили в два железнодорожных вагона. Это были материалы по истории германской социал-демократической партии, 160–170 ящиков с российскими документами и 130–140 ящиков и мешков с бумагами Бунда. Вывоз был произведен при помощи французских правительственных органов и оформлен в виде продажи русской социал-демократической библиотеки Национальной библиотеке в Париже. Этот план принадлежал Б.К.Суварину, который заручился поддержкой министра культуры Франции. Вывоз архива был осуществлен частной транспортной конторой, “владелец которой галицийский еврей много взял, но все сделал”. В упаковке русского архива помогали эмигрант-большевик и бундовец из России. Во время погрузки мешков и ящиков с документами на подводы для отправки на железнодорожный вокзал стало известно, что к зданию направляются штурмовики. понадобилось вмешательство французского посла, чтобы отсрочить приход штурмовиков на сутки. Вагоны с документами были отправлены в 11 часов вечера. Вместе с российскими документами в Париж была отправлена и часть архива немецких социал-демократов. Рукописи К.Маркса и Ф.Энгельса были сначала переданы в датское посольство в Берлине, затем переправлены в Копенгаген, а там переданы в 1938 г. профессору Н.В.Постумусу для архива Международного института социальной истории в Амстердаме.

Б.И.Николаевскому и А.М.Бургиной в 1940–1941 гг. пришлось спасти архив, оказавшийся в Париже, после прихода туда вермахта. Спасти удалось не многое. Им посчастливилось найти французского фермера (отца приятельницы Бургиной), который рискнул спрятать вывезенные к нему документы в тайник. Эти материалы Николаевский и Бургина в

1947 г. на грузовике привезли с фермы в Амстердам, и там в течение почти года они вместе с Б.М.Сапиром разбирали и описывали спасенные документы. Уезжая в Нью-Йорк, Николаевский и Бургина забрали с собой свои коллекции документов, чтобы позже передать их в Гуверовский исторический архив в Стэнфорде (США)¹⁶.

В архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете находится и коллекция материалов, собранных Б.И.Николаевским (1887–1966). Этот уроженец небольшого городка Белебея Уфимской губернии не успел получить высшего образования в России, где с 18 лет стал заниматься революционной борьбой с царизмом, за что 7 раз арестовывался, 3 раза ссылался и бежал из ссылки. Он был меньшевиком, в 1917 г. — членом ВЦИК, а в 1920 г. — членом ЦК РСДРП. В 1918–1921 гг. Николаевский работал в историко-революционном архиве в Москве, сотрудничал в журнале “Былое”. Он резко протестовал против жестокого подавления крестьянских выступлений, в феврале 1921 г. был арестован, год провел в Бутырской тюрьме, а затем вместе с Ф.И.Даном и другими меньшевиками его выслали за границу. Николаевский жил в Берлине, сотрудничал с редакциями многих газет и журналов и собирал документы по истории русской социалистической эмиграции. Николаевский был представителем Русского заграничного архива (Прага) в Берлине, а в 1924–1931 гг. по поручению директора Института К.Маркса и Ф.Энгельса в Москве Д.Б.Рязанова собирал для Института документы по истории международного рабочего движения в Европе. После публичного осуждения проводимой в СССР коллективизации и репрессий Николаевский в 1932 г. был лишен советского гражданства. Вполне вероятно, что эта акция была связана и с начавшимися преследованиями в СССР бывшего председателя Сов-

наркома А.И.Рыкова, женатого на сестре Николаевского.

После прихода к власти Гитлера Николаевский участвовал в спасении социал-демократического архива. В 1936 г. он вел переговоры с Н.И.Бухариным о продаже СССР архива К.Маркса. В 1940 г. из Парижа он переехал в США, где возобновил свою собирательскую деятельность. В 1963 г. Николаевский продал свою коллекцию (более 250 фондов) Гуверовскому институту войны, революции и мира. Борис Иванович написал много книг, статей и воспоминаний, среди которых переизданные в 90-е гг. в Москве "История одного предателя. Террористы и политическая полиция", "Тайные страницы истории" и др.¹⁷

В достаточно полно описанной коллекции Николаевского находятся многие материалы по истории российского большевизма, в том числе письма, интервью, речи, фотографии, работы Аксельрода, Гарви, Мартова, Плеханова, Потресова, Церетели и др., документы о дореволюционной деятельности меньшевистских организаций в России и за рубежом¹⁸. Н.Эйдельман назвал Гуверовский исторический архив первым по хранению уникальных материалов по истории России (архивы русских дореволюционных посольств, личные фонды В.Л.Бурцева, П.Б.Струве, Б.И.Николаевского, Н.В.Валентинова (Вольского) и многих других). Эйдельман назвал коллекции Николаевского и Валентинова украшением Гуверовского исторического архива. Интересно отметить, что он обращал внимание на различие в подходах этих авторов к тому, как надо писать воспоминания. Николаевский считал, писать следует объективно. Валентинов в одном из писем к нему возражал: "Всякое личное воспоминание должно быть правдивым и художественным. Оно неизбежно должно исходить не из холодного рассудка, а именно из страстей, присущих пишуше-

му. Тогда это будет его правда". Эйдельман был убежден, что культура едина и точно так же, как нельзя в литературе не знать прозы И.А.Бунина, так и в истории нельзя забыть о Николаевском и Валентинове¹⁹.

Комментарии

¹ Фонд документов В.И.Ленина. М., 1970.

² Подробнее см.: Фонды и коллекции, собранные Центральным партийным архивом. Краткий путеводитель. М., 1993. Вып. 1; РЦХИДНИ. Путеводитель по фондам и коллекциям личного происхождения. М., 1996. Вып. 2.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 189; Т. 46. С. 196, 198.

⁴ *Николаевский Б.И.* Н.И.Бухарин и мои встречи с ним в 1936 г. (из воспоминаний) // *Фельштинский Ю.Г.* Разговоры с Бухариным. М., 1993. С. 90–105.

⁵ *Перченко Ф.Ф.* Академия наук на “великом переломе” // *Звенья. Исторический альманах.* М., 1991. С. 204–208; *Ананьич Б.В., Панях В.М., Цамутали А.Н.* Предисловие // *Академическое дело. 1929–1931 гг.* СПб, 1993. Вып. 1. С. XXVI–XXX; *Якушев С.В.* Из истории создания партийных архивов в СССР // *Вопросы истории КПСС.* 1990. № 5. С. 60; *Он же.* Центральный партийный архив в 30-е годы // *Вопросы истории.* 1991. № 4–5. С. 26.

⁶ *Вопросы истории.* 1991. № 4–5. С. 27.

⁷ РЦХИДНИ. Путеводитель по фондам и коллекциям личного происхождения. С. 175–176.

⁸ *Вопросы истории.* 1991. № 4–5. С. 30–31.

⁹ *Аникеев В.В.* Из истории образования архивного фонда КПСС. М., 1984. С. 18–21.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель: в 3 т. М., 1994. Т. 1; М., 1996. Т. 2.

¹¹ Из публицистического наследия Л.Мартова // *Советские архивы.* 1991. № 5. С. 49–56.

¹² См.: *Меньшевики в советской России. Сборник документов.* Научный редактор А.Л.Литвин. Казань, 1998. *Меньшевики в 1918 году. Докумен-*

тальное наследие. Ответственные редакторы: З.Галлили, А.Ненароков и др. М., 1999.

¹³ ЦА ФСБ. Д. ПФ-536. Л. 56–57. Черновик рукописи Мартова. См.: *Мартов Л. Франц Меринг* // Мысль. Харьков. 1919. № 7; Архив Международного института социальной истории в Амстердаме (далее – IISH). П. 5–7а; ЦА ФСБ РФ. Д. 1123. Т. 3, 5. В ЦА ФСБ РФ, так же как и в ряде зарубежных архивов, находятся копии докладов в берлинском клубе имени Мартова в 1931 г.: Ф.Дан. “Два пути” (9 января), Р.Абрамович. “Перспективы большевиков и наши задачи” (17 февраля), Б.Николаевский. “Алгебра и арифметика” (26 марта), А.Югов. “Пятилетка” (5 мая), П.Гарви. “Интернационал и русский вопрос” (12 июня), Р.Абрамович. “Английский кризис” (9 сентября), Н.Ясный. “Мировой аграрный кризис” (24 сентября), Ю.Денике. “Кризис в германской социал-демократии” (8 октября), В.Войтинский. “Пути борьбы с мировым кризисом” (6 ноября), Р.Абрамович. “Отто Бауэр и русская революция” (18 декабря). См. также: НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 689. Fol. 4–10. Ser. 279.

¹⁴ Подробнее о московских архивах см.: Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. М., 1997; *Филимонова Т.И.* Дом Плеханова: 1928–1998 // Исторический архив, 1998. № 2. С. 5–11; Архив Дома Плеханова (далее – АДП). Ф. 1093. Оп. 1. Д. 628. Л. 1–3.

¹⁵ Guide to the International Archives and Collections at the IISH, Amsterdam. International Institute of Social History. Amsterdam, 1989. Ed. Atie van der Horst, Elly Koen. P. IX, XII, XVI, 5, 6, 8, 10, 14–15, 38–39, 50–51, 57, 129–131, 152, 170–171.

¹⁶ IISH. Б.Суварин. П.3; Л.Дан. П.15. Гүверовский исторический архив (далее – НИА). В.Nicolaevsky collection. Box. 477. Fol. 8. Ser. 248. Суварин (Лифшиц) Б.К. (1895–1984) – уроженец Рос-

сии, жил во Франции, один из основателей французской коммунистической партии. Позже порвал с коммунистами. Автор многих работ по истории большевизма. Профессор экономической истории в Роттердаме. Был основателем в 1935 г. архива Международного института социальной истории в Амстердаме. До этого, в 1914 г., он создал нидерландский архив экономической истории. // *Guide to the International Archives*. P. IX. В 1990 г. Н.Эйдельман высказал мнение, что часть социал-демократического архива, оставшаяся в Париже, стала германским, а затем советским трофеем. Он полагал, что позже они были на хранении в ЦГАОР и ЦПА. // *Эйдельман Н. Такие люди...* — Огонек. 1990. № 28. Июль. С. 18. В перечне фондов Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), ранее известного как Центральный государственный (Особый) архив СССР, упоминаются документы парижского отделения Института социальной истории в Амстердаме. // *Архивы России*. С. 213.

¹⁷ О биографии Б.И.Николаевского см.: Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 396–397; и др.

¹⁸ The Boris I. Nicolaevsky Collection in the Archives of the Hoover Institution on War, Revolution and Peace. A Guide to the Microfilm Collection. Series № 1–231. Ann Arbor, Michigan. 1991–1993; The Russian Empire and Soviet Union. A Guide to Manuscripts and Archival Materials in the United States. J.Brown and S.Grant. Boston, Massachusetts. 1981. P. 47, 71, 75; Guide to the Collections in the Hoover Institution Archives relating to Imperial Russia, the Russian Revolutions and Civil War, and the first Emigration. Compiled by Carol A. Leadenham. Hoover Institution Press Stanford University, California. 1986; and etc.

¹⁹ Огонек. 1990. № 28. С. 17–19.

Неопубликованные документы

Неопубликованные документы меньшевиков хранятся в архивах, иногда у частных лиц (родственников, знакомых и т. д.). Фондовых публикаций по истории меньшевизма пока нет. Поэтому в силу ряда причин до сих пор не изданы полностью письма Мартова к Н.С.Кристи, хранящиеся в РГАСПИ, или находящиеся там же (Ф. 362. Оп. 1. Д. 23) недописанные главы воспоминаний Мартова “Записки социал-демократа”. В РГАСПИ в личных фондах Аксельрода, Засулич, Каутского, Плеханова хранятся их неизданные письма к Мартову. Немногое опубликовано из находящегося в этом архиве личного фонда Мартова (Ф. 362), как и из фонда ЦК РСДРП меньшевиков (Ф. 275), хотя, например, публикация второй книги Мартова, “Записки социал-демократа”, была начата еще в 1925 г.¹ Разумеется, представляли бы интерес публикации документов о преследованиях меньшевиков советскими карательными органами власти. В этой связи заслуживает внимания стенографический отчет заседания Киевского чрезвычайного трибунала по обвинению меньшевиков (21–23 марта 1920 г. Ф. 275) и др.

Обзор фонда Мартова, хранящегося в ГАРФ (Ф. 1696. 8 единиц хранения), показал, что он был скомплектован в 1941 г. из документальной коллекции Н.П.Бауэра, ранее находившейся в Литературном музее, а затем в Литературном архиве Москвы. В 1950 г. фонд Мартова был изъят из Литературно-

го архива и передан в ЦГИА Москвы, а в 1958 г. — в отдел секретных фондов ЦГАОР. Что собой представляют документы этого фонда? Это свидетельство о рождении Юлия Иосифовича (позже его стали называть, как тогда было принято, Осиповичем) Цедербаума, свидетельство, выданное ему правлением Императорского С.-Петербургского университета 13 мая 1892 г. о том, что он прослушал с 6 августа 1891 г. лекции “по естественному разряду физико-математического факультета”. В фонде хранится аналитико-публицистическое исследование Мартова “Первая эпоха русской революции”, в котором отмечается рост революционного движения в стране в конце 1904 — начале 1905 г. Сохранился и автограф стихотворения Мартова, написанного им в Туруханской ссылке в 1898 г.²

Среди документов, хранящихся в ЦА ФСБ РФ (бывшем архиве КГБ СССР), выделим те, которые до 1925 г. исходили от различных меньшевистских организаций и отдельных меньшевиков и которые собирались для доказательств виновности меньшевиков в антисоветской деятельности. Чекисты собирали меньшевистские листовки и газеты, самые различные документы. Потому в этом архиве оказались рукописи работы Мартова о Франце Меринге, перевод с французского брошюры П.Б.Аксельрода “Заметки о тактике социалистов в борьбе с большевиками (выдержки из письма к Мартову)”³, несколько экземпляров известной меньшевистской программы “Что делать?” (1919) и т. д. После 1925 г. резко меняется характер хранящихся в архиве документов. Исчезают “вещественные доказательства” деятельности меньшевиков на территории советской России. Остаются письма меньшевиков (как правило, перлюстрированные либо написанные из мест заключения), донесения осведомителей, экземпляры журнала “Социалистический вестник”, а также данные о деятельности членов Заграничной

делегации РСДРП в Берлине, протоколы (доклады и обсуждения) заседаний клуба имени Мартова, следственные материалы к процессу над меньшевиками в 1931 г. Практически неисследованными остаются хранящиеся в этом архиве материалы о том, как жили в ссылках и тюрьмах арестованные меньшевики, как они протестовали против невыносимых условий своего существования.

Ф.И.Цедербаум — двоюродный брат Мартова — был меньшевиком. Будучи секретарем Г.В.Плеханова, он вместе с ним вернулся в Россию в 1917 г. Его много раз арестовывали, в 1937 г. расстреляли, а в 1989 г. реабилитировали за отсутствием состава преступления. В ЦА ФСБ хранятся протоколы его допросов, машинописная копия его статьи “Письмо из России. Дело “Боевой организации” и петроградская группа социалистов”, подписанной “П.Богомил” (1927), а также письмо из Верхнеуральского изолятора матери, Елизавете Григорьевне, от 13 ноября 1928 г. и др.⁴

Среди многих, еще полностью не опубликованных документов, хранящихся в ЦА ФСБ, назову еще два. Первый — это письмо Н.Н.Суханова от 10 декабря 1920 г. в ЦК РСДРП с просьбой считать его выбывшим из состава меньшевистской партии в связи с несогласием с тактикой, предложенной Мартовым. Второй касается Г.В.Плеханова. Еще в 20-е годы было опубликовано заявление Плеханова при встрече с Б.В.Савинковым в ноябре 1917 г. в связи с предложением возглавить новое российское правительство. С.В.Тютюкин пишет: «Ответ был кратким и жестким: “Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не я буду его расстреливать тогда, когда он идет по ложному пути. И вам не советую этого делать. Не делайте этого во имя вашего революционного прошлого”»⁵. Однако показания арестованного Савинкова об этой встрече с Плехановым на допросе 26 октября 1924 г. в ОГПУ свидетельствуют,

что позиция последнего не была столь категоричной. Савинков рассказал начальнику 6 отделения контрразведки И.И.Сосновскому, что перед боями под Пулковом между казачьими частями и красногвардейцами (ноябрь 1917 г.) председатель казачьего дивизионного комитета есаул Ажогин пришел к нему и сказал, что за Керенского они драться не будут. Они решили, в присутствии адъютанта Савинкова Ф.Клепикова, что лучшей кандидатурой на пост главы правительства в случае победы казаков будет Плеханов. Савинков отправился к Плеханову, заготовив тексты двух постановлений: один — отказ Керенского от власти; другой — приказ о его аресте. Плеханов согласился с этими проектами. А относительно формирования правительства заявил, что он боролся за рабочих 40 лет и потому воевать с ними не будет. На что Савинков ему возразил: “Ведь программа и тактика нового правительства будет зависеть именно от Плеханова”. В конце разговора, по словам Савинкова, Плеханов дал согласие на формирование правительства под его председательством в случае победы казаков⁶. Как известно, казаки тогда не победили, и вопрос о новом правительстве отпал сам собой.

В архиве Дома Плеханова хранится более 5 тысяч единиц хранения переписки, рукописей Плеханова, его пометы на прочитанных книгах и т. д. Когда наследники Плеханова передавали в дар СССР его архив и личную библиотеку, то было достигнуто соглашение о неделимости переданного. Однако оно было нарушено. В результате из Дома Плеханова были вывезены его женевский кабинет, личные вещи, часть книг с автографами Ф.Энгельса, Ленина, членов семьи Маркса, видных деятелей революционного движения, около 2 тысяч листов рукописей⁷. В АДП хранится переписка не только Плеханова с Мартовым и другими корреспондентами, но и Мартова с В.И.Засулич и др. (Ф. 1098).

Огромное количество неопубликованных документов по истории меньшевизма хранится в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме. Среди них подлинники писем Абрамовича, Аксельрода, Валентинова (Вольского), Ф.И.Дана и Л.О.Дан, Мартова, Николаевского, Потресова и письма к ним. Воспоминания П.А.Гарви (рукопись), дневник В.П.Акимова и т. д.

Акимов (наст. фамилия Махновец) родился в 1872 г. в Воронеже, а умер в 1921 г. под Москвой, в больнице Звенигорода, после операции на печени. В 1897 г., будучи студентом-юристом Петербургского университета, он был арестован за участие в работе группы народолюбцев. Через год бежал из ссылки и вступил в Швейцарии в "Союз русских социал-демократов за границей". Акимов был делегатом II съезда РСДРП, где выступил с критикой проекта программы партии. В 1905 г. он нелегально вернулся в Россию, агитировал за ликвидацию РСДРП и замену ее всероссийской организацией рабочего класса, внутри которой социал-демократия существовала бы как одно из идейных течений. Акимов написал несколько работ, в том числе "Очерк развития социал-демократии в России" (СПб, 1906). В годы первой мировой войны он отошел от всякой политической деятельности и работал в кооперативных учреждениях.

Дневник Акимова представляет собой 11 рукописных тетрадей. Их начало относится к 1 ноября 1888 г. Наиболее интересны в нем его впечатления от II съезда РСДРП. 8 июля 1903 г. он пишет: "Собственно на нем есть только один человек, который знает, что он делает, куда он ведет, это — Ленин". 26 сентября 1903 г. Акимов сообщает, что Мартов живет в Женеве у Потресова, поэтому хорошо, что "этот колеблющийся человек немного изолирован от Плеханова и Ленина"⁸.

Раскол на II съезде РСДРП весьма разочаровал

Акимова, и он дал нелестные характеристики ее руководству. 28 марта 1904 г. Акимов записал в дневнике: "Съезд показал мне, какое убожество в сущности представляют собою наши "лучшие люди". Какой ужасно низкий уровень моральный и умственный является типичным для "пастырей" русского пролетариата. Я не колеблясь скажу, что если бы они были действительными выразителями тенденций, настроений и идеалов этого класса, то я, пришелец в него, признал бы глубокою ошибкой все десять лет моей революционной деятельности. Но, к счастью для меня, я слишком далек от этой мысли, я уверен, что только потому, что русский пролетариат еще слишком мало развит, еще не вырос, не привык проявляться и говорить за себя, только поэтому его именем могут говорить люди, вносящие в дело не только теоретические принципы, но мировоззрение, этику и психологию низших слоев того класса, к которому они принадлежат. Они не могли бы быть даже "вторыми в городе", и поэтому они пошли в пролетариат, чтобы там быть первыми"⁹.

В 1959 г. жившие за рубежом старейшие члены меньшевистской партии выступили с инициативой создания истории меньшевизма. Ее поддержали американские историки. "Я пребывал в блаженном неведении обо всех обстоятельствах, когда начал сблизжаться с этими старейшинами меньшевизма для того, чтобы руководить задуманным ими делом, — вспоминал профессор Колумбийского университета (США) Л.Хеймсон. — Они бесхитростно сообщили мне, что пришли к выводу, что история меньшевизма должна быть написана и что они теперь обращаются к нам для того, чтобы воплотить эту идею в жизнь"¹⁰. Тогда же Л.О.Дан и Б.М.Сапир предложили планы создания этого труда, которые хранятся в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме¹¹.

Эти планы не были реализованы в полной мере. Вероятно, план Л.О.Дан, судя по ее оживленной переписке в то время, представлял не только ее мнение, но и мнение ее корреспондентов, то есть был в известной мере коллективным. Заметно, что в планах по истории меньшевизма в России было много общего с уже изданными книгами по истории большевизма¹². В этом нет ничего удивительного, ибо речь шла о действительно общей (в определенных хронологических рамках) истории двух российских партий. Изучение их истории нельзя вести изолированно, ибо вплоть до 1917 г. российская социал-демократия была единой частью мирового социалистического движения.

Интересна переписка Л.О.Дан, Б.И.Николаевского и его жены А.М.Бургиной с исследователями, занимающимися историей российской социал-демократии. Отношение к ним Дан высказала еще в письме к Валентинову 28 октября 1956 г., где рассказывала о встрече с английским профессором русского происхождения Л.Шапиро, работавшим в то время над историей КПСС: «Он много знает, вернее, очень много читал, почти все, что можно было прочесть, и многое довольно хорошо понимает, но не все. Да и кто, кроме нас, может все это понять и проникнуться тем неповторимым временем?»¹³ В 1960 г., прочитав только что опубликованную книгу Шапиро, Дан сообщала ему, что положительная оценка работы в целом не означает, что она согласна со всеми его утверждениями. Она выражала сомнение в правильности толкования автором понятия «диктатура пролетариата» большевиками и меньшевиками, роли «экономизма» и др. В 1962 г. Дан благодарила Шапиро за его согласие написать предисловие к новому изданию книги Ф.И.Дана «Происхождение большевизма», хотя и понимала всю сложность ситуации, т. к. реальность не оправдала ожиданий автора. Она сообщала, что ищет из-

дателя и переводчика для “Записок социал-демократа” Мартова, которые введут европейского читателя в атмосферу России той эпохи¹⁴.

В Гуверовском историческом архиве эта тема может быть продолжена письмами Николаевского профессору Гарримановского института при Колумбийском университете Л.Хеймсону, много лет работавшему в качестве руководителя проекта по истории меньшевизма. В одном из них 18 сентября 1965 г. он советовал Хеймсону, ехавшему в Москву для сбора материалов, посмотреть в ЦПА письма Аксельрода, Мартова, Мартынова и Дана, в ЦГАОР — материалы департамента полиции, где можно найти дело Потресова за 1911–1912 гг.¹⁵ А.М.Бургина (1899–1982) была выпускницей исторического факультета Московского университета. Ее выслали из советской России в 1922 г. как жену И.Г.Церетели. Позже она стала женой Николаевского, и они вместе собирали и хранили архив российской социал-демократии за рубежом. Николаевский продал свою коллекцию Гуверовскому историческому архиву с условием, что его хранителем после его смерти будет Бургина. Она была известна прежде всего как автор лучшей библиографии социал-демократической литературы¹⁶. Сохранилась ее переписка с Р.Пайпсом о составлении библиографии об общественных и политических группировках в России в 1855–1917 гг., с И.Гетцлером и Л.Хеймсоном — о меньшевистских изданиях, Я.Янсенем — о литературе об эсерах после 1917 г., а с Г.Легеттом — о работах по истории ВЧК. Она готовила к изданию рукописи Николаевского. 22 февраля 1970 г. Бургина общалась профессору Колумбийского университета Ф.Мосли, что Николаевский подготовил к изданию материалы по истории социал-демократического движения в России. Она полагала, что для их публикации требуются предисловие и комментарии, в которых надо дать “обзор социал-демократического

движения за охватываемые периоды времени”, и именно тут она уже далеко не чувствовала в себе той уверенности, которая необходима, чтобы самой писать на эту тему. В письме Бургина отмечала, что просила Л.Шапиро дать введение, но он ответил, что ему “легче написать монографию о Сократе, чем написать несколько страниц о социал-демократии”¹⁷. Разумеется, на первый взгляд это вторичные документы личного происхождения, которые часто не замечаются историками. Но без них невозможно представить себе лабораторию отбора источников для исследования.

Материалы коллекции Николаевского помогают уяснить процесс формирования документальных фондов по истории социал-демократического движения, розыска этих документов и их приобретения для возвращения в российские архивохранилища. 17 мая 1926 г. Николаевский писал М.Г.Когану-Гриневичу, что Д.Б.Рязанов хотел бы приобрести архив Б.Н.Кричевского по невысокой цене. В нем были письма, комплект мандатов на международный конгресс в Париже (1900), оригиналы предложений, вносившихся делегатами II съезда РСДРП (многие из них написаны Плехановым) и др. В 1928 г. архив Кричевского переехал в Москву и позже стал фондом ЦПА¹⁸. 10 мая 1925 г. А.Н.Потресов писал Николаевскому, что в Москве он беседовал с Н.С.Ангарским по поводу хранившихся у него писем Ленина. Он отдал три письма Ленина в обмен на согласие издать его переписку с Мартовым. Потресов сообщал, что, как только будет подписан договор об этом, он передаст из своего архива письма Р.Люксембург, Плеханова, а также письма Ленина из Шушенского¹⁹. Однако до сих пор опубликована только незначительная часть переписки Потресова с Аксельродом²⁰. Его переписка с Мартовым в двух томах (188 писем за 1898–1913 гг.), представляющая огромную ценность для истории рос-

сийской социал-демократии, еще ждет своего издания.

В 1928 г. Николаевский заключил договор с Ангарским о том, что обязуется представить для издания с комментариями и предисловием “Доклады местных социал-демократических организаций II съезду РСДРП”. В сборник вошли доклады Петербургского, Ростовского, Тульского, Тверского, Киевского и других социал-демократических комитетов. Материалы сборника Николаевский обсуждал с участниками событий, которые помогали ему раскрыть псевдонимы, уточняли многие факты. В ходе работы над текстом сборника Николаевский решительно возражал в письме Ангарскому против искажения текста, характеризующего обстановку в Петербургской организации. “Я принять участие в этом искажении исторических фактов не хочу”, — писал он²¹.

Значительное число документов утеряно. Известно, что часть своего архива Мартов уничтожил сам. 25 апреля 1917 г. он писал Н.С.Кристи, что перед отъездом в Россию из Швейцарии хотел бы оставить у нее небольшой ящик с книгами и бумагами. “Успокойся, — писал он, — твоих писем не оставлю: все будут сожжены”. 11 мая Мартов сообщал ей: “Твое последнее письмо — я его сжег — произвело на меня глубокое впечатление, я долго о нем думал”. Он же признавался ей: “Мне не чужд “фетишизм сувениров”. Но он вступает в противоречие с условиями жизни. Пока я жил “сплошь” 7 лет за границей, я все, что хотел, сохранял. Но, например, когда пришлось переехать в Россию, я не мог взять ни писем, ни карточек — исключительно из органического отвращения к тому, что мое “личное” трогали полицейские руки при первом обыске. И так было всегда. Мне еще ни разу не пришлось присутствовать при чтении жандармами моей личной — не деловой переписки. Но, чтоб этим не рисковать, приходи-

лось сдавать на хранение по возможности в надежные места. Не моя вина, если при этом иногда случалось, что изменялись условия жизни самих хранителей, они передавали дальше, и раз — всего раз! — случилось, что моя личная переписка при таких передачах перепуталась с переданной на хранение перепиской других лиц и что пара посторонних лиц должна была пересмотреть ее, чтобы отобрать мою собственность и вернуть мне. Этот факт мне был так неприятен (кстати, это случилось только с письмами, оставленными мною за границей, когда я в 1905 году нелегально вернулся в Россию), что оставил на многие годы горький осадок и заставляет меня беспокоиться о судьбе моей собственности”²². Среди пропаж Мартова можно назвать наиболее известную — его переписку с Лениным в сибирской ссылке конца XIX века.

3 сентября 1927 г. библиотекарь парижской группы содействия РСДРП И.И.Лодыженский сообщал Ф.И.Дану, что из партийного архива и библиотеки РСДРП, находящейся в Париже, было многое растащено, но для продажи большевикам (чем занимается Николаевский) есть несколько номеров “Социал-демократа”, на которых стоит штамп на французском языке “В.Ульянов”, а также “Голос социал-демократа” с карандашными пометками, возможно, Ленина²³. Различные документы при разных обстоятельствах пропадали у многих меньшевиков. 4 октября 1928 г. Николаевский писал Рязанову, что при его аресте в феврале 1921 г. во время обыска из квартиры забрали “тук различных рукописей и материалов, имевших отношение к ... историческим занятиям”. Николаевский просил способствовать их возвращению, поскольку многие из них представляют “значительную научную ценность”. Он даже был согласен на их передачу в распоряжение Института К.Маркса и Ф.Энгельса²⁴. В предисловии к сборнику писем Ф.И.Дана Б.М.Сапир пи-

сал, что “приходится считаться с отсутствием писем Дана, относящихся к 1917–1918 гг. Если они где-то и сохранились, их количество вряд ли велико”. Он объяснял это активной политической деятельностью Дана в 1917 г., тем, что его постоянные корреспонденты Аксельрод, Мартов и Потресов были рядом с ним. Поэтому в сборнике вслед за письмом, датированным 3 августа 1916 г., публикуется письмо Аксельроду от 28 мая 1920 г.²⁵ Подобный перечень пропавших документов можно и нужно продолжить, хотя ясно, что их поиску не всегда будет способствовать успех.

С.В.Тютюкин в книге о Плеханове подробно рассказал о легенде, возникшей в 80-е годы XIX века о том, что будто бы Плеханов и Засулич скрыли от общественности письмо Маркса к В.И.Засулич от 8 марта 1881 г., в котором шла речь о судьбе крестьянской общины в России. Это письмо обнаружил в архиве Аксельрода Николаевский в 1923 г. и годом позже опубликовал его в Берлине. Рязанов тогда же издал переводы черновых вариантов ответа Маркса Засулич, обнаруженные им еще в 1911 г. во время разбора архива Маркса, находящегося у Лафаргов, а также полностью перепечатал текст письма, найденного Николаевским. Рязанов высказал сомнение в “странной забывчивости” Плеханова и Засулич, заявивших ему, что об этом письме Маркса им ничего не известно, и объяснил это “слухами” о личном столкновении Маркса и Плеханова по вопросу об общине. В 1957 г. Н.В.Вольский под псевдонимом Е.Юрьевский опубликовал в “Социалистическом вестнике” статью “Мысли о Г.В.Плеханове”, где со ссылкой на рассказ его вдовы, Р.М.Плехановой, изложил версию о том, как Плеханов уговорил Засулич забыть об этом письме Маркса, поскольку его выводы не согласуются с плехановскими.

Николаевский тогда же откликнулся на это заявление с опровержением, сообщив читателям “Со-

циалистического вестника”, что он спрашивал у Р.М.Плехановой об этом письме Маркса, но та ответила, что ей об этом ничего не известно. Николаевский не увидел в случившемся никакого злого умысла со стороны членов группы “Освобождение труда”. И взывал к справедливости по отношению к Плеханову и другим деятелям российской социал-демократии. К этим словам присоединяется С.В.Тютюкин²⁶. Но, видимо, объективности ради следует обратить внимание и на ответ Вольского Николаевскому в связи с обсуждаемым вопросом, черновик которого хранится в Гугеровском историческом архиве²⁷. В нем 11 страниц убористого текста, в котором эмоциональное неприятие упреков Николаевского дополняется различными фактическими аргументами. К первым, наверное, следует отнести его негативные замечания в адрес Плеханова в связи с его сотрудничеством с Лениным и ненавистью к Потресову. Говоря же о сути спора, Вольский настаивал на том, что Р.М.Плеханова все ему рассказала. “Современницей письма была Р.М.Плеханова, — пишет он, — и, естественно, я захотел от нее узнать, что по этому поводу ей известно. В эпоху оккупации немцами Парижа я жил от нее на расстоянии 7–8 минут ходьбы и несколько раз бывал у нее... Плеханова, когда я ее посещал, отнюдь не производила впечатление особы, которая “ничего не может вспомнить”. Суть ее ответа на его вопрос о том, почему письмо Маркса Засулич в течение десятилетий не появилось в печати, состояла в утверждении, что Плеханов считал выводы Маркса в этом письме ошибочными, укреплявшими народнические иллюзии, с которыми он тогда боролся.

Ныне трудно судить о взаимоотношениях бывших российских эмигрантов. Но нельзя не отметить и, вероятно, главное замечание Вольского к статье Николаевского. “Я не историк, — писал Воль-

ский, — но для меня ясно, что, если бы Николаевский, оставив агитацию, захотел бы именно как историк подойти к разбираемому вопросу, он прежде всего должен бы беспристрастно, спокойно, объективно установить, признать, что письмо Маркса было несомненно положено “под спуд”, а затем столь же объективно, со всеми возможными деталями, попытаться узнать, каковы были “действительные мотивы” это письмо “забыть”, кто и какую роль в этом играл. Нужно взять при этом всю обстановку и психологию прошлого. Когда говорят о мотивах “сокрытия”, это не значит, что имеются в виду непременно мотивы безыдеальные, неблагоприятные, низкого, недостойного характера”. Вольский пишет об уничтожении Э.Бернштейном записки Энгельса деятелям Парижской Коммуны о том, как отразить натиск Германии, т. к. боялся, что это будет расценено как акт государственной измены и приведет к ужесточению законов против немецкой социал-демократии. Вольский был склонен считать “забвение” Плехановым письма Маркса не фактом, умаляющим его достоинство, а лишь актом, политически целесообразным для него в тех условиях.

Среди неопубликованных документов есть частные письма с элементами доносительства, слухами о поведении бывших меньшевиков, оставшихся в России. Так, в 1922 г. неизвестный корреспондент Мартова писал, что, по рассказам одного знакомого коммуниста, приехавшего из Сибири, И.М.Майский — бывший член ЦК РСДРП, в 1921 г. вступивший в РКП(б), теперь рекламирует коммунистов и говорит, что его вхождение в правительство самарского Комуча (1918) произошло с согласия ЦК партии, что Мартов будто бы говорил ему: “Формально мы, конечно, против вооруженной борьбы с большевиками, но, если бы такая возможность представилась, то мы не возражали бы” и т. п. Далее корреспондент сообщал: “Принимая во внимание, что

Майский в то же время усиленно подчеркивает свою исключительную ненависть к Вам, что он вообще... способен на всякие гнусности, я считаю необходимым Вас поставить в известность об этом”²⁸.

В коллекции Николаевского хранится письмо неизвестного корреспондента о меньшевистском процессе в Москве (1931). В нем отрицается наличие какого-либо заговора со стороны бывших меньшевиков, но подчеркивается роль Н.Н.Суханова, осужденного на этом процессе, как “несознательно-го провокатора”. Это проявилось в том, что все гости его вечеринок были привлечены к процессу. “Например, он летом встретил в Кисловодске Рубина (экономиста из Института Маркса и Энгельса) и пригласил заходить к себе по воскресеньям в Москве. Рубин не пошел, впоследствии в Москве они случайно встретились еще раз. Суханов настаивал на свидании, и Рубин однажды присутствовал у Суханова как гость. Теперь Суханов выдает его как участника... Базаров вел себя мужественно и никого не назвал”²⁹. Подобные письма, особенно последнее, следует отнести к обывательским пересудам, но они свидетельствуют об уровне политической культуры тех, кто их писал и собирал.

Естественно, неопубликованных документов и других материалов, хранящихся в различных архивохранилищах многих стран, намного больше, нежели опубликованных. В настоящее время насущной необходимостью является фондовая публикация всех без исключения документов или их включение в Интернет, ибо отбор документов для публикации часто носит заданно-конъюнктурный и субъективный характер. К сожалению, многие советские и не только советские публикации являются иллюстрацией этого достаточно распространенного явления.

Комментарии

¹ *Мартов Ю.О.* Из неопубликованных воспоминаний // Ленинский сборник. М., 1925. Т. IV. С. 49–61.

² Из публицистического наследия Л.Мартова // Советские архивы. 1991. № 5. С. 49–56.

³ *Akselrod P.B.* Observations sur la tactique des socialistes dans la lutte contre le bolchevisme. (Extrait d'une lettre à Martov). Paris, 1921.

⁴ Подробнее об этом см.: *Литвин А.Л.* Меншевики в советской России // Меншевики в советской России. Сб. документов. Казань, 1998. С. 4, 7, 9–10.

⁵ *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 353; Группа "Освобождение труда". М.—Л., 1926. Сб. 5. С. 288–289.

⁶ С документами из ЦА ФСБ меня любезно познакомил А.Л.Литвин. П.Н.Краснов в воспоминаниях отмечал антипатию казаков к Керенскому и описывал встречу с Савинковым под Царским Селом, отметив, что тот ему предлагал убрать Керенского и самому стать во главе движения. // *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 161, 163. Савинков в опубликованных воспоминаниях описывал встречу с Плехановым так: «Я ночевал эту ночь у покойного ныне Плеханова. Я рассказал ему о положении генерала Краснова. Он выслушал меня и спросил: "Что же, если казаки победят, Керенский на белом коне войдет в Петроград?" Я промолчал. И тогда Плеханов сказал: "Бедная Россия!"» // *Савинков Б.В.* Борьба с большевиками. Варшава, 1920. С. 8–9.

⁷ Исторический архив. 1998. № 2. С. 7–8.

⁸ *ИИШ. В.П.Акимов.* П. 9. На первой тетради Юлия Махновец, сестра Акимова, написала: "Эти семь тетрадок прочла, начав 12.1.32, и сегодня

19.VII.32 г. Месяцы очень тяжкие, и потому сознаю, что надо бы торопиться все привести в порядок. Юлия Махновец на 63 году жизни”.

⁹ IISH. В.П.Акимов. П. 10. Часть работ Акимова опубликована: Vladimir Akimov on the Dilemmas of Russian Marxism: 1895–1904. Ed. by J.Frankel. Cambridge, 1969. Акимов в брошюре о II съезде РСДРП писал, что Плеханов сделал две непростибельные ошибки. Когда появилась брошюра “Об агитации” он молчал, но 6 лет спустя заявил, что эту брошюру писали серьезные и умные люди, но в ней корень “экономизма”. Когда Ленин в “Что делать?” изложил “основные принципы научного социализма”, Плеханов молчал, он молчал и когда принимался проект программы партии, явно расходящийся с тем, что ранее писал Плеханов. // Акимов В.П. К вопросу о работах второго съезда РСДРП. Женева, 1904. С. 72.

¹⁰ Хеймсон Л. Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия. XXI. 1995. № 3–4. С. 143.

¹¹ Планы хранятся в IISH. Л.О.Дан. П. 12. Дан Лидия Осиповна (Иосифовна) — урожденная Цедербаум (сестра Мартова и жена Ф.И.Дана. 1878–1963). В революционном движении России с 1897 г., с 1903 г. — в партии меньшевиков. Подробнее см.: Сапир Б. Л.О.Дан (биографический очерк) // Из архива Л.О.Дан. Amsterdam, 1987. С. XIX–XXVII. Сапир Б.М. (1902–1989), меньшевик с 1919 г., неоднократно арестовывался советскими властями, в 1925 г. нелегально бежал за границу. Член Заграничной делегации, представитель Союза с.-д. молодежи в Социалистическом Интернационале молодежи (1936–1939). Жил в Берлине, Париже, Амстердаме, Гаване, Нью-Йорке. Последние годы жизни работал в Международном институте социальной истории в Амстердаме, почетный доктор Амстердамского университета. Подробнее см.:

Corrsin S., Jansen M., Scaruffi E. Boris Moiseevich Sapir. Menshevik and Social Historian. Amsterdam, 1997; *Янсен М. Жизнь меньшевика* // Воля. 1995. № 4–5. С. 227–236. Планы Дан и Сапира опубликованы: *Урилов И.Х. Новое о Мартове и изучении истории меньшевизма (заметки историка)* // Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. М., 1998. С. 137–142.

¹² Основные этапы истории большевизма представляли В.И. Ленин, И.В. Сталин и многие историки. См. об этом подробнее: *Маслов Н.Н. Ленин как историк партии*. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1969; и др.

¹³ Из архива Л.О. Дан. Отобрал, снабдил примечаниями и очерком биографии Л.О. Дан Борис Сапир. Amsterdam, 1987. С. 152.

¹⁴ IISH. Л.О. Дан. П. 17. См. также: *Shapiro L. The Communist Party of the Soviet Union*. London, 1960.

¹⁵ HIA. B.Nicolaevsky collection. Box 550. Fol. 13. Ser. 253. О Л.Хеймсоне (род. в 1927 г.) см.: К 70-летию профессора Леопольда Хеймсона // Отечественная история. 1997. № 6. С. 207–208. В декабре 1974 г. Хеймсон рекомендовал Бургиной “одну из своих лучших студентов” Зиву Галили, которая готовила к защите диссертацию о деятельности меньшевиков России в 1917 г. // HIA. B.Nicolaevsky collection. Box 550. Fol. 13. Ser. 253.

¹⁶ *Бургина А.М. Социал-демократическая меньшевистская литература. Библиографический указатель. The Hoover Institution on war, revolution and peace. Stanford University. Stanford, California, 1968.*

¹⁷ HIA. B.Nicolaevsky collection. Box 550. Fol. 24, 25. Ser. 253. На похоронах А.М. Бургиной 27 октября 1982 г. выступил профессор Стэнфордского университета Т.Эммонс: “Я беру на себя смелость заявить, что представляю целый ряд поколений ученых, которым Анна Михайловна великодушно помогала в научно-исследовательской работе, затрагивающей вопросы русской истории. С момента

приезда А.М. и Б.И. Николаевского в Стэнфорд, для меня и моей жены было исключительным удовольствием дружить с ними. В течение этих лет я много раз наблюдал А.М. во время ее работы. Это было призвание служить исторической правде". // НИА. Box 550. Fol. 1. Ser. 253. Часть рукописи Николаевского была опубликована. См.: *Николаевский Б.И. К истории "Большевистского центра"* // *Николаевский Б.И. Тайные страницы истории*. М., 1995.

¹⁸ НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 291. Fol. 27. Ser. 225. Кричевский Б.Н. (1866–1919), социал-демократ, сотрудничал с группой "Освобождение труда", один из организаторов "Социал-демократической библиотеки" (1893), один из редакторов журнала "Рабочее дело" (1898–1902). В 1905 г. эмигрировал во Францию и принимал участие во французском социалистическом движении. Ныне его архив хранится в РГАСПИ (Ф. 263), описание см.: РЦХИДНИ. Путеводитель по фондам и коллекциям личного происхождения. С. 118–119. Коган (Гриневич) М.Г. (1874–1942) — социал-демократ, один из руководителей "Союза русских социал-демократов", меньшевик, профсоюзный работник, эмигрант с 1922 г.

¹⁹ НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 3. Ser. 19. Ангарский (Клестов) Н.С. (1873–1941) в революционном движении с 1896 г., большевик, издатель марксистской литературы. Подробнее о нем см.: *Будаев Д.И. Историк большевистской партии Н.С. Ангарский* // *Вопросы истории КПСС*. 1990. № 4. С. 106–119.

²⁰ См.: *Социал-демократическое движение в России*. М.—Л., 1928.

²¹ НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 471. Fol. 18. Ser. 248. См.: Доклады социал-демократических комитетов второму съезду РСДРП. М., 1930.

²² РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. С. 39, 134. См. также: *Казарова Н.А. Политические взгляды и дея-*

тельность Ю.О.Мартова. Автореф. докт. дис. Ростов-на-Дону, 1999. С. 20. Кристи Н.С. (1888 — начало 1920-х гг.) — пианистка. В 1906–1917 гг. жила во Франции и Швейцарии вместе с мужем М.П.Кристи (1875–1956), политэмигрантом. В январе 1918 г. с семьей вернулась в Петроград, работала в комиссии по улучшению питания детей. Похоронена в г. Пушкине под С.-Петербургом. // Свободная мысль. 1991. № 16. С. 38–39.

²³ НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 688. Fol. 2. Ser. 279. 23 мая 1930 г. Николаевский сообщал Ангарскому, что рыночная цена писем Ленина примерно 250–400 марок за письмо. // Там же. Box 471. Fol. 18. Ser. 248.

²⁴ *Рокитянский Я., Мюллер Р.* Красный диссидент. Академик Рязанов — оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М., 1996. С. 226.

²⁵ Федор Ильич Дан. Письма (1899–1946). Отобрал, снабдил примечаниями и очерком политической биографии Дана Борис Сапир. Amsterdam, 1985. С. XIII, 314, 317.

²⁶ *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 68–72.

²⁷ НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 662. Fol. 10. Ser. 279.

²⁸ НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 623. Fol. 26. Ser. 267.

²⁹ Там же. Box 691. Fol. 8. Ser. 279.

Документальные публикации

Публикация меньшевистских документов началась со времени образования этой фракции РСДРП. Документы печатались в газетах “Искра”, “Социал-демократ”, “Дневник социал-демократа”, “Голос социал-демократа”, “Единство” и др. Их использовали в своих полемических работах руководители обеих фракций РСДРП.

Вскоре после окончания II съезда РСДРП и раскола партии, 13 октября 1903 г., собрался II съезд Заграничной лиги русской революционной социал-демократии в Женеве. На этом съезде Мартов предал гласности содержание отдельных частных разговоров между редакторами “Искры”, обвинив Ленина в интриганстве. Ленин все отрицал. Разгорелся скандал. Присутствующие большевики покинули заседание съезда. Оставшиеся там меньшевики осудили тенденции к “бюрократическому централизму”, нашедшие выражение в позиции Ленина по организационному вопросу. Съезд лиги упрочил позиции меньшевиков. Более того, Плеханов, до этого поддерживавший Ленина, перешел к меньшевикам, заявив, что не может больше “стрелять по своим”. Ленин в ответ вышел из состава редакции “Искры”, после чего Плеханов ввел в ее состав Мартова, Аксельрода, Засулич и Потресова. Съезд Лиги усугубил раскол в РСДРП. Материалы съезда Лиги были опубликованы тогда же, в 1903 г. В советское время, когда всякие критические высказывания по адресу

Ленина были подсудны, т. е. считались политическим преступлением, о них мало было известно. Или, как тогда писали историки КПСС, труды и выступления Ленина той поры, его борьба с меньшевизмом “идейно вооружали русских марксистов, указывали им единственно верный путь дальнейшего строительства партии”. И лишь в 1996 г. содоклад, заключительное слово Мартова, резолюция о борьбе с тенденциями к бюрократическому централизму в РСДРП, принятые на съезде Лиги, были вновь опубликованы¹.

Подобное происходило и с другими изданными в разное время меньшевистскими документами. Назовем лишь наиболее важные из них. В конце апреля — начале мая 1905 г. в Женеве состоялась первая общерусская конференция партийных работников, созванная меньшевиками как альтернатива III (большевистскому) съезду РСДРП. На конференции обсуждались тактика меньшевиков в революционных условиях, пути превращения РСДРП в подлинно пролетарскую организацию и достижения соглашения между большевиками и меньшевиками. Протоколов заседаний на конференции не велось, неизвестна даже точная датировка ее работы. Резолюции конференции были изданы как приложения к “Искре” № 100 (1905 г.), а затем отдельной брошюрой².

Из дореволюционных публикаций выделим выступления меньшевиков на заседаниях I, II, III и IV Государственных Дум³. Социал-демократическая фракция I Государственной Думы была организована 12 июня 1906 г. из 18 депутатов. Ее руководителем был меньшевик Н.Н.Жордания. Во II Государственной Думе социал-демократическую фракцию из 65 человек возглавил меньшевик И.Г.Церетели. Меньшевик Н.С.Чхеидзе был руководителем фракции РСДРП III и IV Государственных Дум (после раскола единой фракции РСДРП в 1913 г. он руководил фракцией меньшевиков)⁴.

Выступления меньшевиков на съездах РСДРП обычно цитируются по советским изданиям их протоколов конца 50-х — начала 60-х гг.⁵

Заслуживает внимания и “полицейская” литература о РСДРП. В 1918 г. двумя изданиями вышел сборник “Большевики” с документами за 1903–1916 гг. из архива бывшего Московского охранного отделения. В нем был опубликован список 12 провокаторов, работавших в социал-демократической партии и писавших доносы в Департамент полиции МВД. Причем доносили они о деятельности всех социал-демократов, а не только большевиков. Ныне известны имена таких провокаторов, как Р.В.Малиновский, М.И.Бряндинский, М.Е.Черномазов и др. Из документов видно, что полиция была прекрасно информирована о фракционной борьбе внутри РСДРП. В них часто упоминаются имена Плеханова, Мартова, Мартынова и других меньшевиков. Полиция многое знала о транспортировке партийной литературы из-за границы в Россию, партийных съездах, конференциях и партийных школах. Характеристики полицейских часто субъективны, а информация весьма оптимистична, т. к. в силу ведомственного интереса они хотели представить ослабление деятельности социал-демократов как результат своей работы. Так, в полицейском обзоре сообщалось: “К концу 1908 г. положение партии представлялось в следующем виде: в России меньшевики не имели никаких организаций; весь юг, где царствовали меньшевики, совершенно уничтожен репрессиями правительства... Большую роль в исчезновении в России меньшевистских организаций сыграло также присутствие среди меньшевиков значительной части интеллигенции, которая бежала за границу и основала там новую базу меньшевиков — “заграничные группы содействия”⁶.

Действительно, после поражения революции, репрессий и дезорганизации РСДРП в 1908–1909 гг.

переживала кризисную ситуацию. Но это не означало ликвидации всех меньшевистских организаций. В Русском бюро ЦК РСДРП вместе с большевиками продолжали работать меньшевики Н.Н.Жордания и Н.В.Рабишвили. В то время среди меньшевиков были сильны “ликвидаторские” настроения, направленные на отказ от нелегальной деятельности, но был и Плеханов, выступавший за возрождение революционного подполья. Победили тогда сторонники Мартова и Дана, которые были за революцию, сохранение нелегальных и всемерное развитие легальных партийных организаций, выступая одновременно против некоторых аморальных приемов деятельности большевиков (“эксы” и т. д.)⁷.

Известно, сколь сильна была взаимосвязь между политической конъюнктурой и освещением истории российской социал-демократии в советское время. Так, долго считалось, что создателем Петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса” был Ленин, видевший в нем зародыш пролетарской партии нового типа. О документах, исходящих из небольшевистского лагеря, советские историки либо умалчивали, либо называли их сфальсифицированными только на том основании, что они противоречили точке зрения Ленина. При этом как-то забывалось то обстоятельство, что Ленин был прежде всего политиком и использовал историю социал-демократии для укрепления своего лидерства. Между тем в докладе, представленном делегацией русских социал-демократов международному социалистическому конгрессу в Лондоне в 1896 г., Г.В.Плеханов и А.Н.Потресов отмечали, что “Союз борьбы” возник из слияния разрозненных социал-демократических групп города, не назвав Ленина их собирателем⁸. Этот вывод подтвердили и полицейские материалы. Сотрудник С.-Петербургского охранного отделения П.Статковский сообщал, что главным организатором “Союза борь-

бы” был не только Ленин, но и Мартов, Кржижановский и др.⁹

Советские историография и источниковедение идеи меньшевизма не жаловали. Более того, отвергали напрочь как оппортунистические, ревизионистские и мелкобуржуазные. Ведь деятельность практически всех идеологических учреждений, возникших в стране после 1917 г., была направлена на подчинение исторической науки марксистской идеологии в интерпретации живущих советских вождей, на подчинение прошлого создаваемому тоталитарному государству. Как писал с глубоким сарказмом Д.Оруэлл в известном романе “Год 1984”, в выдуманном им государстве абсолютного подавления партийный лозунг гласил: “Кто контролирует прошлое, контролирует будущее, а кто контролирует настоящее, тот всевластен над прошлым... Все просто. Единственное, что необходимо, — бесконечная цепь побед над собственной памятью”¹⁰.

Первые советские учреждения, особенно Истпарт, Институт Ленина, позже Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, специальные партийные архивы, безусловно, способствовали пропаганде идей победителей — большевиков и их вождей. Но оценивать их работу однозначно ни в коем случае не следует. Ведь наряду со своей основной работой по истории большевизма, созданию биографий его вождей, изданию их трудов, а также документальных сборников и протоколов большевистских съездов и конференций¹¹, они публиковали и данные о социал-демократическом движении в России в целом.

В 1922–1927 гг. Институт К.Маркса и Ф.Энгельса издал 24-томное собрание сочинений Г.В.Плеханова. Институт В.И.Ленина начал издание “Ленинских сборников”, где публиковались не только ленинские, но нередко и меньшевистские документы, например письма Мартова. Истпарт совместно с коми-

тетом по увековечению памяти Плеханова опубликовал 6 выпусков различных материалов из архивов Плеханова, Засулич и Дейча под заглавием «Группа “Освобождение труда”»¹². В 20-е годы была начата публикация документов из архива “Искры”, переписка ЦК с местными организациями, был издан справочник “Легальная социал-демократическая литература в России за 1906–1914 годы” с описанием петербургских и московских журналов и сборников. В 1923 г. В.И.Невский издал 1-й выпуск “Материалов для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г.”. Тогда же, в 1923 г., Петроградский истпарт опубликовал сборник “Памятники агитационной литературы Российской социал-демократической рабочей партии” (Т. 6. Вып. 1), в который вошли 155 прокламаций, воззваний, листовок РСДРП, извлеченных из архива Департамента полиции. Многие материалы по истории российской социал-демократии (особенно до 1903 г.) публиковались в журналах “Пролетарская революция”, “Красная летопись”, “Красный архив”, “Каторга и ссылка” и др. Так, было опубликовано неизвестное ранее письмо Мартова от 7 ноября 1904 г.¹³

Разумеется, нельзя не отметить, что значительное число меньшевистских документов было опубликовано в годы гражданской войны, когда репрессивные меры по отношению к меньшевикам еще не носили столь тотального характера, как в последующие годы. Именно в те годы были опубликованы многие важные документы из жизни партии¹⁴, выступления представителей РСДРП на съездах Советов и заседаниях ВЦИК¹⁵.

В 1959 г. в нью-йоркском издании “Мартов и его близкие” была переиздана подборка выступлений Мартова во ВЦИКе. Это выступление Мартова 29 апреля 1918 г. на заседании ВЦИК с критикой доклада Ленина “Очередные задачи советской влас-

ти” и 27 мая 1918 г. — против предложенной чекистом М.И.Лацисом инструкции “О звании комиссара”. Мартов говорил о “комиссарской эпидемии” в России, о том, что “скоро количество субъектов комиссародержавия будет неизмеримо больше, чем количество объектов”. Он считал, что “полчища комиссаров” не улучшат положение населения. 14 июня 1918 г. заседание ВЦИК обсуждало вопрос “о выступлениях против советской власти партий, входящих в Советы”. На нем внеочередное заявление сделал Мартов, предложивший сначала обсудить вопрос об арестах в Москве уполномоченных фабрик и заводов, собравшихся на рабочую конференцию для выражения протеста против голода и безработицы. Он настаивал на необходимости разбирательства “той практики открытой борьбы против неугодных проявлений рабочего движения, которые в Сормове и других местах довели до открытого военного столкновения и массовых расстрелов, подобно ленским”, и считал, “что эти попытки неответственных людей будут... осуждены и ВЦИК будет иметь мужество сказать, одобряет ли он эти шаги”. Предложение Мартова было отклонено. Мартов на этом же заседании категорически отрицал домыслы Л.С.Сосновского о сотрудничестве меньшевиков с антибольшевистским вооруженным движением. Его во всем поддержал Ф.И.Дан. И все-таки ВЦИК, руководимый Я.М.Свердловым, принял тогда резолюцию об исключении из своего состава эсеров (правых и “центра”) и меньшевиков, а также предложил всем Советам “удалить представителей этих фракций из своей среды”¹⁶. Выступления Мартова и других меньшевиков в советской России в те годы свидетельствовали о существовании демократической оппозиции в стране.

С начала 20-х годов, по мере ликвидации меньшевистских организаций в советской России, центр изданий меньшевистских документов пере-

мещается в зарубежье, переходит в руки Заграничной делегации РСДРП, редакции журнала "Социалистический вестник", зарубежных историков. Но сотрудничество между отдельными меньшевиками-эмигрантами и советскими издателями в то время еще продолжалось. Это проявлялось не только в сборе зарубежных материалов Николаевским для Института Маркса и Энгельса в Москве, но и в издании части важных документов, прежде всего переписки социал-демократов, в советских издательствах. В 1925 г. усилиями Р.М.Плехановой, П.А.Берлина, В.С.Войтинского и Б.И.Николаевского было осуществлено двухтомное издание переписки Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода с 1885 по 1909 г. Составители "Переписки" отмечали, что опубликовали только часть ее, потому что архивы Плеханова и Аксельрода сохранились не полностью. Но они выражали надежду, что "Переписка" останется важнейшим источником для изучения истории революционного движения в России¹⁷. Годом раньше, в 1924 г., в Берлине были изданы под редакцией Николаевского, Ф. и Л.Дан письма Аксельрода и Мартова за 1901–1916 гг., и тогда же под редакцией Войтинского, Николаевского и Л.Дан были опубликованы материалы из архива Аксельрода за 1881–1896 гг. Отметим, что оба эти издания осуществил Русский революционный архив в Берлине и они увидели свет как 1 и 2 тома "Материалов по истории русского революционного движения"¹⁸. В 1928 г. в Москве вышло (наверное, последнее для советских времен) составленное меньшевиками-эмигрантами издание писем Аксельрода, Дейча, Засулич, Мартова, Потресова и других российских социал-демократов. Редакторами тома были Потресов и Николаевский. Последний был и основным его комментатором¹⁹.

Вместе с тем отдельные документы из меньшевистского прошлого продолжали публиковаться и в СССР. В 1928 г. были изданы материалы о II Всерос-

сийском съезде Советов, среди которых были публикации выступлений Дана, Мартова и других меньшевиков, в 1930 г. в отчете о заседании Учредительного собрания была опубликована речь И.Г.Церетели²⁰. Но значительно чаще публикуются в это время тенденциозные отрывки из меньшевистских документов, ставящие целью опорочить РСДРП и ее лидеров. Апофеозом подобной литературы стало издание стенограммы фальсифицированного и придуманного властями процесса 1931 г. над не существовавшим в то время Союзным бюро ЦК РСДРП²¹. Тогда же было прекращено издание биографических материалов участников революционного движения в России, которое осуществлялось Всесоюзным обществом бывших политкаторжан²².

Заметим, что крупных документальных публикаций по истории российской социал-демократии не появилось в 30–40-е годы и за рубежом. Исключением следует считать издание посмертного сборника произведений А.Н.Потресова²³.

Ситуация с публикацией меньшевистских документов несколько изменилась в начале 60-х годов, когда в ряде сборников появились обращение ЦК РСДРП к пролетариату всей России по поводу роспуска I Государственной Думы (1906), проект избирательной платформы ЦК РСДРП на выборах во II Государственную Думу (1906) и другие материалы, исходившие от ЦК объединенной РСДРП²⁴. Одновременно стали публиковаться письма Мартова, его переписка с Плехановым и Лениным²⁵. Исследователи отмечают, однако, жесткий идеологический контроль над всеми публикациями того периода, когда “разоблачение” меньшевиков как “агентов буржуазии” считалось партийным заданием. Это была узаконенная тенденция официальной историографии и археографии²⁶. Тем не менее публикация даже отдельных, небольших меньшевистских документов, осуществленная в начале 60-х гг. на фоне

тогдашней критики культа личности Сталина, не позволяет быть в оценках столь категоричным.

В конце 50-х — начале 60-х гг. резко активизировались исследования по истории РСДРП и документальные публикации (прежде всего меньшевистских воспоминаний) за рубежом. В 1958 г. живущие в основном в США меньшевики отмечали 80-летие Л.О.Дан. Ее друзья решили издать к юбилею книгу “Мартов и его близкие”, посвященную семье Цедербаум. В июне 1958 г. был объявлен сбор средств для этого. Л.О.Дан играла исключительную, объединяющую роль в меньшевистской эмиграции. 2 июня 1958 г. редакция “Социалистического вестника” в своем приветствии Лидии Осиповне отмечала это ее качество: “Вы во всем том коллективе, который еще остался от меньшевистской эмиграции за последние 36 лет, являетесь одной из очень немногих, сумевших сохранить человеческие и дружеские отношения с товарищами самых разных течений, фракций и направлений”²⁷. Поэтому не случайно Л.О.Дан стояла в центре работы по сбору материалов для этой книги, а затем и начатого в 1959 г. “Menshevik project”. Сохранилась ее переписка на эту тему. Николаевский, отвечая Дан 2 августа 1958 г., писал, что он не уверен в правильности превращения сборника в “книгу воспоминаний людей, которые знали относительно мало... было бы лучше дать сборник документов”, и он обещал дать для публикации письма Мартова²⁸. В сборник вошли письма и воспоминания меньшевиков²⁹. Вскоре началась и работа по истории меньшевизма.

Л.Хеймсон вспоминал, что импульс к ее началу был дан в 1959 г. старейшинами меньшевистской партии, среди которых были члены Заграничной организации РСДРП Г.Аронсон, Д.Далин, Л.Дан, Б.Двинов, Б.Николаевский и С.Шварц, а также Л.Ланде, Б.Сапир и С.Волин из меньшевистского Союза молодежи. Именно они решили в конце 50-х гг.

написать историю своей партии как последнюю акцию своего коллективного существования. По мнению Хеймсона, на создание такого труда их подвигло также самопризнание того, что время меньшевизма как политического движения уже позади и поэтому следует обозреть исторический опыт деятельности их партии³⁰. Но была, вероятно, еще одна причина, заставившая пожилых, нередко очень больных людей взяться за этот труд. Это желание рассказать о том, что они пережили и знали³¹. Судя по письмам Дан и воспоминаниям Б.Сапира, именно она и профессор Хеймсон стали основателями проекта по изучению истории меньшевистской партии. В то время Дан чувствовала себя плохо. В письме Валентинову от 28 мая 1959 г. она сообщала о своем “паршивом настроении”, чувстве “дикого одиночества”, когда просто есть желание “завыть”³². Несмотря на физическое и моральное недомогание, Дан вела переписку со многими своими коллегами по осуществлению проекта, консультировала историков. Научным руководителем “Menshevik project” был Л.Хеймсон³³. В архиве Международного института социальной истории в Амстердаме, в бумагах Л.О.Дан, хранятся копии предложений и проекта Хеймсона по изучению истории меньшевистской партии, которые называют его исполнителей, спонсоров и раскрывают план подготовки различных изданий в рамках этого проекта. Проект предусматривал издание воспоминаний, документов и историю российских меньшевиков. Л.О.Дан, комментируя замысел проекта, отмечала в письме к Валентинову 2 мая 1960 г., что, претендуя на грант для исполнения работы, они особенно напирали, собственно исходили из того, что их интересует написать историю меньшевистского движения. “Мы понимали, что американцев такая тема особенно вдохновить не может, что их интересует нечто другое — собрать различный материал из ос-

татков с.-д. движения, случайно оказавшихся в Америке, для изучения истории современной России, особенно принимая во внимание, что американские исследователи в значительной степени обречены пользоваться огромным количеством фальсифицированного материала, в изобилии выпускаемого в Советской России”³⁴. Согласно плану проекта были опубликованы интервью с еще остававшимися тогда в живых меньшевиками, издана книга по истории меньшевизма после 1917 г.³⁵ Но отдельных сборников документов так и не появилось.

В 1967 г. Б.М.Сапир, до этого живший в Нью-Йорке и принимавший активное участие в осуществлении “меньшевистского проекта”, вернулся в Амстердам. Он и возглавил издания документов из русского социалистического архива, хранящегося в Международном институте социальной истории, под общим заглавием: “Russian series on social history”. В этой серии под его редакцией, с его предисловиями и комментариями были изданы материалы о журнале “Вперед!”, письма П.Л.Лаврова, Ф.И.Дана, Л.О.Дан³⁶. Заметим, что зарубежные публикации 70–80-х годов традиционно ограничивались письмами, а отдельные документы продолжали издаваться весьма выборочно, как это имело место в 1920-е годы.

В 1989 г. в этой же серии Международного института социальной истории вышел сборник документов по истории партии правых эсеров, подготовленный профессором М.Янсенем³⁷. Сборник был составлен на основе документов, хранящихся в архивах Международного института социальной истории и Гуверовского исторического архива, в основном из коллекции Б.И.Николаевского. Естественно, что в нем главное внимание уделено эсеровским документам, но были опубликованы и несколько документов об общих заседаниях краевых комитетов эсеров и меньшевиков в Сибири (1920), сов-

местном совещании представителей зарубежных делегаций РСДРП и партии с.р. в Берлине 27 марта 1922 г. В первых говорилось о возможном участии представителей двух партий в создаваемом тогда правительстве Дальневосточной республики, во втором — о сближении позиций социалистических партий в связи с судебным процессом над правыми эсерами в Москве. В сборнике публиковался ответ эсера М.Я.Гендельмана во время судебного процесса (1922) бывшему меньшевику И.М.Майскому, который обвинял членов самарского Комуча (1918) в жестокости, хотя и сам в то время был его членом³⁸. Несколько документов об участии меньшевиков в движении уполномоченных фабрик и заводов в 1918 г. опубликовал М.С.Бернштам в сборниках, посвященных сопротивлению большевикам прежде всего со стороны рабочих, например, в Ижевске³⁹.

В этих сборниках документов явно ощущалось отсутствие материалов, хранящихся в российских архивах. Только они могли создать более полное представление об истории социалистических партий в России. Так, М.Янсен опубликовал сообщение из “Бюллетеня голоса социалиста-революционера” (Харьков, 20 июля 1922 г.) о критике эсерами выступления Майского. Но это вторичный источник, и гораздо ценнее была бы публикация на эту тему на основании полного стенографического отчета о процессе над правыми эсерами, который хранится в ЦА ФСБ РФ (Ф. Н — 1789).

В конце 80-х — начале 90-х гг. положение с публикацией меньшевистских документов резко изменилось. Это сказалось не только на их количестве, но и на их археографии и комментировании. Разумеется, не все издания в этом плане были одинаковы. Опубликованные в 1990 г. Ю.Г.Фельштинским письма Мартова за 1916–1922 гг. из коллекции Николаевского, хранящейся в Гуверовском историческом архиве⁴⁰, отличаются полным отсутствием ка-

ких бы то ни было комментариев. Это и купирование многих писем — самый большой недостаток сборника, но не повод для его игнорирования. Так, В.Н.Бровкин, публикуя письма Мартова Аксельроду (19 ноября 1917 г.), А.Н.Штейну (25 октября 1918 г.), С.Д.Щупаку (26 июня 1920 г.), не указывает, что большая часть этих писем была издана Фельштинским до него. Вместе с тем в этом сборнике документов, составленном Бровкиным опять-таки в основном из документов, собранных Николаевским, есть материалы, относящиеся к деятельности в 1917–1920 гг. региональных меньшевистских организаций (Ярославской, Брянской, Самарской и др.)⁴¹.

Этапным в изучении истории российского меньшевизма следует считать фундаментальное издание документов о политической деятельности РСДРП в 1917 г., предпринятое российскими и американскими историками в 1994–1997 гг.⁴² Вступительные статьи к томам сборника, написанные З.Галили, В.И.Миллером, А.П.Ненароковым, Л.Хеймсоном, показали общность непредвзятых взглядов на предмет исследования. Опубликованные в сборниках документальные материалы, извлеченные из российских, американских и европейских архивов, существенно обогатили источниковую базу исследований, выявили много ранее неизвестного историкам, а главное — кардинально изменили традиционное для российских читателей негативное представление о меньшевиках.

Первые рецензии на это издание были положительными, но их авторы отмечали, что в 1-м томе опубликованы отдельные письма Мартова Н.Кристи, но не указывается, что до этого они были уже изданы (С.В.Тютюкин), а также что отбор отдельных документов совершен без достаточно критического к ним отношения (А.И.Уткин, А.И.Степанов)⁴³. С этими замечаниями рецензентов нельзя не согла-

ситься. Но следовало бы, на внимание и на другое. Письм в журнале “Свободная мысль” меньшевики в 1917 г.” зачастую объяснений, почему избрал часть документа. Некоторые опубликованными: письма М 27, 29 апреля, 2, 4, 11, 19, 20

Издатели имеют право п кажется важным. Наверное, тов о деятельности партии : составителям сборников бы всего политические оценки иных событий. Но для ха меньшевиков как человека, ческих пристрастий этого я полного текста документа за точниковедческий анализ, вь и достоверности источника⁴⁴ шие тома издания “Меньшев жали почти полным отсутст материалов о провинциальн ганизациях, а также внутрен мых источников. Последнее опасений по поводу возмо апологизации меньшевистс ветское время то же происх исходящими от канонизиро шевизма или документов пар ятно, следует в каждом конкп ничивать комментарий спра участвующих, или описанием указывать, насколько достове

Издание сборников осу благоприятной обстановке: сии стали вводиться в научн креченные” источники из р нилищ, более того, в перис

тийной системы в стране вырос общественный интерес ко многим небольшевистским партиям. Именно тогда в рамках независимой научной ассоциации “Российская политическая энциклопедия” (“РОССПЭН”) появился международный проект по изданию 24 томов документов, посвященных различным политическим партиям страны, среди которых были и меньшевики. Одними из первых были изданы программы политических партий России конца XIX — начала XX в.⁴⁵, где были опубликованы Манифест и программа РСДРП, принятые I и II съездами партии.

В 1996–1999 гг. в рамках этого проекта вышли отдельными книгами документы, посвященные меньшевикам в 1903–1917 гг. и отдельно в 1918 г.⁴⁶ На очереди издание документов за 1920–1923 гг. Издателями задумана также публикация протоколов заседаний Заграничной делегации РСДРП.

В предисловии к сборнику документов о деятельности меньшевиков до февраля 1917 г. его автор и составитель тома С.В.Тютюкин конкретно указал на причины, прежде всего политического характера, отрицательного отношения к меньшевикам в советское время, отсутствия объективных исследований истории этой партии. Он отметил основные пороки советской историографии меньшевизма, в том числе использование весьма дозированной части источников, противопоставление “плохих” меньшевиков “хорошим” большевикам, стремление показать ущербность первых и жизненную правоту вторых. Вместе с тем трудно согласиться с выводом Тютюкина о том, что в “вопиющем несоответствии книжных теоретических построений и реальной российской действительности заключалась глубочайшая политическая драма меньшевизма и его вождей”, так же как и с его замечанием, что данная публикация предназначена для широкого круга читателей, а потому в ней нет документов из зарубеж-

ных архивов, но есть материалы, позволяющие судить о программе, тактике и организационной структуре меньшевистских организаций в 1903–1917 гг.⁴⁷ Можно лишь сожалеть о том, что с “мирового” уровня научных публикаций рейтинг издания был вновь понижен до “российского”. Ведь и “широкому кругу читателей” было бы интересно знать о зарубежных документах на эту тему. Однако нужно учитывать, что составитель этого сборника не имел материальных и иных возможностей для проведения подобной работы. Поэтому ограничение объема и состава вошедших в него документов не может быть поставлено в вину составителю.

Думается, что Мартов, Церетели, Дан и многие другие лидеры меньшевизма были не книжными догматиками, а реально действующими политиками.

Что касается политической драмы меньшевиков, то, как нам представляется, она имела более многоплановые и сложные обоснования. Одним из них была несовместимость всего происходящего в России во время революций с их пониманием гуманности и нравственных принципов цивилизованного общества, каким они видели будущий социалистический строй. Мартов в письме Н.Кристи от 30 декабря 1917 г. объяснял, почему он не может воспринять то, что произошло в России. “Дело не только в глубокой уверенности, — писал он, — что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране — бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей помириться с тем аракчеевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, тем самым фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве. Получается такой букет, что трудно вынести...”⁴⁸

В сборник документов о российских меньшевиках в 1918 г. вошли и документы из ЦА ФСБ РФ. Это

дало возможность опубликовать ряд интересных источников. В сборнике приводятся документы, говорящие об отношении меньшевиков к Учредительному собранию и его разгону, заключению сепаратного Брестского мира с Германией (3 марта 1918 г.), их попытке возглавить рабочую оппозицию властям, выработке меньшевистской тактики по отношению к Советам в связи с июньским запретом меньшевикам участвовать в их работе и т. д. Авторы вводного документально-исторического очерка (А.Ненароков, Д.Павлов, У.Розенберг) подробно рассказали о позиции различных групп меньшевиков (правых и левых) по этим и другим злободневным тогда вопросам, хотя некоторые из них (участие поволжских меньшевиков в работе самарского Комуча и различных сибирских областных правительствах) не нашли места на страницах сборника. К сожалению, авторы опять-таки избежали внутренней критики публикуемых источников, а ответственный составитель Д.Павлов не счел нужным сослаться на предыдущие публикации отдельных документов⁴⁹.

Сборники документов “Меньшевики в советской России” и “Меньшевистский процесс 1931 года” составлены в основном из документов, извлеченных из ЦА ФСБ РФ, и их объединяет раскрытие репрессивной политики большевистских властей против РСДРП и ее лидеров. Для первого сборника характерна публикация циркулярных писем ВЧК-ОГПУ, направленных на борьбу с меньшевиками начиная с 1919 г., сообщений чекистов о выступлениях Мартова, различных материалов, касающихся трагических судеб Е.Л.Бройдо, К.И.Захаровой-Цедербаум, А.А.Плескова, Н.Н.Суханова, С.И.Цедербаума-Ежова, Ф.И.Череванина и других меньшевиков в СССР⁵⁰. Второй сборник составлен из материалов следственных дел к процессу над бывшими меньшевиками в 1931 г. А.Л.Литвин, автор вступительной

статьи к этому сборнику, назвал его “судебным процессом над несуществующей партией”. Вошедшие в сборник материалы позволяют представить методике фабрикации “обвинительных документов” против невинных людей (все они к 1990–1991 гг. были реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления), а также поведение подследственных в экстремальных ситуациях⁵¹.

В сборнике опубликовано письмо М.П.Якубовича Генеральному прокурору СССР 10 мая 1967 г. Якубович был осужден во время процесса 1931 г., остался жив и в письме вспоминал, как создавался следователями ОГПУ сценарий процесса. В извлечениях это письмо использовали в своих работах Р.А.Медведев и А.И.Солженицын. Но нужно было указать, что впервые полностью это письмо Якубовича было опубликовано в газете “Новое русское слово” 11 октября 1969 г. Можно было бы и подробнее проанализировать отношение Заграничной делегации РСДРП к процессу над их товарищами в СССР. Знакомство с выступлениями Дана, Абрамовича, Николаевского и других по этому вопросу свидетельствует, на наш взгляд, об их недостаточном понимании тех методов следствия (далеких от знакомых им дореволюционных), с которыми столкнулись “обвиняемые” на процессе. Иначе трудно объяснить решение Заграничной делегации РСДРП 30 сентября 1931 г. об исключении В.К.Икова, осужденного на процессе, “за недостойное поведение на суде и заведомо ложные и клеветнические показания о позиции партии и ее деятельности”. “За” были Дан, Абрамович, Шварц, Николаевский и др. Аронсон — “за”, но “против” публикации этого решения⁵². Опубликованные в сборнике протоколы допроса В.К.Икова⁵³ не дают оснований для столь категоричного вывода его товарищей, находившихся тогда в безопасном для их жизни, совсем другом мире.

Эти и другие сборники подобного типа постави-

ли перед исследователями много вопросов, в том числе о необходимости публикации заведомо фальсифицированных документов, методике работы с ними, нужности или ненужности комментирования последних и т. д. Археографическая подготовка к изданию такого рода документов необычайно сложна как из-за разбросанности материалов по разным архивохранилищам, так и из-за трудности знакомства с ними в полном объеме.

Сборники документов, изданные в 1990-е годы и посвященные меньшевикам, освещают разные стороны их деятельности. Среди них есть и документы, рассказывающие о расправах с ними в советское время. Все они, безусловно, являются основанием для документального изучения истории РСДРП.

Комментарии

¹ Протоколы 2-го очередного съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии. Женева, 1903; История КПСС. М., 1967. Т. 1. С. 497; Меньшевики. Документы и материалы. 1903–1917 гг. М., 1996. С. 43–49.

² Первая общерусская конференция партийных работников. Женева, 1905; Меньшевики. Документы и материалы. С. 107–129. Прочитав эти документы, вряд ли можно согласиться с той резко негативной оценкой, данной в советской историографии работе этой конференции, исходящей из конъюнктурно-политических высказываний Ленина о ней. См.: История КПСС. М., 1967. Т. 2. С. 60–61.

³ Государственная Дума. Созыв первый. Стенографические отчеты. СПб, 1906. Т. 2; Государственная Дума. Созыв второй. Стенографические отчеты. СПб, 1907. Т. 1–2; Государственная Дума. Созыв третий. Стенографические отчеты. СПб., 1908. Серия II. Ч. 1; Государственная Дума. Созыв четвертый. Стенографические отчеты. Пг., 1915. Т. 1; и др.

⁴ Меньшевики. Документы и материалы 1903–1917 гг. С. 484.

⁵ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959; Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959; Протоколы Пятого съезда РСДРП. М., 1963.

⁶ Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. 3-е издание. М., 1990. С. 64.

⁷ См.: Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 144–148. Ф.И. Дан писал 27 февраля 1910 г. К. Каутскому, что если бы большевики не руководствовались сектантским ду-

хом и под предлогом "борьбы с ликвидаторством" не травили всех действительно работающих социал-демократов, то единство между ними быстрее бы наступило. Тем более, продолжал он, раскололась и большевистская фракция, где определились приверженцы Богданова и Ленина. Он ратовал за объединение социал-демократии. // РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 132. Л. 8.

⁸ Доклад, представленный делегацией русских социал-демократов международному рабочему социалистическому конгрессу в Лондоне в 1896 г. Женева, 1896. См. также: Из доклада, представленного русскими социал-демократами международному рабочему социалистическому конгрессу в Лондоне в 1896 г. // Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958.

⁹ Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи по государственными преступлениям за 1895–1896 гг.; Доклад по делу о возникших в Петербурге в 1894 и 1895 гг. преступных кружках лиц, именующих себя "социал-демократами". Сборник материалов и статей. Ред. журнала "Исторический архив". Вып. 1. М., 1921. С. 93–178; С.-Петербургское охранное отделение в 1895–1901 гг. // Былое. 1921. № 16. С. 108–136.

¹⁰ Новый мир. 1989. № 2. С. 145.

¹¹ Протоколы второго съезда РСДРП. Л., 1924; Третий очередной съезд Российской социал-демократической рабочей партии. 1905 г. Полный текст протоколов. М., 1924; и др.

¹² Группа "Освобождение труда". М.–Л., 1924–1928. Сб. 1–6.

¹³ Мартов и богдановский эмпириомонизм (Неопубликованное письмо Л.Мартова) // Пролетарская революция. 1924. № 1. С. 201–202.

¹⁴ Партийное совещание РСДРП (27 декабря 1918 г. – 1 января 1919 г.). Резолюции. М., 1919;

Сборник резолюций и тезисов ЦК РСДРП и партийных совещаний. Харьков, 1920; и др.

¹⁵ Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг., 1918; Стенографический отчет IV чрезвычайного Всероссийского съезда Советов. М., 1920; 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенографич. отчет. 5–9 декабря 1919 г. М., 1920; Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенографич. отчет. 22–29 декабря 1920 г. М., 1921; Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. Стенографич. отчет. М., 1920; и др.

¹⁶ Мартов и его близкие. С. 155–166. О выступлениях Мартова в 1918–1920 гг. см.: *Урилов И.Х.* Ю.О.Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 329–330 и др. Сосновский Л.С. (1886–1937) – большевик с 1904 г., в 1918 г. редактор газеты “Беднота”. Расстрелян в июле 1937 г. Реабилитирован в июне 1958 г.

¹⁷ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925. Т. 1–2. Плеханова Р.М. (1856–1949) – жена Г.В.Плеханова. Берлин П.А. (1877–1962) – историк социал-демократического движения в России. Войтинский В.С. (1885–1960) – социал-демократ, автор многих работ и воспоминаний, эмигрант с 1920 г.

¹⁸ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. 1901–1916. Берлин, 1924; Из архива П.Б.Аксельрода. 1881–1896. Берлин, 1924.

¹⁹ Социал-демократическое движение в России. М.–Л., 1928. Т. 1.

²⁰ См.: Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.–Л., 1928; Всероссийское Учредительное собрание. М.–Л., 1930; См. также: Запись (Лениным) доклада Л.Мартова о вооруженном восстании (конец июня 1905 г.) // Ленинский сборник. М., 1934. Т. 26.

²¹ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта — 9 марта 1931 г.). Стенограмма судебного процесса. Обвинительное заключение и приговор. М., 1931. См. также: Меньшевики-интервенты. М.-Л., 1931; и др.

²² Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. М., 1927–1933. Т. 5. Социал-демократы. 1880–1904 гг. Сост.: Э.А.Корольчук, Ш.М.Левин. Под ред. В.И.Невского. Вып. 1–2.

²³ *Потресов А.Н.* Посмертный сборник произведений. Париж, 1937.

²⁴ Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции. М., 1961. Ч. 2. Кн. 1. С. 34–36, 39–40; М., 1963. Ч. 3. С. 31–36; и др.

²⁵ Переписка В.И.Ленина и редакции газета “Искра” с социал-демократическими организациями в России. 1900–1903 гг. М., 1969. Т. 1. С. 45–48, 88; и др.; Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1903–1905 гг. М., 1974. Т. 1. С. 151; М., 1975. Т. 2.

²⁶ Подробнее об этом см.: *Павлов Д.Б.* Отечественные и зарубежные публикации документов российских партий // Исторический архив. 1997. № 4. С. 208–209.

²⁷ ИШН. Л.О.Дан. П.23. Л.Дан писала Н.Вольскому 28 мая 1959 г.: “Ведь Вы знаете — я, по странной случайности, со всеми разговариваю. Все остальные — каждый с кем-нибудь не разговаривает. Вот мне и пришлось, в каком-то смысле, “объединять общество”...” // Из архива Л.О.Дан. С. 154.

²⁸ ИШН. Л.Дан. П. 23.

²⁹ Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959.

³⁰ *Хеймсон Л.* Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия. XXI. 1995. № 3–4. С. 142–143, 152–153.

³¹ Н.В.Вольский писал Л.О.Дан 13 сентября

1953 г.: “Мы с Вами однолетки... я познакомился с марксизмом в 1897 г., мне думается, что Вы даже раньше. За границей в эмиграции, кроме Вас и меня, никого более нет из тех, кто начал вступать в революционное движение в 90-х годах, кто был в подполье, кто знает революционную среду, ее мысли, противоречия, чувства не по книжкам, а на “практике”... Не помню кто, но мне сказали, что Вы уже более года пишете Ваши мемуары. Я уверен, что это будет что-то, во много раз интереснее моей книги, потому что я ведь был только “капрал”, а Вы принадлежали к “генеральному слою” партии и с этого поста знали и видели куда больше, чем я. Искренно, от всей души желаю Вам эти мемуары закончить... Весь вопрос при этом в “тоне” писания: нужно не “оправдание”, не “апологетика”, а голая правда”. // ИШН. Л.О.Дан. П. 17.

³² Из архива Л.О.Дан. С.154. Б.И.Николаевский был автором некролога о Дан, в котором сообщал: “Личная жизнь ее последнее время была особенно тяжела. Она получила сведения, что в России едва ли не все ее близкие погибли: это рассказал сам Берия французскому дипломату, который от имени Леона Блюма просил Берия дать ему эту информацию. Особенно тяжелой для Л.О. была гибель ее старшей дочери. Младшая умерла еще в 1917 г. Погибли, расстреляны большевиками и все ее братья, а также племянники. Эти вести, если не сломили, то во всяком случае тяжело придавили Л.О. Всегда неутомимая и бодрая, последние годы она жила, как бесконечно уставший человек...” // Социалистический вестник. 1963. № 3–4. С. 59–60. Л.О.Дан умерла 28 марта 1963 г. в нью-йоркской больнице, куда ее перевезли друзья, нашедшие ее дней за десять до этого в ее квартире почти без сознания. //

Из архива Л.О.Дан. С. XXVII.

³³ Л.О.Дан писала В.Н. и Н.В.Вольским в мае 1962 г.: “Много времени уходит на разговоры —

раньше с Гетцлером (он очень хороший парень, из него будет толк, т. е. надеюсь, напишет неплохую биографию Мартова. Работала с англичанином Кипом (он теперь уехал в Лондон), говорит, многому от меня научился". // Из архива Л.О.Дан. С. 178. Д.Кип тогда собирал материалы для вскоре изданной книги "The Rise of Social Democracy in Russia". Oxford, 1963. О работе с Хеймсоном Дан писала 19 января 1961 г. Вольскому, не понявшему, что конкретно хочет получить от него профессор: "Отношусь к нему я очень хорошо и очень ценю его; я думаю, нам, меньшевикам, очень повезло, что судьба связала нас именно с ним, а не с любым иным американским профессором. Вышло это более или менее случайно. Но, увы, он очень бестолковый человек, совершенно... Поэтому он не дал Вам ясной картины о нашем проекте". // Из архива Л.О.Дан. С. 165. Л.Хеймсон стал руководителем проекта по истории меньшевизма не случайно. Еще в 1955 г. была опубликована его книга по истории российской социал-демократии: Haimson L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Harvard, 1955. Вольский, отвечая Дан 19 мая 1962 г., выразил сомнение в том, что Гетцлер, "действительно прелестный парень", сможет написать объективную биографию Мартова, так как влюбленность в героя может завершиться его апологетикой, а не раскрытием его "спотыканий" и "блужданий". // ИISH. Л.О.Дан. П. 17. Судя по тексту книги И.Гетцлера о Мартове, опасения Вольского не подтвердились.

³⁴ ИISH. Л.О.Дан. П. 23; Из архива Л.О.Дан. С. 165–166.

³⁵ The mensheviks. From the revolution of 1917 to the second world war. Ed. by L.Haimson. London, 1974; The making of three russian revolutionaries. Voices from the menshevik past. Ed. by L.H.Haimson. Cambridge, 1987; и др.

³⁶ “Вперед!”. 1873–1877. Материалы из архива В.Н.Смирнова. Dordrecht, 1970. Т. 1–2; П.Л.Лавров. Годы эмиграции. Архивные материалы в двух томах. Dordrecht, 1974; Ф.И.Дан. Письма (1899–1946). Amsterdam, 1985; Из архива Л.О.Дан. Amsterdam, 1987.

³⁷ Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива партии с.-р. Собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. Amsterdam, 1989.

³⁸ Там же. С. 320, 427–443, 602–606.

³⁹ Независимое рабочее движение в 1918 г. Документы и материалы. Ред.-сост. М.С.Бернштам. Париж, 1981; Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919. Народное сопротивление коммунизму в России. Документы и материалы. Ред.-сост. М.С.Бернштам. Париж, 1982.

⁴⁰ Ю.О.Мартов. Письма 1916–1922. Ред.-сост. Ю.Г.Фельштинский. Chalidze publications. Benson, 1990.

⁴¹ Dear comrades. Menshevik Reports on the Bolshevik Revolution and the Civil War. Edited and Translated by V.N.Brovkin. Hoover Institution Press. Stanford University. Stanford, California, 1991.

⁴² Меньшевики в 1917 году. М., 1994. Т. 1. От января до июльских событий; М., 1995. Т. 2. От июльских событий до корниловского мятежа; М., 1996. Т. 3. Ч. 1. От корниловского мятежа до конца декабря; М., 1997. Т. 3. Ч. 2. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября — конец декабря).

⁴³ Исторический архив. 1995. № 3. С. 219–222; Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 163–165. С.В.Тютюкин имел в виду публикацию: *Мартов Ю.* Из писем 1917 года. // Свободная мысль. 1991. № 16. С. 26–39.

⁴⁴ Под подлинностью источника обычно подра-

зумеается его принадлежность подписавшему его автору или учреждению, обозначенному в тексте. Степень достоверности определяется соответствием между явлением и его описанием в документе. Анализ источника может помочь вскрыть содержащуюся в нем “ненамеренную” информацию, вошедшую в источник независимо от воли автора; информацию “скрытую” от современников и т. д. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 189.

⁴⁵ Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX вв. М., 1995. С. 42–50.

⁴⁶ Меньшевики. Документы и материалы. 1903–1917 гг. М., 1996; Меньшевики в 1918 году. М., 1999.

⁴⁷ Меньшевики. Документы и материалы. 1903–1917 гг. С. 5–7, 24.

⁴⁸ Мартов и его близкие. С. 48.

⁴⁹ Достаточно сравнить отдельные документы за 1918 г., опубликованные в ранее вышедшем сборнике документов (Меньшевики в советской России. Казань, 1998), чтобы убедиться в этом. См.: с. 19–20, 22–23, 40–48 названного сборника и с. 93–95, 208–209, 649–663 сборника, вышедшего год спустя. Текст воззвания Мартова “Долой смертную казнь!” последний раз в России был опубликован в кн.: Урилов И.Х. Ю.О.Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 444–455. В сборнике документов о меньшевиках в 1918 г. это воззвание печатается по изданию “Социалистического вестника” (Берлин, 1923). Хотя разночтений в текстах нет, публикация Урилова не указана.

⁵⁰ Меньшевики в советской России. Сборник документов. Казань, 1998. С. 50–51, 61–62, 66–67, 90–92 и др.

⁵¹ Меньшевистский процесс 1931 года. Сборник документов в 2-х книгах. М., 1999.

⁵² НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 691. Fol. 1. Ser. 279.

⁵³ Меньшевистский процесс 1931 года. Кн. 1. С. 466–492.

Мемуары

Воспоминания относятся к источникам личного происхождения. По мнению П.А.Зайончковского, они ценны “фактической стороной описываемых событий”, а не их субъективной интерпретацией. А.Г.Тартаковский полагал, что мемуары — это “повествование о прошлом, основанное на личном опыте и собственной памяти мемуариста”. Он исходил из того, что именно в мемуарах наиболее полно реализуется “историческое самосознание личности”. Тартаковский считал, что мемуары могут быть фактором идейно-политической борьбы и иногда писаться с расчетом на будущего историка¹. М.Ф.Румянцева склонна выделять мемуары-автобиографии и мемуары — “современные истории” как два вида источников, отличающихся по своим первичным социальным функциям. Если первые преследуют чаще всего внутрифамильные цели и предназначаются потомкам, то вторые — ставят задачей индивидуальную фиксацию общественно значимых событий для передачи их в эволюционном целом².

Согласно этой классификации, воспоминания российских социал-демократов в своем абсолютном большинстве следует отнести к мемуарам — “современным историям”, которые широко используются историками. Их характеризует публицистичность, а многие из написанных в советское время — тенденция к оправданию, признанию “вины” за то, что их авторы не сразу стали большевиками. Специ-

фичной особенностью мемуаров является документальность, правдивость, подчеркивает В.В.Кабанов. Но этому мешает, по его мнению, слабеющая с годами память мемуариста, а также условия и время написания воспоминаний, их субъективность. Он считал, что воспоминания Дана, Церетели и других меньшевиков, изданные за рубежом, сохранили взгляд “классической социал-демократии” на происшедшее³. А.А.Корников, рассматривая источниковедческие аспекты изучения биографий деятелей меньшевистской партии, отводит их воспоминаниям роль важного источника, особенно для понимания формирования личности, эволюции ее взглядов и т. д.⁴

Мемуаристы опираются на свою память, дневники, свидетельства других очевидцев, знакомятся с документами и историческими сочинениями на интересующую их тему. Поэтому иногда требуется специальное исследование для того, чтобы выяснить, что, собственно, вспомнил мемуарист, а какие события описаны им на основании полученной позже информации. А.Г.Тартаковский в своей книге о русской мемуаристике XIX века цитировал интересное наблюдение историка И.В.Киреевского: “Прежде характер времени едва чувствительно переменялся с переменою поколений, наше время для одного поколения меняло характер свой уже несколько раз, и можно сказать, что те из моих читателей, которые видели полвека, видели несколько веков, пробежавших пред ними во всей полноте своего развития”⁵. Разумеется, быстрая смена событий способствует увеличению числа мемуаров, в которых фиксируется то, что уже прошло, но что должна сохранить память истории. Если Киреевский видел в истории России XIX века калейдоскоп событий, который спешили зафиксировать мемуаристы, то XX век стал для россиян еще более показателен в этом отношении. Ведь многие из них пережили три рево-

люции, четыре войны, пять государственных образований: монархию до февраля 1917 г., республику в 1917 г., РСФСР, СССР, Российскую Федерацию. В качестве государственного гимна они исполняли “Боже, царя храни...”, “Марсельезу” (1917), “Интернационал” (1918–1944), “Союз нерушимый...” (1944–1991), “песню без слов” на музыку М.Глинки (с 1993 г.). Они пережили несколько социально-политических режимов, волны эмиграции, большой террор. Естественно, все эти события нашли отражение в мемуарах, в том числе и российских социал-демократов.

Классифицировать воспоминания последних можно лишь весьма условно. Большинство из них написаны в 20-е годы. Их авторами тогда были те, кто оставался на социал-демократических позициях (Ю.О.Мартов, К.И.Захарова-Цедербаум, С.И.Цедербаум, В.О.Цедербаум, Е.Л.Бройдо, Н.Н.Суханов и др.) и те, кто перешел в РКП(б) (И.М.Майский, А.С.Мартынов, О.А.Ерманский и др.). Тогда же и позже издавались меньшевистские мемуары за рубежом (П.Б.Аксельрод, П.А.Гарви, А.Н.Потресов и др.). Значительное число мемуаров было собрано и опубликовано в конце 50-х — начале 60-х гг. в связи с осуществлением “меньшевистского проекта”. Можно лишь говорить о резком отличии в отношении к прошлому мемуаристов, оставшихся на меньшевистских позициях, и тех, кто отказался от них по разным причинам и стал приверженцем большевизма.

Л.Хеймсон, руководитель проекта, позже отмечал, что испытал большое разочарование, когда спрашивал у живших в конце 50-х гг. меньшевиков Г.Аронсона, Д.Далина, Л.Дан, Б.Двинова, Ю.Денике, Б.Николаевского, С.Шварца и других о событиях 1917 г. Они не помнили фактических деталей и даже собственной повседневной деятельности в ту пору. Хеймсон заметил, что события 1905 г. отложились в их памяти с большей основательностью. Он

объяснял эти провалы памяти тем, что в 1917 г. меньшевики потерпели поражение, "которое не вписывалось ни в один из установленных ими наборов ссылочных эталонов, а потому это был опыт, который не мог быть интегрирован памятью и запечатлен ею"⁶. Можно согласиться с Хеймсоном, что всегда неприятно вспоминать о плохом, тем более о поражении. Но, наверное, следует иметь в виду, что те, кого он интервьюировал, не играли большой роли в партийной и политической жизни меньшевиков в 1917 г.⁷

Хеймсон делился воспоминаниями о встречах с Л.Дан, Ю.Денике, Б.Николаевским, показывая индивидуальность каждого из них как мемуариста. Для Дан был характерен независимый характер суждений, Денике и Николаевский судили о прошлом как историки. Хотя, замечал Хеймсон, обилие информации, которой владел Николаевский, мешало реконструкции его собственного политического пути. "Его мысль начинала часто блуждать вкруг да около, отклоняясь от темы, захваченная бесконечным процессом ассоциаций, и за цикливалась на деталях жизнеописаний различных политических фигур, которые он упоминал во время наших интервью, а я слушал, очарованный, не желая и не будучи в силах прервать его..."⁸

Хеймсон связывает личность мемуариста, его происхождение, степень участия в революционном движении с характером самих воспоминаний. Л.Дан была старше Денике и Николаевского на 11 лет, она стала участницей социал-демократического движения в 90-е годы XIX в., а они только в 1905 г. Для Дан период основания "Искры" оставался "одним из наиболее важных и плодотворных в истории социал-демократии". Денике и Николаевский представляли следующее поколение социал-демократов, для которых память сосредотачивалась на иных фактах⁹. Эти замечания тоже следует иметь в виду при

анализе текстов воспоминаний, учитывая индивидуальность мемуариста, степень его осведомленности и время написания мемуаров.

1917 год занял главное место в воспоминаниях многих бывших меньшевиков, но отношение к происшедшему тогда, прежде всего к приходу большевиков к власти, было разным. Все зависело от многих обстоятельств: в эмиграции или в советской России находился мемуарист; был ли он в это время на советской службе; вышел из состава РСДРП и остался беспартийным или вступил в партию большевиков и т. д.? Достаточно обратиться к воспоминаниям Н.Н.Суханова и И.М.Майского, чтобы понять эту разницу.

Суханов (1882–1940) написал семь книг “Записок о революции” в 1918–1921 гг., основываясь на своей феноменальной памяти, сохранившейся периодике и темпераменте публициста. Они были изданы в Берлине в начале 1920-х и переизданы только в 1991–1992 гг.¹⁰ Рукописи “Записок”, по всей видимости, не сохранились. Их варианты и авторская правка отсутствуют. Достоверность приводимых в “Записках” отдельных фактов вызывает сомнения. Многие из этих неточностей объясняются А.А.Корниковым, готовившим мемуары Суханова к переизданию, некритичным отношением автора “Записок” к газетным публикациям и другим источникам¹¹. Суханов стал меньшевиком в мае 1917 г. по рекомендации Мартова, а 10 декабря 1920 г. заявил о выходе из партии в знак протеста против выступления Мартова в Галле с разоблачениями большевистского режима и призыва к воссозданию II Интернационала. Он работал в различных советских учреждениях вплоть до ареста в 1930 г.

В автобиографии, опубликованной в 1927 г., Суханов, довольный введением нэпа, заявил о своем согласии с политикой большевиков, а потому просил считать “ошибочным все писанное... до 1921 г.”.

Догадка его биографа Корникова о том, что если бы эти “Записки” Суханов готовил к изданию после 1921 г., то, скорее всего, в них была бы иная оценка приводимых фактов, осталась гипотетической¹². Ведь нового варианта “Записок” не издавалось, Суханов от них более не отказывался. Они до сих пор остаются, наверное, самыми цитируемыми из воспоминаний, написанных меньшевиками о 1917 году. Особенно часто ссылаются на его драматическое описание заседания II съезда Советов (25 октября 1917 г.) и ухода с него меньшевиков и эсеров и на финальный вывод Суханова: “Мы ушли, неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции”¹³.

И.М.Майский — меньшевик, избранный на Чрезвычайном съезде РСДРП (ноябрь–декабрь 1917 г.) членом ЦК партии. На съезде Майский говорил о меньшевиках как о единственной марксистской партии, хотя в отличие от большинства делегатов придерживался того мнения, что революция носит пролетарский характер, “вытекающий из глубоких социальных причин и неудачной политики Временного правительства в области борьбы за мир и проведения необходимых экономических мероприятий”¹⁴. Он вернулся из эмиграции в Россию в мае 1917 г. и вскоре стал в Министерстве труда Временного правительства начальником департамента по взаимоотношениям рабочих и работодателей. К приходу большевиков к власти Майский отнесся отрицательно. Более того, в августе 1918 г. он стал управляющим департамента труда Комитета членов Учредительного собрания в Самаре, который вел вооруженную борьбу с большевиками. На критику

своих коллег и исключение из состава ЦК РСДРП за сотрудничество с правыми эсерами в этой борьбе Майский ответил гневным письмом, в котором упрекал руководство партии в непоследовательности их политики по отношению к большевистскому режиму и призывал к решительной борьбе с ним. О себе же говорил просто: “Я считаю себя счастливым, что мне на долю выпала великая честь принять сильное участие в последней героически отчаянной попытке демократии спасти революцию”¹⁵. В 1919 г. Майский порвал с меньшевиками и в феврале 1921 г. вступил в РКП(б). Позднее он стал видным советским дипломатом и научным работником¹⁶.

О своем меньшевистском прошлом Майский старался не вспоминать. Исключением стала лишь его книга “Демократическая контрреволюция”, которая печаталась в 1922–1923 гг. в журнале “Красная новь” и тогда же вышла отдельным изданием¹⁷. В ней Майский каялся в своей прошлой борьбе с большевиками и объяснял это тем, что в 1917–1918 гг. был убежден в том, что “немедленный переход к социализму в России... объективно невозможен и что преждевременные попытки осуществления социализма не только не ускоряют, а, наоборот, в сильнейшей степени затормозят... движение к конечному идеалу”. Мартов назвал это произведение Майского “Воспоминаниями ренегата”, подчеркнув, что он уехал в конце июля 1918 г. в Самару вопреки мнению ЦК РСДРП, потому что меньшевики выступали против любой формы интервенции¹⁸.

Нежелание “ворошить” свое меньшевистское прошлое, вспоминать о негативном отношении к большевикам в 1917 г. характерно и для некоторых других мемуаров бывших меньшевиков, написанных в советское время. Среди них мемуары О.А.Ерманского, А.С.Мартынова и С.Г.Струмилина.

О.А.Ерманский — меньшевик, редактор ряда со-

циал-демократических изданий. В 1921 г. он вышел из партии впрямь до возвращения Мартова из Германии в Россию и “перехода ЦК к новой политике... которую предлагал он и, по его мнению, предложили бы Мартов и Дан”¹⁹. Позже Ерманский работал в советских учреждениях и преподавал политэкономии.

Его воспоминания “Из пережитого” были опубликованы в 1927 г., к 10-летию Октябрьской революции. Сразу же заметим, что 1917 год не занимал в его мемуарах центрального места, хотя на основании изданных ныне документов о деятельности меньшевистской партии в то время можно заключить, что он был более активен, чем это описано в его книге²⁰. В ней содержится рассказ о Февральской революции, его участии в работе III Циммервальдской социалистической конференции в Стокгольме (23 августа — 1 сентября 1917 г.) и ничего не говорится об Октябрьской революции, воспринятой Ерманским весьма негативно²¹. Он, как и многие его единомышленники в то время, понимал, что Россия в “марксистском смысле слова не созрела еще для социалистического переустройства”²².

В книге Ерманского немного фактов, но среди его рассуждений есть замечание о том, что в февральские дни 1917 г. меньшевики ничем себя не проявили, что движение рабочих и солдат Петрограда было более стихийным, нежели организованным. Он писал: “Что делали в это время другие партийные организации, я не знаю. Что касается нашей, слабой Инициативной рабочей группы, то она за эти дни не собиралась: она существовала как сумма единиц, но не как целое”²³. Это мнение не разделял Ю.П.Денике — меньшевик и историк РСДРП, когда писал, что “роль меньшевизма в Февральской революции была очень велика. В некоторые моменты она была решающей...”²⁴. В.И.Миллер нашел ситуацию той поры парадоксальной и объяснил руко-

водящую роль меньшевиков в Петроградском совете присутствием тогда в столице таких лидеров этой партии, как Н.С.Чхеидзе и М.И.Скобелев²⁵. Думается, все это имело место. Но одно дело — организация уличных манифестаций, другое — участие в разделе властных функций²⁶. Поэтому вопрос о роли меньшевиков в февральские дни 1917 г. требует дальнейшего изучения.

Воспоминания Ерманского поражают осторожностью суждений, чувством вины за меньшевистское прошлое, стремлением принизить свою роль в жизни РСДРП и любой ценой сблизить себя с большевиками. Именно на это обратил внимание один из первых рецензентов мемуаров Ерманского Б.И.Николаевский. Он считал, что воспоминания Ерманского весьма субъективны и тенденциозны, а потому использовать их в качестве исторического источника следует критически. Николаевский отмечал, что в свое время Ерманский сотрудничал в журнале “экономистов” “Рабочее дело”. “Документы, — писал Николаевский, — не оставляют никакого места для сомнений, что в основном в тогдашних спорах Ерманский стоял вполне определенно на стороне “Рабочего дела” против “Искры”, — обстоятельство, которое он теперь старательно затушевывает, и что, следовательно, общую картину этой эпохи рассказ Ерманского дает преднамеренно неверную. Я думаю, что о преднамеренности можно говорить вполне уверенно, ибо в его рассказе отклонений от фактов не только очень много, но и все они отклоняются-то слишком определенно в одну сторону, чтобы их можно было объяснить простыми дефектами памяти”. Николаевский указывал на стремление Ерманского “затушевать особенности позиции автора в прошлом в интересах того их толкования, которое определяется позицией автора в настоящем”. В этом и была, по его мнению, причина, по которой воспоминания Ерманского не

могут быть достоверным историческим источником²⁷.

С этой оценкой нельзя не согласиться. Автор предисловия к советскому изданию воспоминаний Ерманского П.Н. Лепешинский — большевик, в 1927 г. директор Исторического музея в Москве — видел политическую целесообразность их публикации в разочаровании видного меньшевика своей прошлой деятельностью, в том, что правы оказались большевики, а не их оппоненты²⁸.

Тенденциозностью отличались и издававшиеся в 20-х — начале 30-х гг. воспоминания А.С. Мартынова (Пиккера). Он начал участвовать в российском революционном движении как народоволец, затем стал социал-демократом, был делегатом II съезда РСДРП, меньшевиком и членом ЦК этой партии, редактировал многие газеты и журналы, написал большое число статей и брошюр. Приход большевиков к власти Мартынов воспринял отрицательно, но в 1923 г. заявил о своем разрыве с меньшевизмом и тогда же на XII съезде РКП(б) был принят в партию большевиков²⁹. Мартынов работал в Институте К.Маркса и Ф.Энгельса, Коминтерне, читал лекции в Коммунистической академии. 9 июля 1923 г. Мартынов выступил на Кутаисской конференции бывших меньшевиков с докладом “О меньшевизме и большевизме”, в котором сообщил, что меньшевики всегда шли “по ложному пути”, и, оправдывая свое недавнее прошлое, подчеркивал, что в начале первой мировой войны вместе с Мартовым стоял на интернационалистских позициях, боролся с социал-шовинистами. Он прикрывался авторитетом Мартова, заявляя, что вместе с ним вел борьбу с оппортунистами в меньшевистской партии. Мартынов призвал грузинских меньшевиков объявить о ликвидации партии³⁰. В 1924 г. он написал брошюру о Ленине, полную ластивых эпитетов по его адресу. Мартынов вспоминал о своих встречах с Лениным

в начале XX века и критически оценивал свои дискуссии с ним об организационном строительстве партии, всецело признавая правоту вождя большевиков³¹.

Мартынов был знаком с Мартовым намного больше, нежели с Лениным. Поэтому именно Мартынову, стремившемуся доказать лояльность властям и отблагодарить их за разрешение стать большевиком, издательство “Красная новь” поручает написать предисловие к новому изданию “Записок социал-демократа” Мартова. Политическая ангажированность этого поручения была ясна: Мартынов длительное время работал вместе с Мартовым, и все написанное им будет воспринято читателем с доверием; у него же будет случай еще раз покаяться в своем меньшевистском прошлом и в год смерти Ленина (введение подписано 30 января 1924 г.) показать, что у РСДРП был только один пролетарский вождь и всякая критика по его адресу порочна и беспочвенна. Мартынов писал в предисловии к воспоминаниям Мартова: “Когда Мартов жил, он тем более вреда мог принести делу пролетариата, чем больше у него было заслуг в прошлом. Это в полной мере объясняло и оправдывало ожесточенную борьбу коммунистов с ним”. По мнению Мартынова, Мартов написал “честную, искреннюю и объективную” книгу, но вот Ленина “все же не сумел изобразить... в настоящем историческом свете”. Мартынов пытался оспорить критические характеристики, данные Мартовым “непорочному” большевистскому вождю. Однако ему не удалось опровергнуть замечания Мартова о том, что у Ленина было “презрение к людям”, что из тактических соображений он мог по-разному использовать те или иные принципиальные теоретические положения. Мартынов заключал введение от издательства не аргументами, а общей декларацией: “Ошибка Мартова в оценке Ленина 90-х годов заключалась в непонима-

нии того, что Ленин при всем его огромном интересе к теории... был... прежде всего беспощадный практический борец, практический революционный вождь, призванный руководить пролетариатом в самую революционную эпоху истории”³².

В “Воспоминаниях революционера” Мартынов вновь возвращался к сюжету о встрече с Лениным в Женеве в 1901 г., о том, что Ленин справедливо критиковал его в работе “Что делать?”. Он не ответил ему тогда, и это дало основание Мартову обвинить его в “тайной любви” к вождю. Более интересны его впечатления от встреч с Плехановым, который был “собеседник столь же блестящий, как писатель”. Однако Мартынова, тогда меньшевика, смущало высокомерное отношение Плеханова к рядовым партийцам, якобинизм и проповедь принципа “Благо революции есть высший закон”³³.

В некрологе, посвященном Мартынову (1935), Дан писал, что переход к большевизму оказался для него “равносильным политической и идейной смерти”, а стремление “убить” своих прежних товарищей-меньшевиков шагнуло далеко за допустимые пределы. Это произошло потому, утверждал Дан, что Мартынов “сжег за собой все мосты” и не мог бунтовать против сталинской диктатуры³⁴. До того как Мартынов покинул меньшевиков, он был одним из критиков Ленина и большевизма. Естественно, что и Ленин относился к нему как к политическому оппоненту и, говоря о Мартынове, не выбирал выражений. В 1917 г. Мартынов был меньшевиком-интернационалистом, работавшим под руководством Мартова³⁵. 25 октября 1917 г., увидев установление “якобинской диктатуры Ленина”, Мартынов считал, что “нет более трагического и более рокового заблуждения, как заблуждения рабочих насчет смысла переворота 25 октября”. Он полагал тогда, что захват власти большевиками развивал максималистские тенденции, но это было не пролетарское,

а, скорее, санкюлотское движение. 29 мая 1918 г. в письме Аксельроду Мартынов отмечал, что большевики “в области политики... твердокаменны: с демократией никаких соглашений”, свободы печати нет и “революционные трибуналы” свирепствуют³⁶. Ленин в письме И.Ф.Арманд 28 февраля 1917 г. отозвался о статье Мартынова в “Известиях Заграничного секретариата Организационного комитета РСДРП” так: “Вот перл-то! Ей-ей, судьба нам этого дурака всегда присылает на помощь... Перл, прямо перл. Я предвкушаю удовольствие “кушать” этого болвана”³⁷.

В 20-е — начале 30-х гг. Мартынов оказался среди тех, кто в угоду политической конъюнктуре беспардонно “переписывал” прошлое. Свидетельством этого являются его воспоминания о времени II съезда РСДРП, в которых он резко критиковал Аксельрода, Мартова, Плеханова и всячески возвеличивал Ленина. Цель подобных инсинуаций была одна — показать, что в партии был один вождь, “непогрешимый” Ленин. Мартов и Аксельрод “шатались и колебались”, Плеханов был “застывшим марксистом”, и только Ленин жил не прошлым, а настоящим и будущим. “Каждый из членов редакции “Искры” (кроме Ленина), — писал Мартынов, — хромал на какую-нибудь ногу, а в общем все они оказались меньшевиками, вполне пригодными для того, чтобы быть под флагом марксизма проводниками влияния либеральной буржуазии на рабочий класс”. Теперь и он, следуя ленинской классификации политических партий, относил меньшевиков к мелкобуржузным, а не пролетарским партиям. Мартынов всячески открещивался от своих меньшевистских взглядов и признал правильной критику Лениным своих прежних работ³⁸.

К воспоминаниям бывших меньшевиков, стремившихся забыть свое “неблаговидное” прошлое, относится и книга С.Г.Струмилина — сначала мень-

шевика, а с 1923 г. — большевика, издавшего свои мемуары к 40-летию Октябрьской революции. “Я никогда, — писал он, — не считал себя меньшевиком, хотя и организационные и личные связи сближали меня тогда с меньшевиками гораздо теснее, чем с большевиками”. Но когда после Октября 1917 г. “я увидел и среди меньшевиков организаторов саботажа, не брезгавших даже какими-то темными источниками, чтобы финансировать эту предательскую, братоубийственную, беспринципную борьбу против своего класса, я окончательно убедился, что мне с ними не по пути”³⁹. Струмилин, ставший ко времени написания мемуаров крупным советским экономистом и академиком, явно недоговаривал о своей активной работе в РСДРП, о том, что был делегатом на IV и V съездах партии и встретил приход большевиков к власти отнюдь не восторженно⁴⁰.

Иначе выглядят воспоминания, написанные и изданные в советской России в 20-е годы меньшевиками, отказавшимися от сотрудничества с большевистским режимом. Прежде всего это воспоминания Мартова и членов его семьи. В 1918 г. Мартов издал “Историю российской социал-демократии”, а в декабре 1919 г. завершил первую часть “Записок социал-демократа”. Ерманский в воспоминаниях отмечал, что в 1918–1919 гг. меньшевики “как политическая группа все больше теряли почву под ногами”. “Какое-то ощущение никчемности гнало меня в сторону научно-литературной работы... Я этими мыслями... поделился с Мартовым и, оказалось, попал в тон его настроения. И он в это бурное время писал свои воспоминания. И его тяготило ощущение политической никчемности”⁴¹. По мнению П.Ю.Савельева и С.В.Тютюкина, Мартов в 1919 г. занялся мемуарами в связи с сокращением масштабов активной политической деятельности⁴².

Судя по многочисленным выступлениям Мартова в различных аудиториях и печати той поры, ра-

боте над программными документами партии, Мартов не помышлял ни тогда, ни позже о своей “никчемности”. Это придумал Ерманский в своих весьма тенденциозных и написанных для властей мемуарах. Что же касается сокращения масштабов политической деятельности Мартова в то время, то сложившиеся обстоятельства действительно способствовали этому. В письме Аксельроду 23 января 1920 г. Мартов писал о сложном положении меньшевиков в большевистском государстве. В марте 1919 г. была закрыта газета “Всегда вперед”, партия функционировала в полулегальных условиях, когда вести пропаганду при наличии массы доносчиков стало необычайно сложно. “Мы имели сочувственную аудиторию, — писал Мартов, — но она всегда оказывалась гораздо правее нас. По здоровому инстинкту все, задавленное большевизмом, охотно поддерживало нас, как самых смелых борцов против него. Но усваивало из нашей проповеди только то, что ему было нужно — только обличительную критику большевизма. Пока мы его клеймили, нам аплодировали; как только мы переходили к тому, что другой режим нужен именно для успешной борьбы с Деникиным и т. п., именно для действительного устранения спекуляции и для облегчения победы международного пролетариата над реакцией, наша аудитория становилась холодной, а то и враждебной”⁴³. И все-таки причиной обращения Мартова к написанию мемуаров стало другое. В то время он мучительно думал о прошлом, искал корни своих расхождений с Лениным, причины того, что случилось в России. В этом смысле мемуары также стали частью его политической деятельности. Ведь в них часты сравнения взглядов и поведения большевистского вождя до и после его прихода к власти. Поэтому они — не только прошлое. Это взгляд Мартова на прошлое из 1919 года.

Начиная свои “Записки”, Мартов признавал их

неизбежную субъективность. Он писал в предисловии: “Человек, ведущий политическую борьбу, сталкивается с другими людьми обычно в специфической обстановке, исключающей или затрудняющей, во всяком случае, возможность равномерно-глубокого проникновения во все стороны наблюдаемых характеров: борьба владеет самим наблюдателем и заставляет его в объекте наблюдения видеть и чувствовать прежде всего друга или врага, единомышленника или противника. Позже опыт жизни вносит свой общий корректив в составленные в пылу борьбы суждения о людях, заставляя сомневаться в их непогрешимости. Я буду поэтому в своих характеристиках встречавшихся мною в жизни людей довольно скуп на тот психологический анализ, которому с такой охотой предаются иные мемуаристы, верящие в свою способность угадать душевный механизм человека, которого от них отделяла густая психическая прослойка взаимной политической вражды. Поскольку я буду отклоняться от этой общей линии, — что порою неминуемо, — и вместе с характеристикой общественного деятеля набрасывать облик человека, прошу читателя вспомнить, что я излагал лишь свое впечатление от него, — впечатление, неизбежно прошедшее через призму политических симпатий или антипатий, а потому весьма и весьма условно могущее претендовать на объективность”⁴⁴.

Вторая, незаконченная часть “Записок” Мартова опубликована лишь частично⁴⁵. В ней, как и в первой, опубликованной, Мартов сравнивал Ленина начала 1900-х годов с тем, каким он его узнал позже, и признавал: “Моя многолетняя совместная работа с Лениным не дала мне, однако, такого проникновения во все извилины его психологии, чтобы я мог ответить себе на любопытный вопрос: играла ли у него... какую-нибудь роль склонность поиграть с огнем, пройти по самому краю оврага, балансируя

так, чтобы не свалиться, словом, говорил ли в нем инстинкт охотника, спортсмена, заставляющий его часто предпочитать извилистые пути прямым... Не берусь утверждать определенно на этот вопрос, отмечу лишь, что в свое пребывание в Сибири Ленин страстно предавался занятию охотой и что в дальнейшей своей политической деятельности к "игре с огнем" он несомненно проявлял большое пристрастие"⁴⁶.

Историки давно обратили внимание на различия в изданиях "Записок" Мартова. Так, в издании "Записок" 1922 г. говорилось о встрече во дворе Красноярской тюрьмы Ленина и Н.Е.Федосеева в 1897 г. и о том, что Ленин "когда-то хорошо знал" Федосеева в Казани. В издании 1924 г. об этом говорилось менее определенно: Федосееву "очень хотелось повидаться" с Лениным", "которого он когда-то встречал в Поволжье". Из воспоминаний Ленина о Федосееве известно, что Ленин о нем многое знал, но неясно, встречались ли они"⁴⁷.

К работе над вторым томом своих "Записок" Мартов приступал дважды: в 1919–1920 гг. в Москве, сразу же после окончания первого тома, и незадолго перед смертью, зимой 1922–1923 гг., за границей, когда у него под рукой не оказалось многих материалов, оставшихся в Москве. Сравнивая варианты воспоминаний Мартова, Николаевский отмечал, что первый — более полный и точный, второй — более обработан литературно. Он объяснял это тем, что в Москве Мартов "глубже вошел в свою работу над воспоминаниями и к тому же имел возможность для освежения памяти пользоваться такими источниками, которых за границей в его распоряжении не было; кроме того, вторую редакцию он, по-видимому, и сознательно хотел сократить, считая свой рассказ чересчур растягивающимся"⁴⁸.

Мартов в предисловии к "Запискам" предупреждал, что писал их по памяти, лишенный многих ма-

териалов, поэтому возможны неточности. Видимо, их немного, учитывая многочисленные ссылки в исторических работах на его воспоминания. Мартову, по данным А.М.Бургиной, принадлежит более 500 работ. “Записки” остаются самыми цитируемыми из них⁴⁹.

21 мая 1923 г. политбюро ЦК РКП(б), откликнувшись на смерть Мартова, приняло решение: “Признать желательным издать книгу о Мартове с его статьями”⁵⁰. В.И.Невский в некрологе, посвященном Мартову, писал, что «быть может, лучшим его произведением является один томик его воспоминаний “Записок социал-демократа”». Это воспоминания “большого человека, уходящего со сцены с полным сознанием, что... он уже вписал свою страницу в историю”⁵¹. В 1924 г. вышли “Записки” Мартова, а вскоре даже его дореволюционные работы оказались в спецхранах. Лишь в 1990 г. были опубликованы небольшой отрывок из “Записок социал-демократа” Мартова и его выступления на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г.⁵²

Вскоре после смерти Мартова в Берлине был открыт социал-демократический клуб его имени. Заграничная делегация РСДРП поручила Дану написать краткую биографию, а редакции “Социалистического вестника” — издать статьи Мартова и немедленно переиздать его брошюры: “Долой смертную казнь!”, “Мировой большевизм” и “Речь, произнесенную в Галле на съезде Независимой социалистической партии Германии”. Тогда же Заграничная делегация РСДРП просила всех владельцев писем или рукописей Мартова прислать в ее адрес эти материалы, а также воспоминания о нем. Члены Заграничной делегации оговаривались: “Издание полного собрания сочинений Мартова и написание монументальной биографии его с использованием всей сохранившейся переписки, воспоминаний и пр. есть дело необходимое, но требующее значительно-

го времени”⁵³. Результат был неутешительным: за рубежом так и не вышло полного собрания сочинений Мартова, хотя попытки что-то сделать в этом направлении неоднократно предпринимались Л.О.Дан и Б.И.Николаевским.

10 апреля 1923 г. Николаевский писал Потресову: “Сейчас вернулся с похорон Юлия Осиповича. Было очень тяжело. Было много речей, много венков... Необычна была эта процедура панихиды в крематории, с органом, с частью пола, опускающегося под гробом. Знаете, это хуже нашего старого кладбища, со свежевырытой землей, с белыми полотенцами, на которых спускают гроб в могилу... Как-то “механизирует” крематорий похороны, но не ослабляет боли... Вас, наверное, удивляют эти строки, — и то, что я вдруг взялся писать Вам, и то, что я так пишу... Главная же у меня цель показать Вам эту неделю, после смерти Ю.О., многие вертятся вокруг противоречий о том, что делать, чтобы память о нем держалась прочнее, чтобы новые, идущие на смену читатели знали, чем он был для русской революции. В связи с этим идут разговоры об издании сборников его статей, быть может собрания сочинений. Но мне, в первую очередь, кажется необходимым, чтобы те, кто ближе знал Ю.О., написали о нем свои воспоминания. И в первую очередь я жду этого от Вас. Есть периоды, о которых уже никто, кроме Вас, рассказать не сможет. И в первую очередь это относится к периоду “старой” и “новой” “Искры”. Особенно “старой”. О “новой” еще есть люди, из центральных же фигур “старой” живы П.Б.Аксельрод, Ленин и Вы. Но Ленин уже не напишет воспоминаний; едва ли сможет написать их, довести до 1900–1902 гг. и П.Б., у которого к тому же и сильно ослабла память, в чем я убедился из разговоров, да к тому же, живя в Цюрихе, он не так хорошо знал жизнь редакции. Остаетесь Вы... До сих пор была надежда, что об этом периоде расска-

жет Ю.О. — теперь этой надежды нет. Второй том им только начат, не доведен даже до выезда за границу. Все дальнейшее: отношения с группой “Освобождение труда”, со Струве, выработка программы, конфликт Ленина с Плехановым в связи со статьей Ленина об аграрной программе, им не освещался совершенно”. Николаевский просил Потресова ответить на вопрос о сущности разногласий Плеханова и Ленина, позиции Мартова в них⁵⁴. Не получив ответа от Потресова, 23 апреля 1923 г. Николаевский в письме к нему повторяет свою просьбу написать воспоминания. “Ведь Вы и сами превосходно знаете, — отмечал он, — как много Вы можете рассказать такого, о чем никто уже рассказать не сможет, — и притом не мелкого, случайного, а существенного для истории социал-демократического движения”. Николаевский сетовал на то, что Истпарт издает воспоминания “рядовых и унтер-офицеров движения”, но нужны мемуары об основных, центральных событиях. “Писал о них Ю.О., но сейчас прочел я оставшиеся страницы его второго тома. Мало их! Только путь из ссылки и Псковское совещание 1900 г., да и то оборванное на разговорах...”⁵⁵

Потресов тогда жил в Москве, и только в феврале 1925 г. ему разрешили покинуть Россию “по болезни”. 30 июня 1923 г. он ответил Николаевскому, что готов передать ему часть переписки с Мартовым, “которая весьма обширна”. Потресов сообщал, что часть переписки была отобрана у него жандармами во время ареста в 1912 г., но за период “Искры” кое-что сохранилось. И заключал: “Осенью я приложу все усилия извлечь для Вас, что можно, из переписки Ю.О., которую я, впрочем, и сам хочу использовать для своих мемуаров. За мемуары я думаю серьезно приняться, как за некоторую обязанность, а то и в самом деле помрешь и унесешь в могилу что знал и чего не знают другие”⁵⁶. В тот же день Потресов писал Аксельроду о том, что смерть

Мартова произвела на него потрясающее впечатление. “Не могу до сих пор примириться с мыслью, что его нет, и мысль все обращается к тому далекому прошлому, когда я его знал еще 18-летним безбродым юношей. А теперь только в моей памяти вечно юного Ю.О. уже не существует!”⁵⁷

Николаевский в письмах Потресову сетовал на то, что Мартов не успел в воспоминаниях ответить на многие вопросы интересовавшей его тогда истории российской социал-демократии начала XX века. В статье “Из эпохи “Искры” и “Зари” (по неизвестным материалам)” Николаевский отмечал, что писал ее на основе материалов, сохранившихся в архивах Аксельрода, Мартова и Потресова. В статье он широко использовал и материалы из воспоминаний Мартова⁵⁸.

Вторая часть недописанных воспоминаний Мартова, хранящаяся в РГАСПИ (Ф. 362. Оп. 1. Д. 23), представляет собой только 29 машинописных страниц текста и дополнительные вставки к нему. В них рассказ о возвращении Мартова из ссылки в 1900 г., встречах в Красноярске, Нижнеудинске, Омске, Уфе, Самаре и других городах с живущими там в ссылке социал-демократами, их настроениях и дискуссиях с “экономистами”. Интересны его наблюдения о том, как Ленин, Потресов и он искали союзников для развития социал-демократического движения в стране среди представителей группы “Освобождение труда”, “легальных марксистов” и сторонников “Рабочего дела”. Мартов не без удивления увидел, что все они готовы видеть в их группе (Ленин, Мартов, Потресов) “естественную руководительницу с.-д. партии и что они склонны поддерживать ... начинания, направленные к организации широкой борьбы против самодержавия”⁵⁹. По мнению Мартова, Ленин и Потресов были убеждены, что союз с “легальными марксистами” будет временным, т. к. Струве и его коллеги постепенно пе-

рейдут к либералам. Поэтому Ленин “мыслил себе это соглашение “с камнем за пазухой”... тогда как Потресов считался с тем, что соглашение морально обязывает обе стороны, и полагал, что на нашу оно наложит обязательство гибкой тактики, способной закрепить первоначальный успех”. Мартов видел положительный момент в союзе со Струве, Туган-Барановским и другими в том, что они могли помочь с финансированием будущих изданий: газеты “Искра” и журнала “Заря”⁶⁰.

Мартов описал в подробностях совещание в Пскове на квартире Л.Н.Радченко с Туган-Барановским и Струве, на котором было решено эти издания осуществить.

Заслуживают внимания замечания Мартова, высказанные им в многочисленных вставках-дополнениях к тексту воспоминаний. Одно из них относится к утверждению о том, что “будущие корифеи террора первых лет XX столетия” (Б.Савинков, И.Каляев и др.) начинали как социал-демократы, но под влиянием критики марксизма перешли в “партию действия”, став боевыми кадрами партии эсеров. Или замечание о том, что на первых порах перед социал-демократией ставилась задача “создать на новых основаниях партию, способную быть исторической преемницей партии “Народной воли”.

Воспоминания Мартова, особенно о его семье и близких, существенно дополняют мемуары его сестры, Л.О.Дан. Сведения из его воспоминаний широко использовались во многих работах участников революционного движения в России (Б.И.Николаевский и др.), они не вызвали возражений у его современников (Аксельрод, Потресов и др.), что делает их, безусловно, сравнительно достоверным историческим источником.

Воспоминания Л.О.Дан публиковались в разные годы. Впервые она выступила с ними в сборнике, посвященном ее 80-летию, где рассказала о родите-

лях, братьях и сестрах и особенно о детстве и юности будущего Мартова. В многодетной семье Цедербаумов (8 детей) были свои детские игры. В ее памяти осталась игра в город “Приличенск”, где они сами решали свои проблемы, оценивая их с нравственной точки зрения. Главным “судьей” при этом был юный Юлий Цедербаум. Она подчеркивала, что родители не препятствовали детям заниматься революционной деятельностью, хотя самым важным полагали сделать их образованными людьми⁶¹.

В сборник “Из архива Л.О.Дан” его составитель Б.М.Сапир включил и ее ранее изданные воспоминания о создании редакции “Искры”, об Александровской пересыльной тюрьме, где она побывала в 1904 г., а также характеристики Мартова, В.Н.Фигнер, очерк о том, как был разоблачен провокатор Малиновский, и другие. Л.О.Дан писала о том, что знала, это были ее честные и частные воспоминания о событиях и людях, оставшихся в ее памяти. Конечно, какие-то даты в ее воспоминаниях не стыкуются, нарушена хронология событий, и об этом говорится в примечаниях к публикации. Но главное в них — это живое ощущение эпохи, вера революционеров романтической поры в возможность при помощи марксистской теории и рабочего движения преобразовать мир. Так она описывает обстановку в Мюнхене, когда готовились очередные номера “Искры”. Мартов тогда работал в тесном контакте с Лениным, Потресовым и Засулич. “Отношения со всеми этими людьми были очень различны, как различны были они сами, но я думаю, — писала Л.О.Дан, — редко можно было встретить такое сочетание интеллекта, напряженной воли, целеустремленности и беззаветной преданности своему делу, которые царили в этом маленьком кружке; все это вместе взятое, да, может быть, молодость почти всех участников этого кружка, как и нарастание революционных настроений вовне, давало необычно-

венно высокий тон всей их жизни”⁶². Хотя, по ее мнению, эта идиллия в отношениях продолжалась недолго, и по мере появления ленинских идей о создании централизованной партии и его споров с Плехановым усилились разногласия, которые привели к разрыву в 1903 г.

Воспоминания Л.О.Дан интересны рассказом о быте революционеров, их личной жизни. К ним относятся и ее суждения о Мартове, его отношениях с товарищами и т. д. В 1917 г. Мартов жил с семьей Дан. Лидия Осиповна вспоминала, как «в эти бурные летние месяцы... все члены семьи поздно возвращались домой из Совета, из правительственного окружения, из рабочего района и начинали обмениваться мнениями и впечатлениями за день, они вставали из-за позднего чайного стола, подчас чуть ли не на рассвете, иногда с совсем иными настроениями, чем они приходили домой. Реже говорил Мартов — на заявление Дана, что нет иной возможности поступить при тех или иных обстоятельствах, — ответил: “Ну, значит и не надо было идти на положение, из которого нет приличного выхода!”»

Заслуживают внимания замечания Л.О.Дан о пребывании Мартова в Москве в 1919–1920 гг., когда он жил с семьей младшей сестры Маргариты в небольшом холодном доме в Мыльниковом переулке. Тогда вечерами собирались сестры и братья Мартова и “в потемках, при свете маленькой “коптилки”, лежа на диванах, за невозможностью читать, предавались воспоминаниям. Кто-нибудь начинал, — а помнишь?.. и всегда оказывалось, что все помнил Юлий Осипович, который целые вечера вспоминал и рассказывал... различные эпизоды... детства и своей революционной деятельности. Именно в те темные, холодные часы родились его “Воспоминания” (“Записки социал-демократа”), закончить которые, и то только первый том, он смог уже в Берлине, в последние месяцы своей жизни”⁶³.

В мае-июле 1960 г. Л.Хеймсон интервьюировал Л.О.Дан. Он спрашивал ее прежде всего о семье Цедербаум, участии ее членов в революционной деятельности начиная с 90-х гг. XIX века. В Гугеровском историческом архиве хранятся машинописные копии этих интервью, значительная часть из них позже была опубликована⁶⁴. Отвечая на конкретно задаваемые вопросы, Л.О.Дан существенно дополнила свои опубликованные воспоминания. Так, она сказала, что участие юных Цедербаумов в революционном движении началось под воздействием Ю.О.Мартова, который в детстве читал им Гёргена и подробно рассказывал о революциях во Франции и политических процессах в России. Поступление брата на естественный факультет Петербургского университета она объясняла независимостью естественных наук от правящего режима, вспоминала, что из писателей на него более других повлияли Л.Н.Толстой, А.С.Грибоедов, М.Е.Салтыков-Щедрин и В.Гюго. Длительное время властителем дум Юлия был Н.Г.Чернышевский.

Л.О.Дан подробно говорила о характере брата, который умел различать, что важно, а что не очень. И в первом случае очень последовательно осуществлял свои намерения. Разумеется, интересны ее впечатления о людях, работавших вместе с Мартовым. Потресов остался для нее не ярким, но очень образованным человеком, Плеханов — “настоящим отцом русской социал-демократии”. По ее мнению, Плеханов и Ленин были разными людьми: “Ленин не хотел ничего для себя. Плеханов же хотел очень много”. А.А.Якубова, отдавшая в Петербурге в 90-х гг. предпочтение К.М.Тахтареву, а не ухаживавшему за ней Ленину, осталась в ее памяти энергичным и очень привлекательным человеком. Она весьма положительно вспоминала Любовь Николаевну Радченко, благодаря которой Аксельрод познакомился с первыми работами Мартова⁶⁵. Л.О.Дан воспомина-

ла о том, что многие известные революционеры, впоследствии оказавшиеся по разные стороны баррикад, начинали вместе и были хорошо знакомы друг с другом. Так, ее брат В.О.Цедербаум (Левицкий) был знаком с Ф.Э.Дзержинским и помогал в Швейцарии его больной жене, Юлии Лурье, а другой ее брат, С.О.Цедербаум (Ежов) в 1897 г. входил в Петербурге в организацию “Рабочее Знамя”, членами которой были и братья Александр и Борис Савинковы. Отметим ее разъяснения о 27 письмах Ленина Мартову, привезенных им из Туруханской ссылки. Эти письма хранились в петербургской квартире отца, а после его смерти многое оттуда взяла Надежда Осиповна, у которой из-за сына, Андрея Кранихфельда (1902–1941) — основателя московского Союза социал-демократической молодежи в 1920 г., — часто проводились обыски и изъятия переписки. Л.О.Дан считала, что эти и другие письма пропали.

В 20-е годы в Москве были изданы воспоминания братьев Мартова — Сергея и Владимира Цедербаум, жены Сергея — К.И.Захаровой-Цедербаум⁶⁶. Заметим, что мемуары меньшевиков хронологически ограничивались началом 900-х гг., т. е. временем, когда, по воспоминаниям М.И.Ульяновой, Ленин с большим уважением относился к Плеханову и “мало к кому... питал такую нежную симпатию, как к Мартову”⁶⁷. Однако это не помешало В.И.Невскому в предисловии к книге К.И.Захаровой-Цедербаум и С.И.Цедербаума представить их как агентов “Искры”, но предупредить, что они дают не большевистское восприятие истории. Но при чтении этих мемуаров как-то забывалось, что в этой книге шла речь о совместной революционной работе социал-демократов по созданию РСДРП, газеты “Искра”, ее транспортировке в Россию, преследованиях царских карателей безотносительно к тому, кем стали революционеры в будущем: меньшевиками или большевиками.

В те годы обязательным для советских изданий воспоминаний меньшевиков было напоминание читателям во введениях или послесловиях к их книгам и статьям о том, кто их написал и почему к ним следует относиться критически. Журнальной статье К.И.Захаровой-Цедербаум была предпослана критическая заметка А.М.Стопани, где он писал, что эти воспоминания о партийной и профсоюзной жизни в Баку в 1907–1909 гг. могут создать “неправильное представление о событиях прошлого и о роли в них наших исконных врагов — меньшевиков”. Но Стопани не подтверждал фактами, в чем, собственно, состояли эти “неправильные представления”. Н.Мещеряков в предисловии к первой части воспоминаний В.И.Цедербаума (Левицкого) ограничивался замечанием о том, что автор сосредоточил внимание на “бытовой стороне революционного движения”, а П.Лепешинский в предисловии ко второй части его воспоминаний отмечал приверженность автора к восхвалению “ликвидаторов” и “ревизионистов”. Это подчеркивал и А.Шестаков — автор рецензии на эту книгу⁶⁸.

Главное в этих книгах — не партийная принадлежность их авторов к меньшевизму, а честный рассказ о том, что они знали о событиях, участниками которых были. В их воспоминаниях присутствует множество людей, с которыми они вместе работали, их отношение к расколу РСДРП. К.И.Захарова-Цедербаум писала, что работа Ленина “Что делать?” не вызвала у нее никаких сомнений, а разногласия на II съезде РСДРП она нашла “несущественными” и “непринципиальными”: “Разногласия — это дело заграничников, всегда склонных раздувать чисто теоретические расхождения, не имеющие прямого отношения к практике, — так приблизительно говорила я себе вместе с многими товарищами”. С.И.Цедербаум в Ломжинской тюрьме, встретив большевика В.П.Ногина и поспорив с ним о пози-

ции большинства на съезде, тут же стал думать о совместном побеге из тюрьмы. В 1905 г. он был участником всероссийской меньшевистской конференции и не был удовлетворен ее решениями в силу их половинчатости, нежелания “отрезать пути к соглашению” с большевиками⁶⁹.

С.И.Цедербаум и его жена писали воспоминания в Минусинской ссылке, затем продолжали работать над ними, после того как им в 1928 г. разрешили переехать в Саратов. В коллекции Николаевского сохранилось несколько писем К.И.Захаровой-Цедербаум своей подруге Л.Я.Эстриной в Нью-Йорк, где говорилось об этих мемуарах. 5 мая 1927 г. она спрашивала, получили ли они их книгу и понравилась ли она им? Она была уверена, что “кропатель” Николаевский найдет в ней “уйму неточностей”. Просила, чтобы и он им написал. Сама она считала книгу удачной. 27 апреля 1928 г. Захарова-Цедербаум общалась Эстриной, что они пишут воспоминания. “Душа моя к ним как-то не лежит, и я скупа, но С.О. расписался вовсю. В связи с ними я просмотрела “Наш голос” — самарскую газету 1915–16 годов, и на меня пахнуло таким близким. Читая теперь статьи и корреспонденции, удивляешься, насколько должна была быть глуха и слепа власть предрежащих, чтобы не чувствовать себя на вулкане. Признаюсь, я не особенно большая любительница рыться в давно прошедшем, тем не менее иной раз делаю это с удовольствием — встает ряд забытых дел и лиц. История все перемалывает, и на поверхности остается так немного. Если мы, современники всего пережитого, обо многом уже основательно позабыли, то что же требовать от нового поколения?”⁷⁰ Опубликованные в 1929 г. в журнале “Каторга и ссылка” (№ 60) воспоминания К.И.Захаровой-Цедербаум были частью готовившейся книги “От революции к революции”. Однако воспоминания, над которыми столь усиленно в Саратове работал С.И.Цедербаум

(Ежов), так и не увидели свет, а их рукописи до сих пор не найдены и, видимо, утрачены безвозвратно.

В.И.Цедербаум (Левицкий) писал свои воспоминания в Суздальской тюрьме. Он завершил их в декабре 1924 г. и посвятил памяти своего умершего брата — Ю.О.Мартова. Его необычайно живые описания семейной реакции на аресты брата, первых представлений о марксизме и социал-демократии, участия в гимназическом кружке и студенческом движении важны для понимания того, как шли в революцию представители многонациональной российской интеллигенции.

Заметим, что в 1920-е годы публиковалось значительное число воспоминаний российских сторонников марксизма, позже не ставших большевиками, но пропагандировавших это учение. Среди них назовем мемуары членов группы “Освобождение труда” Л.Г.Дейча и В.И.Засулич. Воспоминания Дейча с его рассказами о переходе бывшего народника к марксизму, рабочем движении и деятельности группы “Освобождение труда” выдержали три издания⁷¹. Мемуары Засулич представляют собой автобиографические заметки о наиболее важных событиях ее жизни. К ним она относилась встречи с С.Г.Нечаевым, покушение на петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова (1878) за то, что по его приказу был наказан розгами арестованный земледелец Боголюбов (А.А.Емельянов), и др.⁷²

К воспоминаниям подобного рода следует отнести также мемуары М.И.Бруснева (1864–1937) о возникновении первых социал-демократических организаций, Б.И.Горева (Гольдмана) — активного члена Петербургского “Союза борьбы...” и многих других революционных деятелей той поры⁷³. Тогда же были переизданы воспоминания К.М.Тахтарева⁷⁴, деятельность которого в Петербургском “Союзе борьбы” официальная советская историография называла “оппортунистической” и относилась его к “эко-

номистам” как одного из редакторов газеты “Рабочая мысль”, издававшейся в 1897–1902 гг. Его воспоминания, наряду с мемуарами Мартова, были отнесены к меньшевистской, мелкобуржуазной литературе⁷⁵.

Последнее издание воспоминаний Тахтарева, ставшего профессором-медиком, давно отошедшим от всякой партийной работы, издатели назвали тенденциозной попыткой “замести следы” его прошлой приверженности к “экономизму” и приблизиться к Ленину. Но его воспоминания о встречах и разговорах с Лениным в конце XIX и самом начале XX столетия, несомненно, любопытны для понимания отношения вождя к окружавшим его тогда людям. Он передавал по памяти свой разговор с Лениным о Струве, которого в пылу полемики Ленин всячески третировал, называя ренегатом. Тахтарев вспоминал, что он заметил Ленину, что подобные обвинения могут привести к нежелательным последствиям. «“Какого рода?” — спросил меня Владимир Ильич. “А что вы скажете, — ответил я ему, — если кто-нибудь из рабочих, фанатически преданных делу, вдруг решится его убить?” “Его и надо убить”, — ответил мне Владимир Ильич в раздражении». Тахтарев отмечает, что, наверное, это было “образное выражение” Ленина, что он смотрел “на социал-демократическое движение как на свое собственное дело, которым он руководил. А Струве был лишь его кратковременным попутчиком”. Он вспоминал, как подыскивал в Лондоне помещение для работы II съезда РСДРП, как на съезде произошел раскол и как его последствия обсуждались на II съезде “Заграничной лиги русской революционной социал-демократии” (Женева. 13–18 октября 1903 г.), где большинство голосов принадлежало меньшевикам. На заседании Лиги Дейч выступил против позиции Плеханова, поддержавшего на съезде партии Ленина, а Мартов — против Ленина.

Мартов тогда хотел рассорить Ленина с Плехановым и закончил свое выступление словами: «А помнит ли товарищ Ленин, что он мне сказал по поводу своего плана редакции центрального органа из трех лиц (Владимира Ильича, Г.В.Плеханова и Л.Мартова)? “Слушай, Юлий, — сказал он мне, — чего ты боишься редакции, состоящей из трех лиц? Неужели ты не понимаешь, что если мы пойдем с тобой заодно, то Плеханов всегда будет оставаться у нас в меньшинстве и ничего не сможет поделаться?”» Плеханов выслушал эти слова внешне спокойно. Но когда позже Тахтарев увидел Ленина, тот был «в страшно подавленном виде и встретил... словами: “Вы знаете, Плеханов нам изменил!” Удар, нанесенный Мартовым, попал прямо в цель». После этого началась борьба между Лениным и Плехановым за политическое руководство в партии. «Я стоял от нее в стороне», — сообщал о себе Тахтарев⁷⁶.

В 1923 г. в СССР отмечалось 25-летие I съезда РСДРП. Уже в то время в советской историко-партийной печати дебатировался вопрос о месте и роли этого съезда в истории партии: ведь большевизм как политическое течение в РСДРП возник только на II съезде в 1903 г. По словам В.И.Невского, I съезд был «первой попыткой создания партии», а II съезд «являлся настоящим учредительным съездом, началом партии в полном смысле этого слова»⁷⁷. В 1928 г. торжественно отмечались две даты в истории партии: 30 лет I съезда и 25 — II съезда с акцентом на большее значение последнего. С подобными утверждениями не согласился Б.Л.Эйдельман, бывший председатель I съезда, его историк и мемуарист, утверждавший, что РСДРП как партия существует с 1898 г., со времени I съезда, что слово «рабочая» в название партии было вставлено с согласия членов ЦК С.Радченко и А.Кремера автором «Манифеста РСДРП» П.Б.Струве⁷⁸.

В 1928 г. издательство Всесоюзного общества по-

литкаторжан и ссыльнопоселенцев опубликовало воспоминания Е.Л.Бройдо, социал-демократки с 1896 г., члена ЦК партии меньшевиков в 1917 г., жившей с 1920 г. в эмиграции и работавшей секретарем редакции журнала “Социалистический вестник”. Она неоднократно арестовывалась царскими властями, а в 1928 г. была арестована в Баку как нелегально приехавшая в СССР. 5 июля 1928 г. Бройдо писала Е.П.Пешковой, председателю Общества помощи политзаключенным, что год назад московское издательство получило для публикации ее воспоминания, а потому она хотела бы знать о судьбе рукописи и получении гонорара⁷⁹. Ее книга вышла под названием “В рядах РСДРП”, в предисловии к ней В.И.Невский отметил романтизм автора и то, что это “интереснейший, написанный кровью сердца и соком нервов человеческий документ”, который он рекомендует для чтения. При этом он просил не забывать о меньшевистской принадлежности автора и уже поэтому относится критически к тому, что она написала⁸⁰.

Среди тех, кому позволили в 20-е годы положительно высказаться о Мартове, были Л.И.Аксельрод и Л.И.Гольдман⁸¹. Их воспоминания ограничивались периодом “старой” “Искры” и вполне соответствовали формуле, пропагандируемой в то время Крупской: Мартов — хороший человек, но не вождь, его деятельность положительна, когда он был вместе с Лениным, и отрицательна, как только стала оппозиционной вождю большевизма. Наверное, исключением из этой формулы были воспоминания секретаря Циммервальдской социалистической конференции (5–8 сентября 1915 г.) А.И.Балабановой, в которых она отмечала активность Мартова на конференции, видела в нем теоретика, творческую натуру и интересного собеседника. Она указала, что Мартову принадлежал потом лозунг поддержки пролетариатом других стран Февраль-

ской революции в России, что он последовательно защищал интернационалистские идеи этой конференции. Балабанова сообщала о своем приезде в Петроград в мае 1917 г. вместе с Мартовым, которому был оказан “торжественный”, но “холодный, несколько натянутый прием”⁸².

В 20-е годы была предпринята попытка публикации в советской России мемуаров А.Н.Потресова. 22 ноября 1926 г. Потресов писал Николаевскому, что согласен сдать свои воспоминания для издания в журнале “Каторга и ссылка”. Через несколько дней Николаевский сообщил ему, что говорил с Ангарским и тот готов заключить с ним договор на публикацию его воспоминаний в двух томах по 15 печатных листов в каждом до начала первой мировой войны. 23 мая 1927 г. Потресов получил копию договора от Госиздата, согласно которому оба тома должны были быть сданы в конце 1927 г. В случае нарушения Потресовым указанных сроков он был обязан вернуть в Госиздат “полученные им авансом суммы в двойном размере”. 3 июня 1927 г. Николаевский сообщил в Госиздат, что Потресов начнет писать воспоминания только после подписания Госиздатом договора и получения аванса и что Потресов протестует против возвращения аванса в двойном размере, т. к. он часто болеет и “платить за болезнь штраф — это было бы в известном смысле для литературных нравов нововведением”. Потресову же Николаевский писал, что Госиздат не торопится с подписанием договора: “Вот если бы у Вас нашлось еще несколько писем Ленина 90-х гг., то дело было бы другое, — приехали бы специальные курьеры”⁸³.

Воспоминания, написанные Потресовым в 1927 г. и позже, были опубликованы в посмертном сборнике его сочинений, вышедшем в Париже в 1937 г., а затем отрывок из них, посвященный Ленину, в несколько отредактированном и сокращенном виде

переиздал журнал "Источник" в 1993 г.⁸⁴ Потресов подчеркивал в них нетерпимость Ленина к инакомыслию и его неспособность признать "рядом с его собственной организацией какую бы то ни было другую". Ленин, по его мнению, знал лишь две категории людей: своих и чужих. Потресов отмечал, что Плеханов и Мартов имели все основания возглавить партию. "И, пожалуй, Мартов еще больше, чем Плеханов. Ибо по направлению своих способностей, сосредоточенных на злободневных задачах политики, на нуждах движения, он был более доступен и близок людям, чем теоретичный Плеханов... Он был точно рожден стать средоточием партии, ее воистину излюбленным представителем". Однако "Плеханова — почитали, Мартова — любили, но только за Лениным беспрекословно шли как за единственным бесспорным вождем". Потресов вспоминал, что разошлись они в 1903 г. прежде всего по моральным мотивам: "...история превзошла все наши тогдашние опасения, превратив нашего аморального бывшего коллегу в рокового человека для России и ее рабочего класса"⁸⁵.

Наряду с переизданиями в 90-х годах ряда воспоминаний меньшевиков и прежде всего "Записок о революции" Н.Н.Суханова, были опубликованы и неизвестные ранее мемуары меньшевика с 1905 г. В.К.Икова (1882–1956), а также воспоминания дочери меньшевика Б.О.Богданова (1884–1960)⁸⁶.

Известно, что в 20-е годы собиранием и изданием мемуаров занимался Истпарт. По его просьбе тогда Ленин написал воспоминания об одном из первых российских марксистов Н.Е.Федосееве, а Сталин — о Я.М.Свердлове⁸⁷. Варианты воспоминаний Н.К.Крупской и М.Горького о Ленине стали характерным примером тенденциозного отбора фактов, исходя из нужд политической конъюнктуры. В 1920 г. большевистская элита, отмечая 50-летие Ленина, вспоминала памятные вехи его биогра-

фии. Среди прочих юбилейных дат было названо и 25-летие создания Петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”. Тогда же в журнале “Творчество” появились воспоминания Крупской и статья Н.С.Ангарского на эту тему⁸⁸. Крупская отмечала, что среди петербургских социал-демократов “лучше других были подкованы Ленин и Мартов”, что после ареста Ленина и других в ночь на 9 декабря 1895 г. оставшиеся в городе члены группы по предложению Мартова называли себя “Союзом борьбы за освобождение рабочего класса”. Это замечание Крупской Ангарский подтвердил. Однако в последующих вариантах воспоминаний Крупской это высказывание было опущено. Зато появилось упоминание о том, что Ленину было “чрезвычайно трудно” рвать с Мартовым, и прежде всего потому, что он “умел чутко подхватывать мысли Ильича и талантливо развивать их”⁸⁹. Никем не упоминался и тот факт, что Мартов раньше Ленина, вслед за Плехановым, высказал идею создания в России партии пролетариата. Соратникам Ленина в советское время предоставлялось лишь право комментировать, пропагандировать, развивать мысль вождя, но иметь свое мнение им уже не полагалось.

Подобные же изменения произошли и с очерком Горького о Ленине. В первом варианте (1924 г.) Горький писал, что он слышал только одну жалобу от Ленина: “Жаль — Мартова нет с нами; очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!” Писатель вспоминал также, как Ленин “весело и долго хохотал... прочитав где-то слова Мартова: “В России только два коммуниста: Ленин и Коллонтай”. А посмеявшись, сказал со вздохом: “Какая умница! Эх...”. В другом варианте (начало 30-х годов) Горький дополнил очерк еще одним эпизодом о Мартове, чтобы на сей раз противопоставить его Ленину. У Ленина, по Горькому, в вы-

ступлениях “слитность, законченность, прямота и сила”. Мартовым же рабочие недовольны: призвал не раскалываться, а потому “линяет товарищ интеллигент”⁹⁰. Разумеется, советские историки использовали в своих работах последние варианты воспоминаний Крупской и очерка Горького, цитируя, как правило, наиболее оскорбительные для Мартова и меньшевиков высказывания Ленина.

Л.Д.Троцкому и Н.Н.Суханову, хорошо знавшим Мартова, принадлежит его характеристика как “Гамлета демократического социализма”, позже широко использовавшаяся биографами лидера российского меньшевизма⁹¹. Думается, что эта оценка некорректна. Мартов не страдал нерешительностью, когда речь шла о принципиальном для него вопросе. Об этом убедительно рассказала в своих воспоминаниях его сестра, Л.О.Дан. Мартов был политик и ученый, склонный перед принятием решения подвергать сомнению и анализу все происходящее.

На протяжении своей жизни Троцкий не раз вспоминал Мартова, оказавшего на него наиболее сильное влияние при знакомстве в начале века. Ведь на II съезде партии Троцкий поддержал Мартова и ратовал за ее демократическое построение, против излишнего централизма. Пребывание Троцкого в рядах меньшевиков было недолгим, в 1904 г. он вышел из фракции, став на время “независимым революционером”, чтобы в 1917 г. превратиться в большевика.

В 1918–1919 гг., находясь на вершине своей властной славы, Троцкий вспомнил Плеханова и Мартова. Эти воспоминания были однотипны: Плеханов для него остался человеком, на трудах которого он учился марксизму. Но, к сожалению, он “отошел от того класса, которому он так превосходно служил в тягчайшую эпоху реакции”, т. е. с большевиками вместе не пошел. Мартов для него — “одна из самых трагических фигур революционного дви-

жения. Даровитый писатель, изобретательный политик, проницательный ум, прошедший марксистскую школу, Мартов войдет тем не менее в историю рабочей революции крупнейшим минусом". Главную причину этого Троцкий видел в том, что Мартову не хватало воли, решительности и потому он стал "самым изощренным, самым тонким, самым неуловимым, самым проницательным политиком тупоумной, пошлой и трусливой мелкобуржуазной интеллигенции". Говоря о Мартове, Троцкий ставил себе в заслугу то, чего Мартов сделать не мог (забыть свое еврейское происхождение, стать "твердокаменным большевиком", добиваться поставленной цели любыми средствами, претендовать на властные должности и т. д.)⁹². Троцкий ошибался: он путал сомнение с безволием, а поиск бескровного компромисса — с трусостью. В его оскорбительном для Мартова заявлении сквозило личностное самоутверждение временного победителя, не знавшего, что делать с непокорным противником.

В лице Мартова Троцкий столкнулся с политиком, для которого честность и нравственность поступка были на первом месте при его свершении. Это была проблема честного человека в политике, которая была чужда лидерам большевизма. Только поэтому большевик Троцкий и почему-то следовавшие за его суждениями историки разных поколений и взглядов продолжают называть честное отношение Мартова к политике трагедией. Наверное, пора покинуть большевистское королевство кривых зеркал и назвать трагедией то, что сотворили со страной и народом временные победители, для которых политика была способом завоевания власти, а для достижения этой цели все средства были хороши. Время показало, что Мартов был счастливым человеком: он всегда оставался самим собой, занимался любимым делом, стал символом поря-

дочности в политике, никого не лишал жизни, боролся за то, что считал справедливым и необходимым. Трагедией завершилась жизнь тех, кто подчинил мораль политике.

В воспоминаниях, опубликованных после изгнания из страны, Троцкий написал о Мартове и меньшевиках более сочувственно, хотя его преклонение перед Лениным, вознесшим его к вершинам власти, явственно ощущалось. “Политическим руководителем “Искры” был Ленин. Главной публицистической силой газеты был Мартов”. По Троцкому, уже тогда между ними начались разногласия. Но это не мешало Ленину использовать “бесчисленные и нередко остроумные догадки, гипотезы и предложения” Мартова. Но еще до II съезда партии “Ленин критически и чуть подозрительно поглядывал на Мартова, которого очень ценил, а Мартов, чувствуя этот взгляд, тяготился и нервно поводил худым плечом”. “Когда они разговаривали друг с другом при встрече, не было уже ни дружеских интонаций, ни шуток, по крайней мере на моих глазах. Ленин говорил, глядя мимо Мартова, а у Мартова глаза стекленели под отвисавшим и никогда не протиравшимся пенсне”. Троцкий полагал, что на Мартова психологически влияла В.И.Засулич, “отгораживая его от Ленина”. Троцкий отмечал, что раскола на II съезде РСДРП никто не предвидел, а когда он произошел, Ленин несколько недель проболел нервной болезнью. “На съезде Ленин завоевал Плеханова, но ненадежно; одновременно он потерял Мартова и — навсегда”⁹³.

В 20-е годы многие представители “ленинской гвардии” вспоминали о Мартове с симпатией, грустью, сочувствием и... пренебрежением. П.Н.Лепешинский видел в нем “живой энциклопедический словарь” и “язвительного крючкотвора”; А.В.Шотман — “бедствующего российского интеллигента”; А.В.Луначарский замечал, что если коммунизм в

России победит не сразу, “то Мартов или погибнет, потому что он слишком хорош, чтобы молчать в эпоху реакции, или будет безнадежно путаться на задворках революции, как он путается в них сейчас”⁹⁴.

Тогдашние большевистские лидеры были более резки и категоричны в политических оценках деятельности меньшевиков и Мартова. В 1923 г. был издан сборник статей Л.Б.Каменева “Между двумя революциями”, где он назвал Мартова, Череванина, Потресова и Аксельрода “мелкотравчатыми меньшевиками”, взявшими “курс на приспособление своей меньшевистской мысли... к кадетской политической платформе”. Именно за это сборник расхвалил Лепешинский. Не отставал от Каменева в столь же негативных выражениях по адресу Мартова и Г.Е.Зиновьев⁹⁵.

Иначе написаны воспоминания, изданные за рубежом. П.Б.Аксельрод написал том воспоминаний о революционном движении 70-х — 80-х гг. XIX века, отрывки из второго тома его мемуаров были частично опубликованы. В них — рассказ о группе “Освобождение труда” и встрече с Лениным в 1895 г.⁹⁶ Аксельрод хотел, но, по всей видимости, не успел написать воспоминания о России 1917 года. Его отношение к приходу к власти большевиков было неизменно отрицательным, т. к., по его словам, “большевистский переворот был только колоссальным преступлением и ничем иным быть не мог”⁹⁷.

Воспоминания Аксельрод начал писать в 1921 г., когда из-за болезни оказался не в состоянии участвовать в активной политической жизни и близкие ему И.Церетели и В.Войтинский просили его заняться мемуарами. В письме редактору еврейского журнала “Zukunft” (США) он писал, что к работе над воспоминаниями его привлекла надежда, что в них удастся “проследить отчасти пути внутреннего развития революционного движения в России и

осветить зарождение тех процессов, которые завершились ... торжеством большевизма". Аксельрод сообщал, что свои воспоминания он решил посвятить РСДРП, "которая еще так недавно была едина и распалась на составные национальные элементы после того, как большевизм, задушив российскую революцию, разбил Россию на части". Он предполагал написание мемуаров в 4-х частях, в последней из которых хотел рассказать "о попытках... партии и Интернационала разрешить вопросы, поставленные перед ними войной, революцией 1917 года и торжеством большевизма в России"⁹⁸. В изданной книге воспоминаний он также пытался проследить воздействие теорий насилия С.Г.Нечаева и П.Н.Ткачева на большевизм⁹⁹.

Г.В.Плеханов вернулся в Петроград из эмиграции 31 марта (13 апреля) 1917 г. Ему оставалось жить чуть больше года — он умер 30 мая 1918 г. Плеханов не оставил воспоминаний, хотя во многих его работах элемент мемуаристики явно присутствовал, а опубликованные в 1917 г. в газете "Единство" более 120 его статей и заметок составили двухтомник политического завещания выдающегося российского марксиста. Его негативное отношение к большевикам и установленному ими режиму широко известно. Воспоминания о встречах с ним оставили многие деятели революционного движения в стране. Все они в значительной степени проанализированы С.В.Тютюкиным¹⁰⁰. Во многих воспоминаниях Плеханову приписывались резкие высказывания по адресу Ленина, лидеров меньшевизма и т. д. Установить их достоверность в данном случае не представляется возможным. Следует лишь иметь в виду, что многие воспоминания написаны спустя десятилетия после описанных в них событий (под публикацией Валентинова стоит дата 15 августа 1954 г.), а также то обстоятельство, что Р.М.Плеханова подвергала редактированию попадавшие к

ней тексты о муже и убирала из них все, что ей не нравилось. Поэтому степень достоверности подобных мемуаров, в том числе и ее высказываний, весьма относительна¹⁰¹.

Усилиями Николаевского и Аксельрода в 20-е годы воспоминаниями занялись А.Н.Потресов и И.Г.Церетели. Потресов не сумел написать задуманные им в 1927 г. двухтомные воспоминания¹⁰². Изданы лишь его воспоминания о детстве и юности, написанные в 1928–1929 гг., где он сообщил, что в гимназии у него появилось убеждение начать университетскую учебу с изучения естественных наук. Его воспоминания о месяцах советских тюремных скитаний в 1919 г., написанные по свежим впечатлениям, погибли в рукописи тогда же. Отдельные эпизоды его биографии были вкраплены в написанные им очерки о Плеханове и Ленине¹⁰³.

Воспоминания Церетели о Февральской революции были опубликованы. Он начал писать их летом 1924 г. по совету Аксельрода. 16 августа 1924 г. Церетели сообщал Аксельроду, что пишет воспоминания. “Чем больше я работаю, — отмечал он, — тем больше убеждаюсь, как много вреда мне принесло, что я никогда не занимался систематическим писанием... с великим трудом добиваюсь того, чтобы просто и ясно изложить то, что думаю. Недавно я прочитал первые главы и поразился, как многословно и неясно я все там изложил. И переработал все наново. Все же я работаю с охотой и думаю, что, когда доведу книгу до конца, окажется, что это писание помогло мне овладеть литературной техникой. А предмет меня увлекает, и очень хочется изобразить все, как было, — и хорошее, и плохое”¹⁰⁴.

И.Г.Церетели (1881–1959) играл видную роль в общественной жизни страны после свержения самодержавия: был членом исполкома Петроградского совета и заместителем председателя ВЦИК, министром почт и телеграфов Временного правитель-

ства, депутатом Учредительного собрания. Оценки результатов его деятельности в то время противоречивы¹⁰⁵. Церетели в воспоминаниях пытался не столько оправдать свои действия, сколько выяснить причины поражения демократии в 1917 г., которые он видел прежде всего в ее неспособности создать твердую государственную власть. При этом смертельный, по его мнению, удар по революционной демократии нанесли июльские события 1917 г.¹⁰⁶ Интересны в воспоминаниях Церетели и характеристики отдельных политических деятелей той поры, в том числе большевиков: Ленина, Каменева, Сталина и др. Степень достоверности приводимых Церетели фактов различна и требует в каждом отдельном случае источниковедческого подтверждения.

Судя по сохранившейся переписке между Церетели и Аксельродом, ему пришлось оправдываться за свои поступки 1917 г. Он сообщал, что пожатие руки московскому предпринимателю А.А.Бубликову во время августовского (1917) Государственного совещания в Москве было случайным. Смертная казнь была восстановлена только на фронте с середины июля 1917 г., “после прорыва ... фронта немцами”. В военно-революционные суды входили и солдаты. Казнь ввели из-за ужасного положения на фронте. Но почти всегда она заменялась тюрьмой, за исключением нескольких случаев убийства и шпионажа. “На всякий случай напоминаю Вам, — писал Церетели Аксельроду 6 ноября 1919 г., — что Мартов принимал самое горячее участие в кампании против смертной казни”. Далее он сообщал, что заседание Учредительного собрания представляло собой такую варварскую картину, которую трудно описать: проходы, места перед трибуной заполнили вооруженные матросы. “Во время моей речи все время раздавались угрозы по моему адресу... В стенограмме не передали весь тот хор угроз,

который продолжался во время моей речи. Вообще, в продолжение всего заседания атмосфера была насыщена электричеством, и с минуты на минуту ждали первого выстрела, который послужил бы сигналом к общему побоищу”¹⁰⁷. Эти ответы Церетели, позже скорректированные и отредактированные в его воспоминаниях, нуждаются в комментарии.

А.Ф.Керенский и Н.Н.Суханов, присутствовавшие на Государственном совещании, в воспоминаниях утверждали, что рукопожатие Церетели и Бубликова не было случайностью¹⁰⁸. На объединительном съезде РСДРП (о) в августе 1917 г., отвечая на критику за это “рукопожатие буржую”, Церетели не говорил об этом как о случайности, а, наоборот, видел в этом возможность сотрудничества революционной демократии с буржуазией¹⁰⁹. Наверное, в этом заключалась разница между высказываниями человека “при должности”, когда он оправдывает свои поступки, и более поздними оценками, когда под влиянием различных причин он дает им выгодную для себя (в новых условиях) трактовку.

Не совсем искренен Церетели и в желании преуменьшить значение декрета Временного правительства о введении смертной казни. Ведь известно, что генерал Корнилов, став командующим Юго-западным фронтом (8 июля 1917 г.), приказал расстреливать без суда и следствия дезертиров и грабителей, “выставляя трупы расстрелянных по дорогам, на видных местах”. А число жертв с момента официального введения Временным правительством 12 июля 1917 г. смертной казни и учреждения военно-революционных судов было в ответе Церетели Аксельроду максимально минимизировано¹¹⁰.

Более достоверным в ответах Церетели представляется данное им описание заседания Учредительного собрания. Его подтверждают и впечатления Ф.И.Дана, приведенные им в письме Аксельроду

ду от 8 января 1918 г., т. е. через два дня после разгона Учредительного собрания. Дан писал, что “газеты и в отдаленной степени не передают того невыносимо позорного и недостойного положения, в которое было поставлено Собрание большевистской свистопляской и грубейшим вмешательством вооруженных матросов, заполнивших и хоры, и самую залу”¹¹¹.

В 20-е годы меньшевики, изгнанные из советской России, вспоминали о происшедшем с ними в книгах и статьях, опубликованных в “Социалистическом вестнике”. В журнале тогда публиковались и воспоминания о Мартове, Аксельроде и других временно ушедших из жизни деятелях социал-демократического движения в России. Наиболее важными и интересными воспоминаниями о революции были мемуары Ф.И.Дана и Д.Ю.Далина (Левина), члена ЦК РСДРП и ее Заграничной делегации¹¹². Далин подчеркивал роль террора в формировании большевистской власти, а Дан рассказал о своих впечатлениях от пребывания на Урале и в Белоруссии, аресте и высылке за пределы России. Позже Далин опубликовал и свои воспоминания о встречах с Мартовым¹¹³.

Значительная часть публикаций мемуаров была связана с осуществлением “Project on the History of the Menshevik Movement” в конце 50-х — 60-х гг. Тогда были написаны и изданы воспоминания В.А.Александровой, жены С.М.Шварца, о Москве 1917–1921 гг.; Е.А.Ананьина с интересными страницами о встречах с Мартовым; Г.Я.Аронсона (1887–1968) об истории правого течения среди меньшевиков; В.А.Бухгольца о начале издания “Искры”; ранее написанные воспоминания П.А.Гарви (Бронштейна); Ю.П.Денике (1887–1964) о меньшевиках в 1917 г.; С.М.Шварца (Моносзона) о дореволюционных отношениях меньшевиков и большевиков и другие¹¹⁴.

Среди многих воспоминаний меньшевиков, записанных и изданных в то время, выделим мемуары Н.В.Валентинова, В.С.Войтинского, Ю.П.Денике и Н.Н.Жордания.

Валентинов (Вольский) известен своими воспоминаниями о встречах с Лениным, Мартовым и Плехановым¹¹⁵. Так, он вспоминал о встречах с Лениным в 1904 г., его негативном отношении к меньшевикам: “Ленин был бурный, страстный и пристрастный человек. Его разговоры, речи во время прогулок о Бунде, Акимове, Аксельроде, Мартове, борьбе на съезде, где, по его признанию, он “бешено хлопал дверями”, — были злой, ругательной, не стесняющейся в выражениях полемикой. Он буквально исходил желчью, говоря о меньшевиках”¹¹⁶. В.С.Войтинский — с 1905 г. большевик, с апреля 1917 г. — меньшевик. Он был тогда членом бюро Петроградского совета и членом ВЦИК, затем помощником комиссара и комиссаром Временного правительства на Северном фронте. С 1921 г. в эмиграции. Воспоминания были им написаны в 1920-е годы. Его ссылки на периодику и воспоминания участников событий ставят мемуары в разряд исследовательской литературы. Особенно интересны наблюдения Войтинского о причинах дезертирства в армии, падении ее боеспособности, того, что он назвал агонией. Войтинский писал, что, когда в Пскове, где он находился, получили известие о восстании в Петрограде, руководимом большевиками, Временное правительство “оказалось столь же бессильно, как и в июльские дни — на его стороне в Петрограде не было никого и ничего”¹¹⁷.

Н.Н.Жордания начал участвовать в революционном движении России с 1890-х гг. С 1907 г. он член ЦК РСДРП, меньшевик. В 1917 г. возглавлял Тифлисский совет, был депутатом Учредительного собрания. Жордания — делегат II, IV и V съездов РСДРП, в 1918–1921 гг. возглавлял парламент, а за

тем правительство Грузинской демократической республики. Обо всем этом он и написал в своих воспоминаниях. Ему не показались серьезными разногласия на II съезде РСДРП, и тогда он не примкнул ни к одной из фракций и не стал участвовать в “братской борьбе”. В 1907 г. во время работы V съезда партии он встретился с Лениным, который в частной беседе предложил грузинским делегатам не вмешиваться в “русские дела” и подумать о том, что может быть у грузинских социал-демократов общего с “компанией Мартова-Дана”. Ленин на словах был за национальное самоопределение. “Что вышло из этого, — заключал Жордания, — мы все знаем: прежде всего они сели на голову русских масс, а затем на нас”. По мнению Жордания, революция 1917 г. была неожиданной для всех политических партий страны, и ее свершила армия. Он подробно описывал грузинские события, показывая определенную “неразбериху” в действиях властей¹¹⁸.

Ю.П.Денике — в 1905–1906 гг. большевик, с 1907 г. — меньшевик, в 1917 г. — лидер казанской меньшевистской организации, с 1922 г. в эмиграции. Его воспоминания основывались не столько на личных впечатлениях, сколько на изучении различных источников и носят явно исследовательский характер. Наблюдение Денике о причинах роста численности меньшевистской партии как правительственной в 1917 г., после свержения самодержавия, так же, как и проблема снижения жизненного уровня рабочих, способствующего их отходу от меньшевистских Советов, заслуживают внимания историков¹¹⁹.

Заметим, что начиная примерно со второй половины 20-х гг. мемуаристы, готовя к публикации свои воспоминания, все чаще обращались к документам и различным исследованиям. Поэтому по манере изложения они больше напоминали иссле-

дования, нежели рассказ участника или очевидца событий. Так, статья Б.И.Николаевского “Меньшевики в дни Октябрьского переворота”, сопровождаемая публикацией 40 документов¹²⁰, вряд ли может быть отнесена к воспоминаниям. Эта тенденция стала характерной для многих мемуаров, авторы которых не считали возможным опираться на слабеющую память. Конечно, анализируя воспоминания меньшевиков, нужно учитывать и их личное восприятие прошедших событий, разочарование во многих идеалах, субъективную оценку мемуаристами знакомых им лиц и последующие наслоения в памяти новых знаний, конъюнктурных соображений и т. д.

Источники личного происхождения, особенно мемуары, всегда будут привлекать внимание исследователей своей несхожестью, нестандартностью и открытостью мышления. Они, как никакие другие источники, позволяют понять, что нужно и не нужно делать, чтобы добиться успеха в деле, которому себя посвятил. Ф.Энгельс писал 3 апреля 1885 г. В.И.Засулич, что люди, хвалившиеся тем, что “сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели”¹²¹. Лидеры российского меньшевизма сразу поняли, что Октябрьская революция 1917 г. — не их революция. В воспоминаниях меньшевиков звучит иной лейтмотив: как могло такое случиться? Почему в России установилась диктатура одной партии, а демократическая оппозиция была уничтожена? Ответы на эти вопросы стали главными для меньшевистских мемуаристов. Возвращение постсоветской России к многопартийности лишь усилило интерес к истории российской социал-демократии и воспоминаниям ее представите-

лей. Свидетельством этого является все возрастающее число работ, посвященных различным аспектам российской социал-демократии¹²². Важным источником для создания подобных работ являются мемуары.

Комментарии

¹ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976. Т. 1. С. 6; *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 34; *Он же.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М., 1991. С. 10.

² *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение. М., 1998. С. 471, 472, 475.

³ Там же. С. 634–635, 657.

⁴ *Корников А.А.* Источниковедческие аспекты изучения биографий деятелей меньшевистской партии // *Меньшевики и меньшевизм.* М., 1998. С. 139–142; *Он же.* Меньшевистская мемуарная литература как источник о Великой российской революции // *Ивановский государственный университет. 20 лет. Юбилейный сборник научных статей.* Иваново, 1993. Ч. 1.

⁵ *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. С. 16.

⁶ *Хеймсон Л.* Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // *Россия.* XXI. 1995. № 5–6. С. 112–113.

⁷ Г.Я.Аронсон в 1960 г. писал о себе: “Я был только спицей в колеснице крупных исторических событий, но во мне живо сознание принадлежности к поколению, которое строило социал-демократию в России, участвовало в рабочем движении и связывало с демократической революцией все свои мечты и все свои надежды, разбитые беспощадно большевистской диктатурой. Наша деятельность давно уже закончилась”. // *Аронсон Г.* К истории правого течения среди меньшевиков. — *Меньшевики после Октябрьской революции.* Сб. статей и воспоминаний. Benson, 1990. С. 284–285.

⁸ Россия. XXI. 1995. № 5–6. С. 115–116.

⁹ Там же. № 7–8. С. 175, 179–180, 183–184.

¹⁰ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991–1992. Т. 1–3.

¹¹ Корников А.А. Н.Н.Суханов и его “Записки о революции” // Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. С. 32–33; Он же. Судьба российского революционера: Н.Н.Суханов — человек, политик, мемуарист. Иваново, 1995. С. 147–149.

¹² Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 133; Корников А.А. Судьба российского революционера. С. 150–151.

¹³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. С. 343.

¹⁴ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 483, 519.

¹⁵ Меньшевики в советской России. Сб. документов. Казань, 1998. С. 40–48; Меньшевики в 1918 году. М., 1999. С. 649–663. Письмо было написано Майским 7 ноября 1918 г. Поволжские меньшевистские организации в то время разделяли точку зрения Майского и поддерживали действия самарского Комуча. Представитель Комуча в Казани В.И.Лебедев записал в дневнике 20 августа 1918 г.: “Меньшевики... и здесь себя прекрасно ведут. И в Самаре и в Симбирске на рабочих конференциях они оказали нам огромную поддержку. В Сызрани геройски дрались, а здесь их “Рабочее дело” ведет отчаянную кампанию за народную армию и Комуч”. // Из архива В.И.Лебедева. — Воля России. Прага. 1928. Т. VIII–X. С. 170. ЦК РСДРП в сентябре 1918 г. осудил участие Майского в работе Комуча и заявил о невозможности для меньшевиков поддерживать это образование, действующее при помощи иностранных штыков (легионеров чехословацкого корпуса). Майский был исключен из состава ЦК РСДРП. // Меньшевики в 1918 г. С. 624. Некоторые меньшевики, участвовавшие в работе

Комуча, не согласились с решением ЦК РСДРП и вышли из партии. // *Бович (Генкин) А. Кровавый опыт* (открытое письмо бывшего меньшевика). М., 1919.

¹⁶ В 1946 г. Майский стал советским академиком. В 1953 г. его арестовали, обвинив в “сионистском заговоре”, затем в сговоре с Берия, который будто бы хотел, захватив власть, назначить Майского министром иностранных дел. В 1955 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к 6-летней ссылке. Вскоре Майский был амнистирован, а в 1960 г. реабилитирован. // *Некрич А.М. Академик И.М.Майский. — Вопросы истории. 1964. № 2. С. 112–115; Политические партии России. Энциклопедия. С. 335.*

¹⁷ *Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М.—Пг., 1923; Он же. Воспоминания советского посла. М., 1964. Кн. 1–2.*

¹⁸ Красная новь. 1923. Кн. 3. С. 199; *Мартов Л. Воспоминания ренегата // Социалистический вестник. Берлин. 9 декабря 1922 г. № 23–24. С. 15–16.*

¹⁹ *Меньшевики в советской России. С. 159.*
Б.Л.Двинов вспоминал, что в то время, как московские меньшевики готовились к перевыборам в московский Совет, им “нанес удар еще один член ЦК — О.А.Ерманский, прислав заявление, что он “временно отходит” от работы в партии, но надеется со временем еще быть “в первых рядах” ее. Ерманский был в ЦК на крайней левой [позиции], и его выступления ... всегда производили весьма неприятное впечатление, — словно этот человек не потому левый, что так думает, а так говорит, потому что левый. Этот маленький человек имел колоссальное честолюбие и самомнение, имел претензии “заменить” в ЦК Мартова, но так как на Ю.О.Мартова он не походил никак и никаким авторитетом в ЦК не пользовался, то честолюбие его никак не могло быть удовлетворено. И вот в

разгар избирательной работы, в разгар репрессий, Ерманский счел возможным “временно отойти”, временно... до приезда Мартова... Заявление возмутило... всех до глубины души. Никаких разногласий, никаких принципиальных объяснений, и член ЦК считает себя вправе бросить партию в такой момент, когда наступают тяжелые времена. Это было предательство, и по... единогласной оценке, результат трусости”. // *Двинов Б.* От легальности к подполью (1921–1922). The Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University. Stanford, California. 1968. С. 41. Двинов (Гуревич) Б.Л. (1886–1968) — меньшевик с 1903 г., член бюро ЦК в 1921 г., позже — Заграничной делегации РСДРП, автор нескольких воспоминаний.

²⁰ *Меньшевики в 1917 году.* Т. 1–3; *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1–3.

²¹ Ерманский, выступая 3 декабря 1917 г. на Чрезвычайном съезде РСДРП (о), говорил, обращаясь к противникам единства партии: “Нас связывает с вами только отрицание большевизма. Если бы не это, мы давно не были бы с вами”. // *Меньшевики в 1917 году.* Т. 3. Ч. 2. С. 440.

²² Ерманский О.А. Из пережитого. С. 151–152.

²³ Там же. С. 142.

²⁴ *Денике Ю.* Меньшевики в 1917 году // *Меньшевики.* Составитель Ю.Г.Фельштинский. Benson, 1988. С. 34.

²⁵ *Миллер В.И.* Осторожно: история! М., 1997. С. 85.

²⁶ А.Г.Шляпников (1885–1937), большевик и член первого созыва Исполкома Петроградского Совета в 1917 г., вспоминал, сколь сумбурно происходили тогда выборы его членов. // *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. С. 128–134.

²⁷ *Николаевский Б.* Рец. на кн.: *Ерманский О.А.* Из пережитого (1887–1921). М.—Л., 1927. // Ка-

торга и ссылка. М., 1927. Кн. 37. С. 218–221. Журнал “Рабочее дело” выходил в 1899–1902 гг. за рубежом. Его редакторами были тогда “экономисты” Б.Н.Кричевский, В.П.Иваньшин и др.

²⁸ *Лепешинский П.* Предисловие к кн.: *Ерманский О.А.* Из пережитого. С. 7–9.

²⁹ Б.Двинов вспоминал о том, как в начале августа 1922 г. в Москве появился Мартынов и сразу же отправился не к своим товарищам по партии, а к большевику К.Радеку. “Явно неприличное поведение Мартынова нас возмутило. Мы сообщили об этом Заграничной делегации в виде краткой приписки к письму от 9 августа: “Да, приехал в Москву Мартынов и первым делом отправился с визитом к Радеку. С нами даже не повидался. Для нас он умер”. Это все. Мы, конечно, не могли предполагать, что этот муж вскоре станет у большевиков акушеркой для принятия спасенных душ покаявшихся меньшевиков. Мартов был поражен нашим сообщением. Он писал, что знал Мартынова много лет и никак не ожидал от него такой гадости. Некоторые товарищи склонялись к другому объяснению поведения Мартынова. Далин писал нам: “Если это так, то умственные способности Мартынова измеряются обратно пропорционально его лысине”. // *Двинов Б.* От легальности к подполью (1921–1922). С. 151. В автобиографии Мартынов писал о трудном для него решении перейти от меньшевизма к большевизму. Он считал, что переход от народовольчества к социал-демократии был для него легок, т. к. он “давно” эволюционировал к марксизму, нетруден был и переход от “рабочедельчества” к меньшевизму, т. к. он выступал с критикой “экономизма”. Иное на пути к большевизму: “Приходилось рвать с товарищами, с которыми я, уже совершенно сложившийся политический деятель, работал 15 лет, с которыми я пережил революцию 1905 г., с которыми я связан был партийны-

ми узами и узами тесной личной дружбы; тут мне приходилось ломать политическую систему взглядов, которые у меня вошли в плоть и кровь, я имею прежде всего в виду взгляды на демократию и диктатуру». Но он этот переход сделал, т. к. «не хотел политически умереть и не способен был стать ренегатом». В 1919–1920 гг. на Украине во время гражданской войны он «наглядно убедился, как безжизненны... старые «ортодоксально-меньшевицкие, парламентско-демократические формулы»». Когда большевики ввели нэп, он понял, что спор между меньшевиками и большевиками «историей решен в пользу последних». Поэтому в 1922 г. он с семьей переехал в Москву и вскоре стал большевиком. // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 533.

³⁰ *Мартынов А.С.* О меньшевизме и большевизме. М., 1923. С. 3, 9, 53. Мартынов, желая всячески заявить о своих верноподданнических чувствах большевистским властям, выступил даже с оправданием красного террора времен гражданской войны: «То же самое можно сказать и о политическом терроре. Говорят, погибла масса невинных жертв этого террора; говорят, что политический террор проводился часто людьми, примазавшимися к революции и эксплуатировавшими ее в своих корыстных целях. И это весьма вероятно. Но что было делать во дни революции советской власти» (С. 36). Мартов решительно осуждал террор во всех его проявлениях.

³¹ *Мартынов А.* Великий пролетарский вождь. М., 1924. С. 8–10.

³² *Мартынов А.* От издательства // *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. М., 1924. С. 4–9.

³³ *Мартынов А.* Воспоминания революционера // Пролетарская революция. 1925. № 11. С. 274–275, 277–278.

³⁴ Социалистический вестник. 1935. № 12. С. 10–11.

³⁵ По мнению Суханова, “старый Мартынов, прекраснейшая личность, но не особенно сильный, не слишком авторитетный политик и оратор. В сущности, он заменял Мартова только в силу своего огромного стажа”. // *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. С. 178.

³⁶ *Мартынов А.С.* Две диктатуры. Пг., 1917. С. 98; *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Ч. 2. С. 492; *Меньшевики в 1918 году*. С. 507.

³⁷ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 208–209.

³⁸ *Мартынов А.* Воспоминания из эпохи II съезда РСДРП. М., 1934. С. 6, 52, 56, 62–63, 108.

³⁹ *Струмилин С.Г.* Из пережитого. 1897–1917 гг. М., 1957. С. 283, 288.

⁴⁰ См.: *Струмило-Петрашкевич (Струмилин) С.Г.* Из записок рабочего // *Заря*. Берлин. 1922. № 3, 4, 5, 6.

⁴¹ *Ерманский О.А.* Из пережитого (1887–1921 гг.). С. 190.

⁴² *Савельев П.Ю., Тютюкин С.В.* Юлий Осипович Мартов (1873–1923): человек и политик // *Новая и новейшая история*. 1995. № 5. С. 157.

⁴³ Ю.О. Мартов. Письма. 1916–1922. С. 37.

⁴⁴ *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. М., 1924. С. 12–13. Первое издание “Записок” вышло в Берлине в 1922 г., в издательстве Зиновия Гржебина. Курьезом предстает упоминание в хронике событий советской историографии о том, что в 1924 г. Мартов издает “Записки социал-демократа”. // *Советская историография*. М., 1996. С. 543. Прижизненное издание “Записок” Мартова вышло в 1922 г. по инициативе М. Горького. В 1923 г. Мартов умер и выпустить свою книгу в 1924 г. никак не мог.

⁴⁵ *Мартов Ю.О.* Из неопубликованных воспоми-

нений // Ленинский сборник. М.—Л., 1925. Т. IV. С. 49–61.

⁴⁶ *Мартов Ю.О.* Недописанные главы // РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 23. Л. 42–43.

⁴⁷ Мартов Ю. Записки социал-демократа. Берлин, 1922. С. 336. В издании 1924 г. Мартов пишет, что ссыльные, зная о желании Ленина и Федосеева встретиться, явились за своей одеждой в тюремный цейхгауз, переодев Ленина “в хозяина телеги”. Они потребовали вызова Федосеева как “старосты” политиков для сдачи ... имущества. “Таким образом, пока мы извлекали и нагружали свое добро, Ульянов и Федосеев могли беседовать” (С. 336–337). Г.Хаит полагал, что с Федосеевым во дворе Красноярской тюрьмы встречался не Ленин, а П.А.Красиков. По его мнению, через четверть века Мартов мог сместить события и перепутать участников. // Хаит Г. Поиск продолжается. Красноярск, 1970. С. 103–107.

⁴⁸ Каторга и ссылка. 1927. Кн. 35. С. 31–32.

⁴⁹ В некоторых работах частные выводы Мартова распространяются на характеристику, например, карательной политики царизма в конце XIX века в целом. В “Записках” Мартов писал, что был “приятно удивлен”, когда при первом аресте в Петербурге он столкнулся “с жандармским допросом по всей форме, с протоколом и прочими аксессуарами” (С. 112). Это дало повод Д.Дейли говорить о либеральном отношении карателей к представителям революционного движения. // J.W.Daly. Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia. 1899–1905. Northern Illinois University Press. 1998. P. 49. Достаточно вспомнить казни народовольцев, прочитав воспоминания самих жандармов, чтобы изменить это суждение. // *Стиридович А.И.* Революционное движение в России. Вып. 1. РСДРП. СПб, 1914; *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. В 2-х томах. М., 1997; и др. Следует

заметить, что и отношение к арестованным было разным. 27 января 1897 г. Мартов, Ленин, Кржижановский и другие руководители Петербургского "Союза борьбы" были приговорены к трем годам ссылки в Восточную Сибирь. А.И.Ульянова-Елизарова вспоминала, что ссылка для В.И.Ленина протекала в сравнительно благоприятных условиях. "В худшие условия попал, очевидно как еврей, Ю.О.Цедербаум (позднее Мартов). Он был сослан в самый северный пункт, в Туруханск, отделенный непроходимыми топями и болотами, и был на все время ссылки отрезан от товарищей". // Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1984. Т. 1. С. 54. С 1887 г. по соглашению Департамента полиции и генерал-губернатора Восточной Сибири, евреев-революционеров поселяли только в самых северных районах. // *Розенберг С.* Ледяная тюрьма. М., 1934. С. 16, 34.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 355. Л. 3.

⁵¹ *Невский В. Л.* Мартов (Ю.О.Цедербаум) (1873–1923) // Под знаменем марксизма. 1923. № 4–5. С. 227. Невский В.И. (Кривобоков Ф.И.) — большевик с 1903 г. В начале 20-х гг. — сотрудник Истпарта, с 1925 г. — директор Государственной библиотеки имени Ленина. Арестован в феврале 1935 г. Расстрелян в мае 1937 г. Реабилитирован в июне 1955 г. См.: *Чесноков В.И.* В.И.Невский как историк русского революционного движения // История и историки. М., 1965. С. 371.

⁵² Ленин — человек, мыслитель, революционер. М., 1990. С. 338–342.

⁵³ Социалистический вестник. 1923. 24 апреля. № 8–9. С. 16.

⁵⁴ НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 3. Ser. 19.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ ИШН. П.Б.Аксельрод. П. 36.

⁵⁸ Николаевский Б.И. Из эпохи “Искры” и “Зари” (по неизданным материалам) // Каторга и ссылка. 1927. Кн. 35. С. 7–35; Кн. 36. С. 83–100.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 23. Л. 19–20.

Б.И.Николаевский в очерке о Потресове, ссылаясь на его воспоминания, отмечал, что идея создания литературной группы для издания журнала принадлежала Потресову, но именно Ленин предложил создать “тройственный союз”, включив в него Мартова, а также начать издание политической газеты. // Николаевский Б.И. А.Н.Потресов. Опыт литературно-политической биографии. — А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 35–36.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 23. Л. 22–23. Николаевский писал, что название “Искра”, как и эпиграф к ней “Из искры возгорится пламя”, были предложены Потресовым. // А.Н.Потресов. С. 39.

⁶¹ Дан Л.О. Семья (из воспоминаний) // Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959. С. 7–37. Перепечатано в кн.: Из архива Л.О.Дан. Amsterdam, 1987. С. 3–31.

⁶² Из архива Л.О.Дан. С. 39.

⁶³ Л.О.Дан сообщала, как встречала в Петрограде в мае 1917 г. Мартова, приехавшего из Швейцарии: “Приехал он осунувшийся, уставший и от дороги и от всего пережитого. Помню на вокзале его сгорбленную фигуру, более обычного хромавшего и выдвигавшего левое плечо; в руках у него был небольшой чемодан, потом оказавшийся наполовину пустым. У него не было с собой ни книг, ни вещей, ни одежды. Его единственный костюм, бывший на нем, был довольно-таки потертым, а в чемодане сиротливо лежали какие-то “крахмальные манишки”, которые он всегда носил с одним и тем же “готовым” галстуком и был вполне уверен, что он одет “очень прилично”. Отсутствие вещей он объяснял тем, что в свое время все оставил в Париже, так

как уехал в Швейцарию на две недели и рассчитывал возвратиться в Париж в свой отель на Монпарнасе, но это так и не состоялось". Из ее рассказа следует, что хозяин отеля много лет хранил вещи Мартова, т. к. за ним числилась недоимка за комнату. Потом хозяин был вынужден продать отель и разыскал приятеля Мартова. Тот рассчитался с хозяином, забрал вещи и отослал их Дан. Когда открыли полученные чемоданы и ящики, то обнаружили старые газеты, брюки и два пиджака, карманы которых были наполнены документами и письмами. Одним из них был подлинник письма Маркса к Лонге. Позже она отдала его Рязанову. В нем был резкий отзыв Маркса о Каутском. Дан просила Рязанова не публиковать его, и он сдержал слово. После его ареста письмо было опубликовано.

Л.О.Дан заключала: "Отсутствие склонности к вещам, к собственности, даже в мелочах, Мартов сохранил до конца дней своих. Когда после его смерти я хотела дать некоторым товарищам что-нибудь на память о нем, я не могла найти в его вещах решительно ничего: не было ничего, что носило бы отпечаток принадлежности к нему; свои самые простые деревянные мундштуки он обкусывал и менял довольно часто, он так и не научился писать "вечным" пером и не имел "стило", он не любил пользоваться записными книжками и т. д. Словом, кроме часов, у него не было решительно ничего "своего"...". // Из архива Л.О.Дан. С. 71–72, 76–77, 81; и др. Известно, что Мартов, закончив первый том воспоминаний, начал писать второй, который действительно не успел завершить.

⁶⁴ НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 667. Fol. 8. Ser. 279; *The Making of Three Russian Revolutionaries. Voices from the Menshevik Past*. Ed. by L.H.Haimson. Introduction by L.H.Haimson. Cambridge. Cambridge University Press, 1987.

⁶⁵ Подробнее о Л.Н.Радченко см. воспоминания

ее дочери: *Баранская Н.В.* Странствие бездомных. Жизнеописание. М., 1999.

⁶⁶ *Захарова-Цедербаум К.И., Цедербаум С.И.* Из эпохи "Искры". 1900–1905 гг. М.—Л., 1926; *Захарова-Цедербаум К.* В годы реакции // Каторга и ссылка. 1929. Кн. 60. С. 67–102; *Цедербаум (Левицкий) В.* За четверть века. Революционные воспоминания. 1892–1917 гг. М.—Л., 1926. Т. 1. Ч. 1; М.—Л., 1927. Т. 1. Ч. 2. *Захарова-Цедербаум К.И.* (1879–1938) — жена брата Ю.О.Мартова, С.И.Цедербаума-Ежова. В революционном движении с 1896 г., социал-демократ, с 1903 г. в меньшевистской фракции РСДРП. Неоднократно арестовывалась царскими и советскими властями. Расстреляна 13 июня 1938 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Реабилитирована в 1991 г. *Цедербаум (Ежов) С.О.* (1879–1939), брат Ю.О.Мартова, в революционном движении с 1896 г., социал-демократ, с 1903 г. — меньшевик. Преследовался царскими и советскими властями. Расстрелян 25 февраля 1939 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Реабилитирован в 1991 г. *Цедербаум (Левицкий) В.О.* (1883–1938), брат Ю.О.Мартова, в революционном движении с конца 1890-х гг., с 1903 г. меньшевик. Подвергался репрессиям со стороны царских и советских властей. Умер в тюрьме 22 февраля 1938 г., находясь под следствием. Подробнее о судьбе родственников Ю.О.Мартова см.: *Попова (Цедербаум) Т.Ю.* Судьба родных Л.Мартова в России после 1917 г. М., 1996.

⁶⁷ Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1984. Т. 1. С. 182–183.

⁶⁸ *Захарова-Цедербаум К.И., Цедербаум С.И.* Указ. соч. С. 5; Каторга и ссылка. 1928. Кн. 40. С. 186–187; 1929. Кн. 60. С. 67; *Цедербаум (Левицкий) В.О.* Указ соч. Ч. 1. С. 6; Ч. 2. С. 5. С.И.Цедербаум (Ежов) был и автором интересной книги: "Женщина в русском революционном движении

1870–1905”. Л., 1927. Книга получила положительную рецензию. // Каторга и ссылка. Кн. 35. С. 250–251.

⁶⁹ *Захарова-Цедербаум К.И., Цедербаум С.И.* Указ. соч. С. 93–94, 122, 130–131.

⁷⁰ НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 59. Fol. 1. Ser. 20.

⁷¹ *Дейч Л.Г.* За полвека. М., 1922. Т. 1. Ч. 1; М., 1923. Т. 1. Ч. 2. 3-е изд. М.—Л., 1926.

⁷² *Засулич В.И.* Воспоминания. М., 1931.

⁷³ *Бруснев М.И.* Возникновение первых социал-демократических организаций (воспоминания). 1887–1897 // Пролетарская революция. 1923. № 14; *Гофев Б.И.* Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895–1905. Л., 1925; и др.

⁷⁴ *Тахтарев К.М.* Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. По личным воспоминаниям. Изд. 3. Пг., 1918 (изд. 1 — Лондон, 1902). Книга была переиздана в 1921 г., а затем после переработки в 1924 г. под новым названием: Рабочее движение в Петербурге (1893–1901 гг.). По личным воспоминаниям и заметкам. С приложением воспоминаний о Владимире Ильиче Ульянове-Ленине и партийном расколе. Л., 1924.

⁷⁵ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV. С. 402; История КПСС. М., 1967. Т. 1. С. 220–221, 232–233, 276–277; Историография Петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”. Пермь, 1974. С. 63–64, 88.

⁷⁶ *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 3–4, 182, 185, 193–194.

⁷⁷ *Невский В.И.* История РКП(б). Краткий курс. Л., 1926. С. 76, 230.

⁷⁸ *Эйдельман Б.* Первый съезд РСДРП. М.—Л., 1926. См также: Первый съезд партии. М., 1923; Возникновение социал-демократии в России и ее первые шаги. Юбилейный сборник материалов и статей к 25-летию РКП. Гомель, 1923; и др.

⁷⁹ *Меньшевики в советской России. Сборник документов.* С. 152.

⁸⁰ *Бройдо Е.* В рядах РСДРП. М., 1928. С. 4, 8. В коллекции Николаевского хранится машинописная копия автобиографических воспоминаний Бройдо, книга воспоминаний ее дочери — *Vera Broido. Russische Kindheit.* Prage-Verlag, Wien-Leipzig, 1933, а также газетная копия рецензии М.Ольминского “Вредная книга” о воспоминаниях Бройдо, опубликованная в “Правде” 10 марта 1929 г. с резкой критикой ее размышлений, особенно о Бакинской организации РСДРП в 1904 г. // НИА. V.Nicolaevsky collection. Box 227. Fol. 3. Ser. 172.

⁸¹ *Аксельрод (Ортодокс) Л.И.* Этюды и воспоминания. Л., 1925; *Гольдман Л.И.* Организация и типология “Искры” в России (из личных воспоминаний). М., 1928.

⁸² *Балабанова А.* Из личных воспоминаний циммервальдца. Л.—М., 1925. С. 81–82, 98, 106.

⁸³ НИА. V.Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 3, 4. Ser. 19.

⁸⁴ *Потресов А.Н. Ленин* // *Потресов А.Н.* Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 293–304; То же. Источник. 1993. № 4. С. 20–27.

⁸⁵ *Потресов А.Н.* Посмертный сборник произведений. С. 299–301, 303, 304.

⁸⁶ *Иков В.К.* Листопад. Воспоминания // Вопросы истории. 1995. № 8, 9, 10, 11, 12. О нем см.: *Ширяева Н.В.* В.К.Иков и его мемуары // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 66–79; *Богданова Н.Б.* Мой отец — меньшевик. СПб, 1994.

⁸⁷ *Ленин В.И.* Несколько слов о Н.Е.Федосееве. // Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России. Сб. воспоминаний. М.—Пг., 1923; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45; *Сталин И.В.* О Я.М.Свердлове // Пролетарская революция. 1924. № 11. Федосеев Н.Е. (1871–1898) — один из первых российских

марксистов-теоретиков, организатор марксистского кружка в Казани в 1888–1889 гг. В ссылке покончил жизнь самоубийством. В 1894 г. Федосеев писал: “Жаль только, что до настоящего момента не выполнена громадная теоретическая работа, именно изучение с точки зрения нашего принципа русской истории по крайней мере важнейших и ближайших ее фазисов. Только тогда, когда будет выполнена эта работа, русский марксизм встанет на твердую почву; только тогда явится возможность выработки научно-определенной единой программы практической деятельности”. Сам он предлагал изучать историю с классовых позиций и не сомневаться “в реальности существования и исторической роли” великих людей. // *Федосеев Н.Е.*

Статьи и письма. М., 1958. С. 102–103, 206.

⁸⁸ Творчество. 1920. № 7–10. С. 1–7. Н.С.Ангарский в 1919–1920 гг. был редактором журнала “Творчество”.

⁸⁹ Воспоминания о В.И.Ленине. Т. 1. С. 270.

⁹⁰ *Горький М.* Владимир Ленин // Русский современник. М.—Л., 1924. С. 242; Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1984. Т. 2. С. 242.

⁹¹ Суханов писал, что “гамлетизм” Мартова проявлялся в интеллекте, который был склонен к анализу, а не к принятию быстрых решений, к свершению “революционных подвигов, не требующих... разума, а только воли”. // *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 2. С. 184. Троцкий, говоря о роли Мартова на II съезде Советов, назвал его “Гамлетом демократического социализма”. // *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Берлин, 1933. Т. II. Ч. 2. С. 337. См. также: *Getzler I.* Martov. A Political Biography of Russian Social-Democrat. Cambridge, 1967. P. 218–220; *Тумаринсон В.Х.* Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус (опыт исторической реконструкции). М., 1994. С. 208.

⁹² *Троцкий Л.Д.* Политические силуэты. М., 1990. С. 66–68.

⁹³ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Ч. 1. С. 175, 176, 186, 189.

⁹⁴ *Лепешинский П.Н.* На повороте. М., 1955. С. 70 (первая публикация — 1922 г.); Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 72; *Шотман А.В.* Дайте нам организацию революционеров... М., 1987. С. 536 (первая публикация — 1925 г.); *Луначарский А.В.* Революционные силуэты. М., 1923. С. 70.

⁹⁵ *Каменев Л.Б.* Между двумя революциями. М., 1923; Печать и революция. 1924. № 4. С. 203–204; *Зиновьев Г.Е.* История РКП(б). Л., 1925.

⁹⁶ *Аксельрод П.Б.* Пережитое и передуманное. Берлин, 1923. Кн. 1; *Он же.* Воспоминания о встрече с Е.И. Спонти и о переговорах с В.И. Ульяновым-Лениным в 1895 г. (Из черновых набросков 2-го тома воспоминаний) // Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. М., 1925. Т. 1; *Он же.* Группа “Освобождение труда”. (Неопубликованные главы из 2-го тома “Воспоминаний” П.Б. Аксельрода) // Летопись марксизма. 1928. Т. VI.

⁹⁷ *Аксельрод П.Б.* Кто изменил социализму. (Большевизм и социальная демократия в России). Нью-Йорк, 1919. С. 30.

⁹⁸ ИШН. П.Б. Аксельрод. Коллекция. П. 79. Его воспоминаний ждали. 1 марта 1922 г. Николаевский писал Аксельроду, что вспоминает петроградские (1917 г.) встречи с ним, что он, как и многие другие, надеется прочесть его мемуары. “Вы стали для нас чем-то большим и более близким, чем кто-либо из вождей — теоретиков партии... Особенно остро эту близость ощущаешь теперь, после пяти лет революции, принесших нашей социал-демократической семье значительно больше потерь, чем самые тяжелые удары предшествовавшего десятилетия”. // ИШН. П.Б. Аксельрод. Коллекция. П. 34.

⁹⁹ Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. С. 198–199.

¹⁰⁰ См.: Плеханов Г.В. Год на родине. Paris, 1921. Т. 1–2; Плеханова Р.М. Последние дни Г.В.Плеханова // Заря. Берлин, 1924. № 5–6; Валентинов Н.В. Беседы с Плехановым в августе 1917 г. // Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 182–196; Записные книжки Л.Г.Дейча. // Вопросы истории. 1996. № 3; Тютюкин С.В. Судьба русского марксиста. М., 1997.

¹⁰¹ Переписка Николаевского, Ф.И. и Л.О.Дан с Р.М.Плехановой в начале 20-х гг. свидетельствует о том, как они противостояли ее настояниям убрать не нравившийся ей текст из письма Мартова о Плеханове. 22 марта 1924 г. Николаевский писал Плехановой, что ему непонятен ее запрет на публикацию писем, найденных им в архиве. “Ведь тогда теряется сам смысл поиска”, – заключал он. Николаевский не был согласен с ней и по поводу изъятия отдельных мест из публикуемых писем Мартова или сокращения комментария в той части, где говорилось, что на II съезде РСДРП Плеханов поддерживал Ленина. // НИА. В. Nicolaevsky collection. Box 72. Fol. 17. Ser. 41. Ф.И. и Л.О.Дан 3 февраля 1924 г. в письме Плехановой возражали против сокращения письма Мартова, где он говорил “о гнусностях Плеханова”, иначе терялось, по их мнению, “человечье обличье” полемики. // Архив Дома Плеханова в СПб. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 157. Л. 3. Подобных документов сохранилось довольно много. О смерти Плеханова существуют различные воспоминания. Глава питерских большевиков в то время Г.Е.Зиновьев объяснял, почему он не пошел на похороны, а поэт и писатель Зинаида Гippiус была лаконична, заявляя, что Плеханова “убила Россия, его убила та, кому он, по мере всего разума, служил сорок лет. Нельзя русскому революционеру быть 1) честным, 2) культурным, 3) дер-

жаться науки и любить ее. Нельзя ему быть европейцем. Задушат. При царе еще туда-сюда, но теперь, при Ленине — конец”. // *Зиновьев Г.* Г.В.Плеханов (вместо речи на могиле). Пг., 1918; *Гиппиус З.* Стихи. Воспоминания. Документальная проза. М., 1991. С. 194. На похоронах Плеханова выступил Потресов, с горечью сказавший: “Плеханов был нашей национальной гордостью, но он же стал нашей величайшей национальной жертвой”. // Цит. из статьи Д.Шуб “Г.В.Плеханов в 1917 г.” — *Русская мысль*. 1958. 5 июня. См. также: *Боград-Плеханова Р.М.* Год на Родине // *Диалог*. 1991. № 8–15.

¹⁰² Можно лишь предположить, о чем Потресов хотел написать в своих мемуарах. В предисловии к посмертному сборнику произведений Потресова издатели отмечали его убеждение в том, что возрождение России возможно лишь в борьбе с режимом произвола и насилия “во всех его видах и масках”. // *Потресов А.Н.* Посмертный сборник произведений. С. 5. Потресов мечтал дожить “до того дня, когда падет, наконец... новое российское самодержавие. Вероятно, и тогда будет не очень сладко жить, но, по крайней мере, будет снято позорное клеймо с социализма”. // Из письма Потресова Аксельроду 20 августа 1925 г. — НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 661. Fol. 4. Ser. 279.

¹⁰³ *Потресов А.Н.* Посмертный сборник произведений. С. 81, 134.

¹⁰⁴ ИИИ. П.Б.Аксельрод. Коллекция. П. 10; *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Paris, 1963. Т. 1–2; *Он же.* Кризис власти. М., 1992.

¹⁰⁵ Н.В.Валентинов вспоминал, что к Церетели весьма негативно относился Плеханов. “Если из молодых общественных деятелей, — говорил он, — выдвинувшихся в последнее время, взять, например, Савинкова и Церетели, то скажу вам — за од-

ного Савинкова, понимающего, что Россия гибнет и что нужно для ее спасения, — я десять Церетели отдам. Понимания того, что нужно делать, у него нет”. // *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина.

С. 186. Современная историография более положительно рассматривает роль Церетели в революционных событиях 1917 г. в России, называя архитектором концепции “единства всех живых сил страны”, имея в виду сотрудничество “объединенного фронта демократии” с “буржуазией, примкнувшей к революции”. // *Галли З.* Ираклий Церетели в русской революции. — Крайности истории и крайности историков. М., 1997. С. 53–74.

¹⁰⁶ *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Т. 2. С. 414.

¹⁰⁷ ИISH. П.Б.Аксельрод. Коллекция. П. 10.

¹⁰⁸ Керенский вспоминал: “Самое замечательное событие произошло после бурных дебатов между выступавшим от социалистических партий Церетели и представителем крупного промышленного и финансового капитала Бубликовым. Неожиданно оба они двинулись навстречу друг другу и после сердечного рукопожатия высказались за классовое перемирие во имя интересов России”. // *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 228. Суханов писал, что Бубликов, сойдя с трибуны, подошел к Церетели и всенародно протянул ему руку. “Церетели встал и ответил ему тем же. Весь зал умилился и задрожал от рукоплесканий”. // *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. С. 66.

¹⁰⁹ *Меньшевики в 1917 году.* Т. 2. С. 413.

¹¹⁰ Подробнее об этом см.: *Катков Г.М.* Дело Корнилова. Париж, 1987. С. 46–47; *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 210–213.

¹¹¹ НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 658. Fol. 6. Ser. 279.

¹¹² *Далин Д.* После войн и революций. Берлин, 1922; *Дан Ф.* Два года скитаний (1919–1921). Берлин, 1922.

¹¹³ *Далин Д.Ю.* Обрывки воспоминаний // Мартов и его близкие. С. 103–118.

¹¹⁴ *Александрова В.А.* Пережитое. 1917–1921 гг. Нью-Йорк, 1962; *Ананьин Е.А.* Из воспоминаний революционера. 1905–1923 гг. Нью-Йорк, 1961; *Аронсон Г.Я.* Революционная юность. Воспоминания 1903–1917 гг. Нью-Йорк, 1961; *Гарви П.А.* Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946; *Он же.* Революционные силуэты. Нью-Йорк, 1962; и др. Машинописные копии многих воспоминаний и интервью хранятся в Гугеровском историческом архиве. // HIA. B.Nicolaevsky collection. Box 672. Fol. 1, 2, 3, 6, 9, 10, 13, 19 Ser. 279; Box 55. Fol. 1; Box 56. Fol. 1, 3. Ser. 18; Box 673. Fol. 1, 3, 5, 14. Ser. 279; Box 674. Fol. 1, 2, 3, 4. Ser. 279; Box 667. Fol. 4. Ser. 279; и др. Позже часть этих воспоминаний была опубликована в сб.: *Меньшевики*. Составитель Ю.Г.Фельштинский. Benson, 1988 (Б.Сапир, Ю.Денике, Д.Далин, Е.Ананьин); *Меньшевики после Октябрьской революции*. Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский. Benson, 1990 (Г.Аронсон). См. также: *Abramovitch R.* The Soviet Revolution. 1917–1939. London, 1962; *Двинов Б.* От легальности к подполью (1921–1922). Приложение: Г.Кучин-Оранский. Записки. Stanford, 1968; *Уратадзе Г.* Воспоминания грузинского социал-демократа. Stanford, 1968; *Аронсон Г.* Россия накануне революции. Исторические этюды. Madrid, 1986; и др.

¹¹⁵ *Валентинов Н.В.* Встречи с Лениным (1903–1905 гг.). Нью-Йорк, 1953; *Он же.* Наследники Ленина. М., 1991; *Он же.* Недорисованный портрет... Встречи с Лениным. Малоизвестный Ленин. Ранние годы Ленина. М., 1993. В предисловии к последней книге содержится критический анализ его

воспоминаний, в основном связанный с представлениями Валентинова о Ленине.

¹¹⁶ *Валентинов Н.В.* Встречи с Лениным. Benson, 1979. С. 208.

¹¹⁷ *Войтинский В.С.* 1917. Год побед и поражений. Benson, 1990. С. 267, 282. См. также: *Войтинский В.С.* Годы побед и поражений. Берлин, 1923–1924. Т. 1–2.

¹¹⁸ *Жордания Н.* Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 39, 53–54, 73, 77–78. См. также: *Жордания Н.* Мое прошлое. Париж, 1953.

¹¹⁹ *Меньшевики.* С. 47–48. Видимо, при издании текст Денике был отредактирован. В Гугеровском историческом архиве сохранился более живо написанный вариант этих воспоминаний. Так, он иронически писал, что после Февральской революции “все кого-то выбирали”. И рассказал о курьезном случае в Казани, когда служащие психбольницы сместили всех докторов и стали выбирать “врачей” из своей среды. // НИА. В. Nicolaevsky collection. Box 672. Fol. 12. Ser. 279. См. также: *Николаевский Б. Ю.П.* Денике (1887–1964). Опыт политической биографии // Социалистический вестник. 1965. № 3. С. 12–25.

¹²⁰ *Меньшевики.* С. 86–139.

¹²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 263.

¹²² *Тютюкин С.В.* Современная отечественная историография РСДРП // Отечественная история. 1998. № 6. С. 54–64.

Эпистолярное наследие

В российском источниковедении письма рассматривают по их видовой принадлежности: письма в периодические издания; в государственные и общественные учреждения; отдельным политикам, ученым, деятелям искусства; частная переписка. Но все они документы личного происхождения¹. Большую долю эпистолярного наследия российских социал-демократов составляет частная переписка.

Письма нередко являются более достоверным источником, нежели мемуары, написанные много позже происшедших событий. Письма лидеров российской социал-демократии были очень насыщены разного рода информацией, и их авторы сами относились к ним как к документам, которые они стремились сохранить, а потом и опубликовать. Обычно частные письма не предназначаются для “чужого глаза”. Но письма лидеров РСДРП носили не столько интимный, сколько общественный характер. По ним можно выяснить многие проблемы социал-демократического движения в России, взаимоотношения между его деятелями, проследить часто мучительное развитие их мысли и т. д. Читая эти письма, понимаешь, почему они были сохранены, а затем опубликованы: они представляют собой для истории бесценные документы.

Абсолютное большинство лидеров российской социал-демократии длительное время не занимали властных государственных постов (исключение со-

ставляли И.Г.Церетели, М.И.Скобелев и др.). Поэтому их переписка резко отличается от писем большевистских вождей, пришедших к власти², и намного ближе к их дореволюционным письмам. Достаточно познакомиться с публикацией писем Ленина, Мартова, Аксельрода, Плеханова во многих “Ленинских сборниках”, чтобы убедиться в этом. Но одно дело официальная, не всегда лицеpriятная переписка Ленина и Мартова после 1903 г., другое — переписка единомышленников, хотя и расходящихся друг с другом по отдельным вопросам, но все же находящихся по одну сторону межпартийных отношений³.

С переписки, если судить по времени ее появления, начинается создание документальной базы истории российской социал-демократии. С писем в 20-е годы начиналось издание сборников документов, а их поиски для публикации и хранение подлинников в архивах стали одной из главных задач архивистов. Поисками писем и рукописей произведений российских марксистов занимались в то время уполномоченные созданных в советской России Института К.Маркса и Ф.Энгельса (Б.И.Николаевский) и Института В.И.Ленина (Н.С.Ангарский). Но этим занимались и другие лица. Так, по инициативе Ленина в 1922 г. за границу был командирован Л.Г.Дейч для ведения переговоров о приобретении архива Плеханова; в феврале 1936 г. — по поручению ЦК ВКП(б) — делегация в составе Н.И.Бухарина, В.В.Адоратского и А.Я.Аросева для покупки архива К.Маркса и др. Эти миссии не увенчались успехом: архив Плеханова был передан в 1928 г. в Государственную публичную библиотеку им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде по желанию его наследников и затем стал Домом Плеханова, а германские социал-демократы отказались продать архив Маркса большевикам, испытывая к ним недоверие в связи с начавшимися в СССР репрессиями⁴.

Заметим лишь, что поисками документальных источников занимались соответствующие органы всех политических режимов. Естественно, большевистское руководство было заинтересовано прежде всего в приобретении документов, важных для характеристики их собственной истории или вождей их партии. Не случайно эмиссар Института В.И.Ленина Н.С.Ангарский писал 2 июня 1923 г. из Берлина директору Института Л.Б.Каменеву, что Р.М.Плеханова предлагает обменять имеющиеся у нее 30 писем Ленина на письма ее мужа и что то же можно сделать при помощи писем Мартова и Аксельрода. В сентябре–октябре 1923 г. такой обмен подлинниками писем состоялся. 21 июня 1923 г. Ангарский сообщал Каменеву о разговоре с хранителем Архива русской революции в Берлине, Г.М.Вязьменским, который при помощи Николаевского хотел начать издание архива Аксельрода. Вязьменский заверил Ангарского, что доход от издания книг не пойдет меньшевикам, и показал план издания. В нем предполагалось опубликование из архива Аксельрода его переписки с Мартовым в двух томах до 1917 г. Он предлагал закупить эти книги для российских библиотек. 30 августа 1923 г. Ангарский писал Каменеву о новой встрече с Р.М.Плехановой, сообщившей ему, что письма Аксельрода Плеханову она отдала Аксельроду и они будут опубликованы. Письма Ленина Плеханову хранились в Берлине у Л.Е.Гальперина, и Ангарский по договоренности с Плехановой отослал их в Москву⁵. Николаевский в письме Р.М.Плехановой от 27 июля 1923 г. сообщал подробности подобных обменов: «Мы даем все письма Ленина, включая имеющиеся у нас рукописи его работ; они дают все письма П.Б.(Аксельрода) и все письма Мартова. Вопрос об обмене штука на штуку мы не ставили, т. к. получали, несомненно, значительно большее число писем, чем даем. Обмен производится оригиналами,

право издания передается получившим оригиналы, т. е. письма Ленина к П.Б. могут издать только они, письма П.Б. и Мартова можем издать только мы". Ангарский и Каменев оговаривали, что покупать для российского читателя они будут только сборники с материалами до 1917 г. "Это последнее, — писал Николаевский, — и наше собственное желание, т. к. о многом последующем еще рано говорить". Для готовящегося сборника писем Мартова он просил Плеханову прислать ему копии его писем ее мужу⁶.

Многие российские социал-демократы, оказавшиеся в 20-е годы за рубежом, были готовы к сотрудничеству с советскими издательствами. 7 октября 1924 г. Аксельрод писал Рязанову, что не возражает против публикации собрания его сочинений в серии "Библиотека современного социализма" под редакцией Потресова⁷. 2 апреля 1925 г. Потресов писал Николаевскому, что уполномочивает его на ведение переговоров, связанных с изданием и продажей протоколов II съезда РСДРП. 27 апреля он сообщал Николаевскому: "...рассчитывать на выпуск Ангарским писем Ю.О. [Мартова] и моих не приходится (хотя дочь мне и пишет многословные письма, будто Ангарский надеется получить из центра благоприятный отклик)". 28 января 1927 г. Потресов в письме Николаевскому выражал надежду, что, может быть, удастся что-то получить за оригиналы имеющихся у него писем⁸.

Наиболее известны публикации переписки Аксельрода с Мартовым и Плехановым. Один из основных организаторов этих изданий — Николаевский в введениях к ним подчеркивал непреходящую ценность писем как исторического источника. По словам авторов предисловий к изданиям, "переписка — это лишь небольшая часть материала, нужного для понимания эпохи, людей, дел, партийного и общественного развития, но часть в своем роде необходимая и незаменимая"⁹. Они подчеркивали

отражение в письмах Аксельрода, Мартова, Плеханова и Потресова вопросов внутрипартийной борьбы, творческих исканий, душевных переживаний их авторов. К.И.Захарова-Цедербаум, прочитав в ссылке часть опубликованных писем, сообщила Л.Я.Эстриной 28 июля 1928 г., что опубликованные письма В.И.Засулич и П.Б.Аксельрода заставили “почувствовать особенно сильно их нравственное величие”¹⁰.

В коллекции документов Николаевского (НИА) находится большое число писем, в которых рассказывалось о подготовке эпистолярных изданий и о том, какое огромное значение придавали владельцы писем их публикации. 8 июня 1923 г. Николаевский писал Р.М.Плехановой, что подготовка писем Плеханова и Аксельрода задерживается из-за отсутствия согласия последнего. Поэтому он предлагал сначала опубликовать письма Плеханова Аксельроду, а письма Аксельрода Плеханову временно отложить. Когда Плеханова начала настаивать на изъятии отдельных мест из писем мужа, а также из публикуемых писем Мартова, Николаевский ответил, что удивлен несправедливостью ее упреков, так как в своей работе руководствуется “одним желанием: сделать издание достойным тех, чьи письма в нем публикуются”. Он был не согласен с запретом Плехановой на публикацию писем, найденных им в архивах, поскольку “тогда теряется сам смысл поиска”. Николаевский возражал и против замалчивания некоторых фактов, например факта поддержки Плехановым Ленина на II съезде РСДРП¹¹.

Издание переписки Аксельрода и Мартова вызвало неоднозначную реакцию, т. к. были живы еще многие участники и очевидцы описываемых в ней событий. Р.М.Плеханова возмутилась изданием писем Мартова Ю.Чацкому (П.А.Гарви). В первом из них, от 23 апреля 1912 г., Мартов писал об “агрессивной компании Ленина, Плеханова”, дискредитирую-

щей меньшевиков; во втором, от 13 августа 1913 г., Мартов назвал отношение Плеханова к “ликвидаторам” “мелкой мерзостью”. В письме Мартова Аксельроду 27 сентября 1909 г. говорится о “предательском нападении Плеханова”, затруднившем положение¹². Редакторами тома были Ф.И. и Л.О. Дан и Б.И. Николаевский. Готовя том писем к изданию, Николаевский со многими советовался для создания полноценных комментариев. Так, 21 октября 1923 г. он просил редактора журнала “Летопись революции” М.Г. Когана (Гриневича) сообщить, какое он имел отношение к редакции “Рабочей мысли” и подробности о работе III съезда “Союза русской социал-демократии”¹³.

Р.М. Плеханова весь 1923 г. требовала от редакторов исключения негативных оценок ее мужа в письмах Мартова. 28 января 1923 г. Николаевский разъяснял ей, что эти оценки нельзя “рассматривать как выпад против Г.В. [Плеханова]. Достаточно прочесть предыдущие страницы книги с отзывом о Бельтове (Плеханове. — *И.У.*), чтобы отбросить это предположение”. Николаевский писал, что не может согласовать с Мартовым этот вопрос, так как он тяжело болен¹⁴. Уже после выхода “Писем”, 3 февраля 1924 г., Ф.И. и Л.О. Дан обосновывали в письме Р.М. Плехановой “резкое слово, сорвавшееся (с пера Мартова. — *И.У.*), “в связи с именем Г.В. Плеханова”. Они не видели смысла в публикации “политической переписки” без того, чтобы ввести читателя “в самую лабораторию идей... показать ему деятелей эпохи во всем их человеческом обличье — с их силою... слабостью... подъемами... и падениями, с их страстью, терзаниями и трагическими коллизиями”. Они писали о той клевете, которая обрушивается на меньшевиков их противниками, и подчеркивали, что не хотели стать “такими же фальсификаторами истории и исторических документов”¹⁵.

Николаевский ответил Плехановой двумя пись-

мами (от 4 и 8 февраля 1924 г.), где писал, что ко всем изданиям относится как историк и согласен с редакционной коллегией сборника “Писем”, которая сочла нужным печатать письма Мартова “полностью, без выкидок”. Он подчеркивал, что научные издания документов необходимы для беспристрастного изучения истории российской социал-демократии. Николаевский соглашался с Плехановой лишь в том, что время борьбы Плеханова с меньшевиками было печальным явлением в его взаимоотношениях с Мартовым и в истории партии в целом. Он считал, что сокращать исторический документ нельзя, тем более что никакие резкие частные оценки не могут умалить личность Плеханова¹⁶. Из писем видно, что в это время обсуждалась структура следующего сборника писем Аксельрода и Плеханова. Николаевский решительно возражал против выделения при публикации в отдельный том их писем периода существования группы “Освобождение труда”, считая, что они должны печататься вместе с письмами, относящимися к другим периодам. Он не понимал и отказа Плехановой издавать этот том писем в Берлине, в издательстве “Русского революционного архива”. Тогда, видимо, был найден компромисс, и письма Плеханова и Аксельрода были опубликованы полностью, но в Москве¹⁷.

Составители томов сожалели о невозможности издать переписку полностью в связи с утратой многих писем, в особенности находившихся в парижском архиве Ф.И.Дана. Переписка Аксельрода с Мартовым продолжалась до смерти последнего, а с Плехановым, который, по выражению его жены, только Аксельроду открывал “нагую душу” — до 1909 г., когда она прекратилась в результате внутрифракционных разногласий¹⁸. В тома вошли не только письма Плеханова и Аксельрода, но и письма другим адресатам и даже прокламации, неизданные статьи и воспоминания Аксельрода о встречах с С.И.Спonti

и В.И.Ульяновым. Нельзя не согласиться с составителями томов в том, что значение всех этих документов, “с точки зрения изучения истории революционного движения в России, трудно преувеличить” и что мимо них “в будущем не сможет пройти ни один читатель, которого по-серьезному заинтересует история российской социал-демократии, история развития последней от маленькой пропагандистской группы “Освобождение труда” до огромной политической партии, сыгравшей первостепенную роль в судьбах нашей страны”¹⁹.

Нет нужды специально и подробно анализировать эти прекрасно откомментированные сборники, не оставляющие сомнений в подлинности и достоверности публикуемых в них документов. Заметим другое: последнее опубликованное в них письмо Мартова Аксельроду датировано 21 сентября 1916 г.; письмо Аксельрода Плеханову — 25 января 1909 г. Но известны множество писем Мартова Аксельроду и после указанного письма, а у Плеханова, Аксельрода и Мартова были и многие другие корреспонденты, с которыми они активно переписывались. Часть этой переписки опубликована, другие еще ждут своего издания. В 20-е годы многие письма издавались в “Ленинских сборниках”. Письма социал-демократических лидеров, в основном из архива А.Н.Потресова, были опубликованы и в сборнике “Социал-демократическое движение в России”²⁰. В него вошли письма Аксельрода, Засулич, Ленина, Р.Люксембург, Парвуса, Плеханова к Потресову, письма Потресова к Аксельроду и другая корреспонденция. Первое письмо П.П.Маслова к Потресову датировано 23 декабря 1895 г., последнее — Р.Люксембург к Аксельроду — 24 июля 1914 г.

Потресов вспоминал, готовя этот сборник к изданию, что сохранились только 4 письма Ленина к нему, т. е. лишь небольшая часть той переписки, которая была между ними в 1898–1899 гг. “Пропали,

по-видимому, все мои письма того времени к Ленину, а из писем Ленина кое-что у меня затерялось, кое-что было — увы! — тогда же уничтожено из конспиративных соображений”. Он подчеркивал, что в этих письмах рассматривались подготовительные шаги к встрече после ссылки в Пскове, вопрос об издании нелегального журнала или газеты для борьбы с “экономизмом” и ревизионизмом. По мнению Николаевского, “тройственный союз” был заключен Лениным, Мартовым и Потресовым в переписке перед окончанием ссылки каждого, а детали его разрабатывались в письмах Ленина и Потресова, т. к. Мартов был дальше всех, в Туруханской ссылке²¹.

Потресов отмечал в комментариях к переписке с Лениным, что в ней присутствовало одно его разногласие с ним методологического порядка. Оно было связано с утверждениями в статье Ленина “От какого наследства мы отказываемся?” (1898) об объявлении предшественником марксизма в России писателя Скалдина (Ф.Еленева, позднее царского цензора). Потресов писал: “...формальное сходство идей еще не указывает на подлинную идеологическую близость. В своих тогдашних “журнальных заметках”, носивших подзаголовки “О наследстве и наследниках”, я именно и доказывал обратную тезу, т. е. что формальное несходство идей может не мешать и не должно мешать признанию истинными наследниками демократии 60-х годов марксистов социал-демократов. Как видно из писем Ленина ко мне, и он не видел в этом споре с ним какого-либо существенного расхождения”²².

Потресов писал свои комментарии для сборника, изданного в СССР, где в то время всякая критика по адресу Ленина была запрещена. С ним был согласен и Николаевский, ответственный за комментирование этого сборника. Однако в статье о Потресове, опубликованной в Париже в 1937 г., Николаев-

ский, лишенный в 1932 г. советского гражданства, рассказывает об этом по-другому. По его словам, проблема генеалогического “дерева российского марксизма” привлекала в 90-е годы внимание многих. Статья Ленина с примером Скалдина была неудачной. Потресов видел предшественников российского марксизма в Чернышевском и народо-вольцах. Поэтому он выступил против утверждения Ленина. “Из сохранившихся отрывков... переписки... видно, как слабо защищал свои позиции Ленин, который, очевидно, ясно понял фальшивость своего положения, — писал Николаевский. — По рассказам А.Н. [Потресова] и других лиц, которые в свое время читали не дошедшую до нас часть переписки... этот спор закончился признанием Ленина, что он ошибся и вообще “некомпетентен” в подобного рода вопросах”²³.

В 20-е годы Николаевский публикует официальное письмо членов ЦК РСДРП (март 1898 г.), избранных I съездом, заграничному “Союзу русских социал-демократов”, в котором они извещали о создании партии²⁴; а затем два письма (октябрь 1903 г.) о расколе на II съезде партии. По его мнению, их автором был Троцкий, пришедший к выводу, что тогда была “Ленину и Плеханову отдана в руки фактически вся партия”.²⁵

Однако немало писем деятелей российской социал-демократии, написанных ими в 1917 г. и позже, длительное время оставались малоизвестными, хотя и цитировались в отдельных работах, изданных за рубежом. В 1958 г. Николаевский откликнулся на предложение Л.О.Дан дать в готовящийся к изданию сборник о Мартове несколько писем. Он писал ей: “Письма Ю.О. [Мартова] я, конечно, дам. Но какие и сколько? Думаю, правильное всего будет, если Вы решите, сколько места для них Вы можете отвести, и потом... мы выберем, что более подходит. Есть ряд очень больших и интересных писем

за 1918–1920 гг. не только к Аксельроду, но и к Каутскому, Штейну, Щупаку, Еве Львовне [Бройдо]”. В сборнике были опубликованы два письма Мартова: к Н.С.Кристи (30 декабря 1917 г.) и П.Б.Аксельроду (5 апреля 1921 г.)²⁶.

Выбор для публикации именно этих писем Мартова можно объяснить тем, что оба они разъясняют его позицию по отношению к установившемуся в стране большевистскому режиму. В письме Кристи Мартов писал о том, что “насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране – бессмысленная утопия”, что он “органически неспособен примириться с тем аракчеевским пониманием классовой борьбы, которая порождается тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве”. Мартов писал о себе как о стороннике индивидуальной свободы и возмущался расцветом в России “окопно-казарменного” квази-социализма. Он провидел, что страна движется “через анархию – несомненно, к какому-нибудь цезаризму, основанному на потере всем народом веры в способность самоуправляться”.

Письмо Аксельроду было ответом на критику последним взглядов Мартова на политику большевиков. Аксельрод считал большевистский якобинизм “трагической пародией своего прообраза, выросшей на психологической основе геростратизма и “сверхчеловеческого” аморализма”. В отличие от Мартова он отрицал пролетарский характер Октябрьского переворота. Мартов возражал ему, полагая, что, пока большевиков поддерживает значительное число рабочих, их нельзя свергать или не признавать, что нужно бороться за исправление большевистской политики²⁷.

В 1985–1987 гг. усилиями прежде всего бывшего меньшевика и сотрудника Международного института социальных исследований в Амстердаме Б.М.Сапира была издана переписка Ф.И. и

Л.О.Дан²⁸. В них нет писем за 1917 г. Сапир сожалел, что ему не удалось опубликовать письма за этот год Дана, хранившиеся у Николаевского. Составители сборника документов о меньшевиках в 1917 г. издали одно из них. Это письмо Дана Аксельроду от 4 декабря 1917 г., в котором приход большевиков к власти характеризуется как “ленинский переворот”, “огромный солдатский бунт, бунт 10-миллионной армии, захотевшей мира во что бы то ни стало”²⁹.

Первое из опубликованных писем Ф.И.Дана датируется 4 сентября 1899 г., последнее — 1 июля 1946 г. Это письма множеству корреспондентов, среди которых были Потресов и К.Каутский, Аксельрод и Мартов. Первое вошедшее в сборник письмо Л.О.Дан написано 18 февраля 1906 г., последнее — 12 февраля 1957 г. Среди ее корреспондентов П.Б.Аксельрод, Н.В.Вольский (Валентинов), Е.Д.Кускова и др. Особенно интересны ее сведения о меньшевистской эмиграции 50-х гг.

Из личных писем меньшевиков 1917 г. наиболее известны письма Мартова Надежде Самойловне Кристи, написанные им в Швейцарии, а затем в России, куда он вернулся в начале мая. Большинство из них хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (Москва), отдельные письма есть и в коллекции Николаевского в Гугеровском историческом архиве (Стэнфорд, США). Многие из них опубликованы и стали предметом изучения в качестве исторического источника³⁰. Подлинность опубликованных писем Аксельрода, Плеханова, Мартова, Ф.И. и Л.О.Дан не вызывает сомнения³¹. Что же касается достоверности передаваемых в них сведений и характеристик отдельных политических фигур, то в каждом конкретном случае эти данные заслуживают специального рассмотрения.

Мартов в письмах предстает живым человеком с

его сомнениями перед принятием решения, правом думать и советоваться с близкими, объясняя им мотивы своих поступков. Мартов был необычайно цельным человеком, для которого нравственные мотивы, как правило, составляли основу его политических решений. Поэтому без понимания его жизненной позиции трудно исследовать его политические воззрения. Личные письма Мартова свидетельствуют о его глубоких раздумьях не только о политике, но и о жизни, о близких, о себе. Их содержание противостоит мнению тех исследователей (И.Гетцлер, Д.Волкогонов, В.Тумаринсон и др.), которые пытаются выявить нерешительность Мартова, объясняя ее присущим ему гамлетизмом или приверженностью идеологическим догмам³².

По нашим подсчетам, из более двух десятков писем Мартова Кристи, хранящихся в РГАСПИ, не издана примерно треть, а в ряде опубликованных опущены тексты, которые, видимо, не представляли для составителей большого интереса. Не приводятся, в частности, обращения Мартова к обожаемой им женщине, характеристики отдельных деятелей, рассказы о личной жизни и о публикациях его работ. В первом по датировке письме Кристи от 30 марта 1917 г. Мартов просил, “не стеснясь”, писать об интересующих ее политических вопросах. “И время и охоту отвечать тебе я найду, будь спокойна. Всегда ли ответ удовлетворит тебя, другое дело: положение сейчас такое сложное, такое новое, что многое приходится творить заново и нет всегда достаточно уверенности”³³. Это предложение Мартова позволяет думать, что некоторые политические оценки, данные Мартовым в последующих письмах Кристи, были ответами на ее вопросы.

В письмах к Н.С.Кристи Мартов очень внимателен и сердечен. 4 мая 1917 г. он писал, как расстроен прощанием с ней перед отъездом из Швейцарии в Россию. Ему казалось, что все прошло как-то “вяло

и бледно”, потому что он болен и “страшно физически устал”, хотя у него есть и “исключительная способность временно собирать и напрягать силы до максимума и с маленькими... ресурсами достигать больших результатов”³⁴. Мартов писал ей о своей простуде и покупке костюма и пальто для поездки в Россию, о том, как сложна эта поездка через Германию, что к нему как публицисту снова возник интерес и появились заказы на статьи из ряда зарубежных журналов, а в России переиздают его брошюры, что сам он читает только периодику, т. к. “нервы очень напряжены”. Отъезд большевиков из Швейцарии в Петроград не вызвал у него “большого раздражения: очень уж заметно, что им самим немного неловко и что они чувствуют, что совершают пакость вообще и по отношению к остальным в частности”³⁵.

Мартов писал Кристи и из России. Он сообщал о себе 17 июня 1917 г.: “Чувствую себя, надо признать, плохо... Вечное ощущение переутомления, простуды, какое-то оцепенелое состояние. Абсолютно нет возможности вести сколько-нибудь урегулированный образ жизни, есть вовремя, ложиться раньше утра и т. д. Даже с людьми некогда видаться. Живу с сестрой Лидией, с братом Сергеем и его женой, а остальных трех сестер, живущих в Питере же, почти не вижу”³⁶. 8 августа Мартов сообщал об аресте Луначарского и Троцкого. Он считал это “дикостью”, которая не мешает ему смотреть на будущее без пессимизма, потому что “скоро от кошмарных июльских переживаний останется лишь скверное воспоминание”. Мартов просил Кристи писать ему: “Мне твои письма очень нужны. Особенно сейчас, когда чувствуешь какое-то ужасное одиночество в этой громадной, в хаосе бурлящей стране”³⁷.

В письмах Мартова довольно много информации об общих знакомых, но только о Ю.М.Стеклове в них говорится с юмором³⁸. Суханов относился к

Стеклову более серьезно и даже назвал его “выдающейся фигурой революции”³⁹. Но, наверное, люди мечущиеся, тщеславные, официально менявшие фамилии, а не выступавшие под временными псевдонимами, вызывали у Мартова насмешливое отношение к себе.

Опубликованы письма Мартова Аксельроду (19 ноября, 1, 30 декабря 1917 г.), в которых он разъяснял свою оценку ситуации в России. Она выражалась в словах: “Самочувствие наше, как можете догадываться, весьма плохо. Присутствуешь при разгроме революции и чувствуешь себя беспомощным что-нибудь сделать”⁴⁰. Часть писем Мартова за 1917–1922 гг. пока не опубликована. Так, в сборнике его писем за 1916–1922 гг.⁴¹ нет письма Каутскому от 25 марта 1917 г., в котором он жаловался на то, что находится вне России в такое время, когда там “происходят решающие события”, выносящие “наружу множество путаников различных оттенков”. Не опубликовано письмо Мартова Альфреду Мергейму (26 июня 1920 г.), в котором он возмущался поведением западных социалистов, считавших возможным критиковать большевиков только тогда, когда они начинали им угрожать. Но, разъяснял Мартов своему корреспонденту, “к несчастью, русским медведям недостаточно, что они рай строили для себя: как людям фанатической веры им нужно, чтобы весь мир их благословил!”. Все эти и другие до сих пор неизданные письма хранятся в Гуверовском историческом архиве и архиве Института социальной истории в Амстердаме. Издание полностью всех писем Мартова за период после 1917 г. представляется насущной задачей. Ведь, по оценке Аксельрода, они «рисуют яркую картину человеческого бытия в царстве “коммунистической революции”»⁴². Аксельрод придавал письмам Мартова необычайно большое значение. 30 августа 1918 г., получив письмо от Мартова, он писал Каутскому, что

“самый талантливый (после Плеханова) в русской партии Мартов был избран в качестве делегата” на конгресс в Стокгольм, и предлагал своему корреспонденту вместе с Мартовым обсудить российские внутрипартийные дела и споры, потому что разница между способом борьбы Розы Люксембург в Германии и борьбой Ленина... против них еще большая⁴³.

Идеологом, объединявшим меньшевиков всех направлений, особенно оказавшихся в эмиграции, в 1918–1928 гг. был Аксельрод. Церетели писал ему 6 января 1920 г., что не может быть толкователем взглядов Мартова, т. к. давно оторван от России. Но то, что за границей интересы меньшевиков представляет Аксельрод, является для них “большим облегчением в их нынешней трудной работе”⁴⁴. Аксельроду писали многие, к нему обращались за помощью, и он, как правило, отвечал и в помощи не отказывал⁴⁵. Отсюда его неимоверно обширная переписка.

Аксельрод был в России с мая по август 1917 г., его избрали председателем ЦК РСДРП, а затем представителем партии на международных социалистических конференциях. Он переехал в Стокгольм, где вскоре начал читать лекции, обличавшие захвативших власть большевиков. Там же им была сформулирована идея “социалистической интервенции” в Россию в виде комиссии из крупнейших лидеров социалистического движения различных стран мира, которые бы поехали в советскую страну и организовали давление на большевиков от имени международного пролетариата с целью демократизации советской системы⁴⁶.

Переписка Аксельрода хранится в различных архивах. В 1917 г. одним из его корреспондентов был И.А.Виляцер. В письме от 15 марта 1917 г. он сообщал Аксельроду, что живет в эмиграции, в Копенгагене, и в связи с этим просил дать ему совет: ехать в

революционную Россию или нет? По его мнению, в России пришла к власти партия патриотов, намеренная продолжать войну. Ее он поддерживать не может. С другой стороны, новое правительство стало “могильщиком старого порядка”, что производит на него благоприятное впечатление. 25 марта Виляцер писал Аксельроду, что ленинский призыв к недоверию Временному правительству представляется ему “абсолютнейшим вздором”, т. к. это грозит расколом среди тех, кто опрокинул самодержавие. Он видел в Аксельроде наивысший авторитет и призывал его скорее вернуться в Россию, где “бурная демократическая стихия захлестывает социалистическое нутро...”⁴⁷.

В 1920 г. письма Мартова в адрес Аксельрода и других его корреспондентов были полны тревоги за политическую и экономическую судьбы России. В своем большинстве они опубликованы, правда с купюрами, Ю.Г.Фельштинским⁴⁸. Но значительная часть эпистолярного наследия Аксельрода еще ждет издания. Есть в этой корреспонденции и письма о Мартове, авторами которых были многие тогдашние эмигранты-меньшевики. Аксельрод очень ждал приезда Мартова из России за границу. 7 июня 1920 г. Е.Л.Бройдо сообщила Аксельроду, что его письмо Мартову отправлено “через верную оказию”. 15 августа она сообщила ему, что все его письма Мартовым получены и что он и Абрамович собираются уехать из России, что с ним встречались в Москве представители итальянской профсоюзной делегации и говорили “с разрешения властей, но без присутствия жандармов”⁴⁹.

30 августа Аксельрод писал С.Д.Щупаку, что ждет Мартова и написал знакомым в Берлин, чтобы его немедленно известили о приезде старого товарища. Он был готов послать Мартову денег на “разъезды и жизнь”. А через месяц, 30 сентября в открытке

Щупаку Аксельрод ликовал в связи с приездом Мартова и собирался хлопотать о визе для него в Швейцарию и Францию⁵⁰. 20 октября 1920 г. Е.Л.Бройдо писала Аксельроду, что Мартов живет у них. “Выглядит он очень неважно, но в общем он здоров, и я надеюсь, что постепенно поправится. Я была с ним в Галле. Его речь произвела потрясающее впечатление. Она печатается теперь отдельным изданием в 100 тысяч экз.”. Бройдо выражала опасения, что Абрамовича могут не выпустить из России, т. к. большевистские власти “страшно взбешены и теперь только догадались, какую оплошность они сделали, пустив Ю.О. [Мартова] за границу”⁵¹.

Письма Церетели Аксельроду свидетельствуют о том, насколько серьезно они обсуждали позицию Мартова по отношению к большевизму и как надеялись на ее изменение. В письме от 12 ноября 1920 г. Церетели радовался приезду Мартова, надеясь на то, что положение в Европе и беседы с Аксельродом “убедят его в необходимости изменить принципиальную позицию по отношению к большевизму”. В следующем письме Аксельроду (29 ноября 1920 г.) Церетели соглашался с ним в том, что Мартов и его сторонники в России проявляют в борьбе с большевиками “прямо геройскую смелость и самоотверженность, но в смысле политическом их оппозиция чрезвычайно несмела и потому бесплодна”. Через два года, после встреч с Мартовым и Даном, он снова писал Аксельроду 17 марта 1922 г., что “на своей “октябристской” позиции по отношению к большевикам они стоят твердо, храня суеверное почтение к “завоеваниям революции”, отстаиваемым большевиками. Но в частном разговоре они гораздо резче отзываются о хулиганской натуре большевизма. Противоречие между их анализом политики большевизма и их собственными политическими выводами остаются вопиющими”⁵².

Эти письма являются отголосками той полеми-

ки, которую вели сторонники резко негативного отношения к большевистскому режиму в советской России (Аксельрод, Церетели и др.) с Мартовым, призывавшим критиковать большевиков, но не свержать их. Полемика эта завершилась в 1922 г., когда Мартов в статье “Наша платформа” полностью отказался от поддержки большевистского режима как протобонапартистского извращения революции, хотя по-прежнему продолжал считать главной задачей “возможно безболезненный переход от режима диктатуры большевистской клики к режиму демократической республики”⁵³.

Письма, поступавшие от меньшевиков из России, отличались от переписки эмигрантов. Первые сообщали о терроре и карательных действиях большевистских властей, вторые были больше заняты решением теоретических вопросов и выработкой новой программы партии в быстро менявшихся постреволюционных условиях. Р.А.Абрамович 30 мая 1920 г. писал Аксельроду о запуганности людей в советской России и полагал, что в этой ситуации “существование какой-либо оппозиции... немыслимо”. “Данная власть либо требует беспрекословного, молчаливого и полного подчинения, либо же насильно гонит к переходу от линии оппозиции к тактике революционной по отношению к данному режиму. По отношению к нам эта провокация не удастся”⁵⁴. Меньшевики, жившие тогда в России, протестовали против развязанного большевиками террора, направленного на уничтожение РСДРП, арестов своих товарищей по партии и писали о тяжелом положении заключенных⁵⁵.

В письмах обсуждалась судьба РСДРП, положение в России. Д.Далин 31 декабря 1923 г. утверждал, что говорить о партии меньшевиков в России не приходится. После выхода из тюрем многие из них становятся либо обывателями, либо большевиками. В стране исчезли эсеры, кадеты, на очереди — мень-

шевики. Пока в СССР вновь не забурлят политические страсти, РСДРП восстановить не удастся. Он поздравлял своих коллег с Новым годом и “предлагал выпить рюмку водки, чтобы поскорее кончился неизбежный, но постылый период полубытия”. Ф.Дан же в своем письме российскому корреспонденту 10 марта 1925 г. предлагал на условиях отказа большевиков от террора, проведения свободных выборов в Советы и других демократических инициатив объявить о готовности сотрудничества с ними⁵⁶.

Меньшевики из России сообщали о распаде партии, эмигранты сочувствовали и давали советы⁵⁷. Аксельрод своего отрицательного отношения к приходу к власти большевиков и проводимой ими политике не менял. Особенно его возмущало то обстоятельство, что, “прикрывая свои безумства и преступления именем Маркса и лозунгами международного пролетарского социализма, большевики грязнят и позорят наше знамя и делают международный социализм ответственным в глазах несоциалистического мира за политическую систему, являющуюся прямым отрицанием всех дорогих нам принципов и лучших традиций пролетарского движения”⁵⁸.

Аксельрод получал и множество сугубо личных писем, к которым относился с максимальным вниманием, полагая, как он сам формулировал, что “личная драма, с какой бы стороны она ни царапала душу, есть лишь кусочек большой коллективной трагедии”⁵⁹.

Разумеется, среди этих писем было множество деловых. В них обсуждались, в частности, и новые вышедшие книги. Так, например, Аксельрод в отзыве о книге Потресова “В плену иллюзий”⁶⁰ отстаивал свое неприятие большевистской диктатуры и заявлял о несогласии с теми из меньшевиков, кто стоит за какие-либо соглашения с правителями

СССР. Он считал, что меньшевиков нужно называть просто социал-демократами, “оставив истории” эту навязанную им большевиками “кличку”. Насколько можно судить по тексту письма и по содержанию беседы Аксельрода с Б.М.Сапиром, книга Потресова произвела на Аксельрода не совсем благоприятное впечатление.

Среди дореволюционных неизданных писем меньшевиков выделяются два тома переписки Мартова с Потресовым, машинописная копия которой хранится в коллекции Николаевского в Гугеровском историческом архиве. Потресов мечтал опубликовать эти письма отдельным изданием. В сборник “Социал-демократическое движение в России”, который создавался на основе его архива и в составлении которого он принимал самое деятельное участие, включена его переписка с Аксельродом, Засулич, Лениным, Р.Люксембург, Масловым, Плехановым и др. Но свою переписку с Мартовым он в том не включил и берег для отдельного издания⁶¹. К сожалению, эта переписка полностью не опубликована до сих пор. Письма Мартова и Потресова, безусловно, представляют большой научный интерес, характеризую отношения этих двух выдающихся социал-демократов, эволюцию их взглядов на строительство партии, обстановку в стране и мире и т. д.

Сборник начинается с письма Мартова Потресову из Туруханска, написанного еще в 1898 г. Он сообщал, что живет в тундре, получает письма от В.И.Ульянова, живущего в “прекрасной деревне”. Следующее письмо Мартова Потресову датировано 4 марта 1903 г. Можно лишь сожалеть, что часть писем-ответов не сохранилась. В письмах 1903 г. речь идет об уставе партии, который предстояло принять на II съезде РСДРП. В 1904 г. обсуждались отношения с Плехановым в редакции “Искры” и конфликты с Лениным. Аналогичные вопросы, связанные с отношениями между двумя фракциями пар-

тии и их видными деятелями ставились и в последующих письмах. В них очень много сведений о совместном участии Мартова и Потресова в различных изданиях, особенно в создании многотомника по истории общественного движения в России в начале XX века. Негативное отношение Плеханова к своей статье для этого издания Потресов назвал “канителью” (23 октября 1908 г.). В ответ (30 октября 1908 г.) Мартов заметил, что у Плеханова, видимо, “неизлечимая болезнь великого человека”, что и проявилось в его отношении к статье Потресова. В письме Мартову от 18 ноября 1908 г. Потресов признавал, что различия между ним и Плехановым в оценке прошлого вполне естественны. Но, спрашивал Потресов, неужели для того, чтобы об этом прошлом писать, нужно согласие всей редакционной коллегии? В этом вопросе, писал он, едва ли можно достигнуть большого единогласия, но бояться этого различия мнений было бы нелепо. “Я припоминаю Ваши слова, сказанные Вами по поводу статьи Мартынова, что, вздумай он сказать все, что он думает об этом прошлом и, в частности, о взглядах в различные периоды нашего прошлого Плеханова, из сего получился бы большой скандал. Памятуя это и в интересах мира я буквально испортил свою статью, потому что, говоря о таких центральных вещах, как о так называемой “гегемонии”, я должен был так же недоговаривать, как я недоговаривал вообще о группе “Освобождение труда”, и благодаря этому не мог установить связи между группой “Освобождение труда” и теми условиями, которые ее создали и внесли много специфических черт в ее взгляды. И все-таки получился крах... Это значит, что действительно нет возможности пересматривать наше идейное прошлое за всю четверть века, — нельзя потому, что как осторожно ни танцуй, а на чью-либо любимую мозоль наступишь”.

В этих письмах есть весьма интересные размыш-

ления о программе партии по политическому переустройству России, решению национальной проблемы и многим другим актуальным и злободневным вопросам российской жизни. Читая эти письма, понимаешь, почему Потресов так хотел их издать.

Безусловно, заслуживает внимания переписка Мартова и Полины Гордон – женщины, мечтавшей выйти за него замуж. 21 февраля 1897 г. она писала ссыльному Мартову в Туруханский край: “Для меня теперь переписка с тобой – все, положительно весь интерес дней, недель и месяцев этой жизни... Я даже вообразить не хочу, что будет, если перестану получать твои письма”⁶². Мартов отвечал ей и после возвращения из ссылки, когда в 1904 г. сообщал о своих делах, конфликтах в редакции “Искры” и т. д.⁶³ Но они так и не поженились, хотя переписка весьма любопытна не только с точки зрения их личных отношений, но и с точки зрения того, что каждого из них в то время интересовало⁶⁴.

Среди писем, опубликованных в 30-е годы, наиболее известным является “Письмо старого большевика”, написанное и опубликованное Николаевским на основании своих встреч с Бухариным в 1936 г.⁶⁵ О встречах Бухарина в Париже с Николаевским и Даном достаточно известно, как и о том, что его миссия по закупке архива К.Маркса закончилась тогда неудачей⁶⁶. Письмо было посвящено сталинским репрессиям 30-х гг. и происходившим тогда политическим процессам. В письме Николаевский хотел показать отношение к ним старого большевика, не занимавшего уже крупные посты в СССР, чтобы представить позицию тех, кто длительное время находился в оппозиции к царским властям и теперь стал свидетелем становления режима личной власти Сталина. Поэтому вывод этого письма состоял в том, что старые большевики – “не строители, а критики и разрушители” – неминуемо

должны были уйти из властной политической элиты, и Сталин избрал для этого путь их физической ликвидации. Автор письма от имени созданного им собирательного образа “старого большевика” замечал: “Все мы, большевики, у кого есть мало-мальски крупное дореволюционное прошлое, сидим сейчас каждый в своей норке и дрожим. Ведь теоретически доказано, что мы являемся все нежелательным элементом в современных условиях. Достаточно попасть на глаза кого-либо из причастных к следствию, чтобы наша судьба была решена. Заступиться за нас никто не заступится”⁶⁷. Это письмо наводило на мысль о бесславной судьбе “ленинской гвардии” в советской стране: из победителей они становились изгоями и “врагами народа”.

Среди массива писем, хранящихся в Гуверовском историческом архиве и архиве Международного института социальной истории в Амстердаме, выделяются письма меньшевиков, написанные в конце 50-х — начале 60-х гг., когда, воодушевленные работой над “меньшевистским проектом”, они активно переписывались друг с другом по вопросам истории меньшевизма. Среди них переписка Л.О.Дан с Н.В.Вольским, Е.Д.Кусковой⁶⁸ и др., а также переписка Б.И.Николаевского с Б.К.Сувориным. В письмах последнему Николаевский дважды (16 мая, 12 июля 1958 г.) упоминал о встречах с Бухариным, с его слов рассказывал о том, как он был направлен представителем политбюро ЦК РКП(б) в коллегии ВЧК и именно ему В.Н.Розанов и А.Н.Потресов обязаны своим спасением от расстрела⁶⁹.

В 1998 г. к 70-летию Дома Плеханова “Исторический архив” опубликовал ранее не изданные письма Мартова и А.И.Бадабановой Плеханову, Ф.И.Дана к Засулич и Плеханову к А.И.Любимову⁷⁰. Все они хранятся в архиве Дома Плеханова, написаны до 1917 г. и касаются различных вопросов жизни РСДРП. Публикатор писем Мартова Н.А.Каза-

рова справедливо подчеркивает, что в письмах 1905–1907 гг. Мартов и Плеханов выступают единомышленниками, хотя в них и нет той симпатии друг к другу, которой отличается переписка Мартова и Аксельрода⁷¹.

А.И.Балабанова в своих воспоминаниях пишет о последней встрече с Плехановым в 1914 г., вскоре после начала первой мировой войны. По ее словам, именно Плеханову, наряду с Марксом, Энгельсом и Антонио Лабриола, она была обязана приобретением и углублением своего материалистического, марксистского мировоззрения. “Он был для меня всегда гармоничным воплощением интеллектуального и морального благородства”. Поэтому разрыв отношений с ним из-за разного отношения к начавшейся войне стал для Балабановой настоящей трагедией. Плеханов выступал как оборонец, а Балабанова считала войну несправедливой с обеих сторон и выступала за немедленное ее прекращение⁷².

Т.А.Богданова, подготовившая к изданию переписку Ф.И.Дана и В.И.Засулич за 1907–1916 гг., приводит отрывки и из писем Л.О.Дан и И.С.Блюменфельда к ней же с рассказом о тяжелом положении российских эмигрантов в те годы. Л.О.Дан сообщала, что неважно себя чувствовал тогда и Мартов. По ее мнению, это объяснялось отсутствием у него “настоящей жизни и работы”⁷³.

Переписка Любимова и Плеханова за 1914–1918 гг. довольно обширна и затрагивает широкий круг вопросов, связанных прежде всего с отношением к войне. 31 мая 1918 г. Р.М.Плеханова просила А.И.Любимова организовать похороны Плеханова в Петрограде, “купив место на Волковом кладбище поближе к Белинскому”⁷⁴.

Интерес к частным письмам никогда не иссякал. Им больше доверяли, в них всегда присутствовало что-то личное, интимное и искреннее, чего не было в других документах. Письма российских социал-де-

мократов остаются важнейшим, часто единственным историческим источником для понимания психологической подоплеки разногласий между участниками движения, их споров в фракционной борьбе. Непреходяща и их информативная ценность для историков, поскольку о многих фактах истории РСДРП мы узнаем сегодня только из них.

Комментарии

¹ Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. С. 640–642.

² Подробнее об этих письмах см.: Власть и советское общество в 1917–1930-е годы: новые источники // Отечественная история. 2000. № 1. С. 129–142.

³ В сборнике “Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927” (М., 1996. С. 19–20) опубликовано сочувственное письмо И.В.Сталина Р.М.Малиновскому (10 апреля 1914 г.), в котором он резко и грубо отзывался о Мартове, обвинявшем Малиновского в провокаторстве. В сборнике “В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922” (М., 1999. С. 130, 134 и др.) изданы письма и заявления Ленина в защиту Малиновского, опять-таки с резким осуждением “клеветников Мартова и Дана”, считавших, что большевик Малиновский — провокатор. Но в комментариях к этим документам почему-то не указывается, что в данном случае были правы Мартов и Дан, а не защищавшие “честь мундира” большевистские лидеры. Подробнее о деле Малиновского см.: Розенталь И.С. Провокатор: карьера Романа Малиновского. М., 1994.

⁴ Советские архивы. 1990. № 5. С. 58–59; РЦХИДНИ. Краткий путеводитель. М., 1993. С. VII; Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. М., 1993. С. 55.

⁵ Корреспондент Института Ленина (из переписки Н.С.Ангарского с Л.Б.Каменевым о поиске за границей в 20-е годы ленинских рукописей, историко-партийных документов и библиотек) // Советские архивы. 1990. № 5. С. 52–62. У Института Ленина были за рубежом и другие эмиссары. 2 июля 1926 г. Литкенс отчитывался о своей поезд-

ке по поручению Института в Германию, где искал места пребывания Ленина. В Мюнхене он выяснил, что “вся редакция “Искры” и в особенности Ленин жили... чрезвычайно обособленно”. Одним из близко стоявших к “Искре”, по показаниям местных социал-демократов, был Парвус, умерший в Берлине в 1924 г. Опрошенный Литкенсом мюнхенский социал-демократ Эпштейн, который встречался с Лениным и другими русскими марксистами, рассказал, что “из встреч с Лениным и Мартовым он вынес впечатление, что это были скорее ученые-марксисты, чем практики рабочего движения, их дискуссии показались ему отвлеченными, порой схоластическими спорами, а сами они чистыми теоретиками и даже начетчиками от марксизма. Привлекали в них революционность настроений, их целеустремленность к перевороту, на который в те времена и они, немецкие социал-демократы, возлагали немало надежд”. // НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 67. Fol. 9. Ser. 27. Парвус (А.Л.Гельфанд) — один из авторов идеи “перманентной революции”, много раз обвинялся в моральной нечистоплотности и авантюризме за передачу немецких денег большевикам в 1917 г.

⁶ НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 82. Fol. 17. Ser. 41.

⁷ Там же. Box 45. Fol. 15. Ser. 16.

⁸ НИА. Box 57. Fol. 3. Ser. 19.

⁹ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. 1901–1916 гг. Берлин, 1924. С. 9.

¹⁰ НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 59. Fol. 1. Ser. 20.

¹¹ Там же. Box 82. Fol. 17. Ser. 41. Аксельрод и Николаевский возражали против участия Л.Г.Дейча в качестве одного из редакторов переписки Аксельрода и Плеханова. Этим вызван отказ Аксельрода дать для публикации свои письма Р.М.Плеха-

новой. Вскоре компромисс был достигнут, и она перестала настаивать на участии Дейча в редакции, хотя недоверие к Николаевскому сохранила. 15 марта 1925 г. она советовала Аксельроду не пускать к нему в архив “чужого человека” Николаевского, т. к. “фанатизм архивариуса делает его неразборчивым в средствах”. // ИШН. П.Б.Аксельрод. П. 33.

¹² Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. Берлин, 1924. С. 198, 223, 252.

¹³ НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 291. Fol. 27. Ser. 225.

¹⁴ Там же. Box 82. Fol. 17. Ser. 41.

¹⁵ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 157. Л. 3.

¹⁶ НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 82. Fol. 17. Ser. 41. Р.М.Плеханова в свое время призывала Аксельрода воздействовать на Мартова и заставить его выйти из состава редакции многотомного издания “Общественное движение в России в начале XX века” (СПб, 1909–1914) после того, как Потресов написал для этого издания статью, в которой, по мнению Плехановых, умалялась роль группы “Освобождение труда”. “Я думаю, — писала она, — что можно было бы согласиться на выход Мартова из 5-томника... На выход же Мартова из редакции “Голоса” Жорж не может согласиться по многим соображения, о которых он, наверное, сам напишет. Предлог для выхода Мартова из 5-томника можно найти такой, чтобы его не ставило в очень неловкое положение... Ведь можно не видеть молодому того, что видит старый, закаленный в борьбе товарищ...” // ИШН. П.Б.Аксельрод. П. 33. Переписку Аксельрода с Плехановыми на эту тему см.: Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925. Т. 2. С. 267–287. После выхода “Писем” Аксельрод получил письмо от С.М.Ингермана (1868–1943), члена группы “Освобождение труда”, меньшевика, жившего в Нью-Йорке. Ингерман сообщал, что на-

шел в письмах Мартова и Аксельрода “для себя много интересного”, но его “поразил тон мартовских писем в отношении Плеханова и не совсем приятно поразил... Я думаю, что, если бы Мартов знал, он сам бы не допустил, чтобы резкие слова раздражения, вызванные временными и случайными разногласиями, вошли в историю нашего движения как характеристика лучшего нашего теоретика и одного из крупнейших наших вождей”. // ИШН. П.Б.Аксельрод. П. 22.

¹⁷ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Издание Р.М.Плехановой. Редакция и примечания П.А.Берлина, В.С.Войтинского и Б.И.Николаевского. М., 1925. Т. 1–2. Берлин П.А. (1877–1962) — социал-демократ, сотрудник “Социалистического вестника”.

¹⁸ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С. 9; Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. С. 3, 7.

¹⁹ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С. 9.

²⁰ Социал-демократическое движение в России. Материалы. Под редакцией А.Н.Потресова и Б.И.Николаевского. М. — Л., 1928. Т. 1.

²¹ Письмо Ленина Потресову от 27 июня 1899 г. // Ленинский сборник. Т. IV. С. 34; *Николаевский Б.И.* Из эпохи “Искры” и “Зари” (по неизданным материалам) // Каторга и ссылка. 1927. Кн. 35. С. 9; Социал-демократическое движение в России. С. 346–347.

²² Социал-демократическое движение в России. С. 348.

²³ *Николаевский Б.И.* А.Н.Потресов. Опыт литературно-политической биографии // А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. С. 29. Из письма Николаевского Ангарскому 29 декабря 1929 г. видно, насколько его возмущали строгие цензурные рамки, установленные для его советских публикаций. “Вы все вообще стремитесь пред-

ставить Ленина каким-то цельным, не подвергавшимся влияниям и не переживавшим “уклонов”. Это — не исторично. Не только в старой “Искре” были намеки на разные деления будущего, но и в самом Ленине”, — отмечал он. И продолжал: “Вы... никаких споров не допускаете, а декретируете, что истина за Вами. Если бы Вы дали мне хоть с минимальной долей независимости высказать мою точку зрения на существо организационных споров, я ни слова не возразил бы против Ваших оценок: ежели спор возможен, то отстоять правильность своих оценок я смогу. Но этого нет. Вы ведь не только мои оценки вытравляли, но и относительно фактов с Вами приходилось спорить: можно их сообщать или нет. И вы говорите об исторической объективности?” // НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 471. Fol. 31. Ser. 248.

²⁴ Каторга и ссылка. 1928. Кн. 40. С. 9–10.

²⁵ Каторга и ссылка. 1926. Кн. 28–29. С. 125–130.

²⁶ ИШН. Л.О.Дан. П. 15; Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959. С. 48–60.

²⁷ Мартов и его близкие. С. 48–49, 56–57. Подробнее о позиции Аксельрода см.: *Савельев П.Ю.* П.Б.Аксельрод: человек и политик (1849–1928) // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 184–188.

²⁸ Федор Ильич Дан. Письма (1899–1946). Amsterdam, 1985; Из архива Л.О.Дан. Amsterdam, 1987.

²⁹ Федор Ильич Дан. Письма. С. XIII; *Меньшевики* в 1917 г. М., 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 532–533.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51; *Мартов Ю.* Из писем 1917 года. Публикацию подготовили научные сотрудники РГАСПИ Н.Антонова и Л.Роговая. // Свободная мысль. 1991. № 16. С. 26–39; *Меньшевики* в 1917 году. М., 1994. Т. 1. С. 242–250; М., 1995. Т. 2. С. 248–250; М., 1996. Т. 3. Ч. 1. С. 400–402; М., 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 586–588; *Ильяшук Г.И.* Ю.О.Мартов в зеркале личной переписки

1917 г. // История политических партий в вузовском курсе политической истории. М., 1991. Вып. 1. С. 134–136; *Она же*. Переписка лидеров меньшевизма как исторический источник (на примере писем Мартова 1917 г.) // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 71–83; *Казарова Н.А.* Письма Ю.О.Мартова как исторический источник. // Лосевские чтения: Материалы научно-теоретической конференции. Ростов-на-Дону, 1998.

³¹ Проблема авторства писем, как и других источников, связана с выявлением фальсифицированных источников. Она была весьма актуальна для дореволюционных источниковедов, а ныне вновь превратилась в приоритетное направление, особенно для исследователей, изучающих фальсифицированные политические процессы, в том числе и над деятелями социалистических партий России в советское время. Об этом см.: *Павлов Д.Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов, 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999; *Меньшевистский процесс 1931 года*. М., 1999. Кн. 1–2; и др.

³² *Н.А.Казарова* пишет, что Ленина и Мартова объединял фанатизм и беспощадность к политическим противникам, “причем Ленин был более склонен к компромиссам, чем Мартов”. Далее она замечает, что Ленин “всегда исходил из соображений политической и дипломатической целесообразности и необходимости, тогда как у Мартова идеологические принципы преобладали над этими соображениями”. Автор отмечала, что Мартов “старался не допустить окончательного разрыва” с Лениным, хотя и понимал, что Ленин “выступал за объединение только в тех случаях, когда это было ему необходимо”. // *Казарова Н.А.* Ю.О.Мартов. Штрихи к политическому портрету. Ростов-на-Дону, 1998. С. 158. В этой цитате поражает не только

странная логика автора: Ленин “более склонен к компромиссам”, хотя именно Мартов длительное время не допускал разрыва с ним. Кто же из них в таком случае был более склонен к компромиссу? Невозможно представить себе и преобладание у Мартова “идеологических принципов” (не моральных и нравственных) над политическими и дипломатическими соображениями. Достаточно вспомнить высказывания Мартова 1914 и 1921 гг. об этом. В первом он говорил о том, что “марксисты не обязаны слепо повторять каждое слово, сказанное более 60 и более лет назад Марксом: частных ошибок в политических суждениях Маркса было столько же, сколько в суждениях каждого крупного и самостоятельного мыслителя”. Во втором — выразил сомнение в применении марксистской теории к послевоенному состоянию мира, т. к. оно “настолько не укладывается в наши привычные схемы марксистского анализа, что вывести основную линию развития требует новой научной работы, которая во многом дополнила бы и, может быть, изменила бы экономическую концепцию Маркса”. // Цит. из кн.: Гетцлер И. Мартов. Политическая биография российского социал-демократа. СПб, 1998. С. 289.

³³ РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. Л. 123.

³⁴ Там же. Л. 126.

³⁵ Там же. Л. 128.

³⁶ Там же. Л. 154.

³⁷ Там же. Л. 156, 157.

³⁸ 30 марта 1917 г. Мартов писал Кристи, что Стеклов “выплыл на поверхность благодаря протодьяконовскому голосу”. 9 октября он сообщал, что многие перебегают к большевикам и только “один Нахамкис все еще не решается, ходит... со вздохами, но остается одиночкой и к большевикам не уходит”. Мартов рассказывал, как в сатирическом журнале появилась карикатура: на одной странице

величественный Николай, у ног его падает жалкий Нахамкис. Подпись: "Ваше Величество, припадая к стопам, прошу о переименовании в Стеклова". На другой странице: величественный Стеков, у ног его Николай. "Товарищ Стеков, прошу о переименовании в Романкеса". "Вообще инцидент с прошением о перемене фамилии стоил бедному Стекову много крови и содействовал тому, что он стал крайне непопулярен и ненавистен обывательским массам", — заключал Мартов. // РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. Л. 123, 162. Стеков (Нахамкис) Ю.М. (1873–1941) в социал-демократическом движении с 1890-х гг. В 1917 г. социал-демократ (интернационалист), член исполкома Петроградского совета рабочих депутатов, редактор "Известий" этого Совета. Подробнее о деятельности Стеклова в 1917 г. см.: *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993.

³⁹ *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 182.

⁴⁰ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 346.

⁴¹ Ю.О.Мартов. Письма. 1916–1922. Benson, 1990.

⁴² Письмо Аксельрода С.Д.Щупаку 14 июля 1920 г. // НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 660. Fol. 1. Ser. 279.

⁴³ Там же. Box 658. Fol. 6. Ser. 279.

⁴⁴ ИШ. П.Б.Аксельрод. П. 10.

⁴⁵ Известен случай, когда Аксельрод не ответил Давиду Кацу из Кишинева (1904 г.), когда тот написал ему, что хочет уехать из России в качестве работника социал-демократической партии, и потому требовал прислать ему денег, оплатить переезд и обеспечить существование. // ИШ. П.Б.Аксельрод. П. 23. Но когда Е.Л.Бройдо 20 апреля 1921 г. сообщила Аксельроду о болезни Мартова и о том, что для его двухмесячного лечения в санатории нужны 2 тысячи франков, Аксельрод не-

медленно их выделил из общего фонда партии, которым тогда распоряжался. // Там же.

П.Б.Аксельрод. П. 8.

⁴⁶ Член ЦК партии эсеров Н.С.Русанов (1859–1939), вместе с В.В.Сухомлиным работавший в Стокгольме с Аксельродом, позже вспоминал: “...этот старый и убежденный социалист, оставшийся после свихнувшегося и впавшего, если можно так выразиться, в буйно-оборонческий патриотизм Г.В.Плеханова самым типичным выразителем интернационализма в русской социал-демократии, сразу же произвел на нас самое приятное впечатление. И немедленно же у нас возникла мысль работать вместе с ним на почве принципиальной, чисто социалистической борьбы с русским большевизмом...”. // HIA. B.Nicolaevsky collection. Box 673. Fol. 13. Ser. 279. 21 июня 1918 г. Г.М.Эрлих от имени Петроградской организации РСДРП просил Аксельрода остаться представителем партии в Стокгольме и издавать бюллетень “лишь с эсерами”. Он сообщил о посылке для этого 5 тысяч рублей. // ИISH. П.Б.Аксельрод. П. 17. 14 сентября 1918 г. Аксельрод благодарил шведского социал-демократа Стоунинга за доброжелательную поддержку: “...мы живем в такое время духовного замешательства и прямо-таки морально-политического упадка (распада), что приходится считать (чуть ли не) особой заслугой или добродетелью, если представитель иностранной социалистической партии... честно хочет понять нас и не подвергает злостному истолкованию наших слов и мыслей”. Его огорчило, что многие западноевропейские социалисты, в том числе и левые шведские, не поддерживали предложения о посылке комиссии в советскую Россию, чтобы выяснить “справедливость обвинений большевиков против их социалистических противников”. Аксельрод полагал, что наиболее “роковым” прегрешением западных социалис-

тов является их отношение “к чисто военному перевороту большевиков и установленному ими кровавому режиму”, т. к. “с современным социализмом и господством пролетариата этот режим имеет еще меньше сходства, нежели средневековая анархия и азиатское варварство прежних времен с современной культурой и современной демократией”. Он считал необходимым избавиться от заблуждения, “что советская власть — рабочая”. // ИШН. П.Б.Аксельрод. П. 63.

⁴⁷ ИШН. П.Б.Аксельрод. П. 42 а. В 1917–1920 гг. Виляцер был членом президиума Донского комитета РСДРП в Ростове-на-Дону. В 1921 г. он нелегально покинул советскую Россию и обосновался в Нью-Йорке, где работал в русском отделе американской социалистической партии. Виляцер продолжал переписку с Аксельродом. 14 июля 1921 г. в письме он вспоминал о пребывании в Ростове красных и белых: «“Демократичность” белых диктаторов почти ничем не отличалась от “демократичности” их антиподов. Легальное существование нашей партии... было столь же невозможно при Краснове и Деникине, как и при ленинских головорезах». И продолжал: “Большинство нашей организации... расценивало победу большевизма в русской революции, как и победу ее дезорганизаторских тенденций над силами творческими, и день 25 октября 1917 г. мы считали днем крушения многообещающих надежд Февральской революции”. Он полагал, что меньшевики Ростова были единственной демократической оппозицией при всех режимах. 20 октября 1921 г. Виляцер сообщал Аксельроду, что различает его и Мартова отношение к большевикам: Аксельрод — за свержение большевистского режима, а Мартов — за исправление. Он, Виляцер, на стороне Аксельрода. // Там же.

⁴⁸ Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить его публикации писем Мартова С.Д.Шупаку

(26 июня 1929 г.), Е.Л.Бройдо (26 июня 1920 г.), Аксельроду (27 июля 1920 г.), Аксельроду (29 сентября 1920 г.) // Ю.О.Мартов. Письма. 1916–1922. С. 50–58, 70–72 с машинописной копией этих же писем. // НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 660. Fol. 1, 2. Ser. 279.

⁴⁹ ИИШ. П.Б.Аксельрод. П. 8.

⁵⁰ НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 660. Fol. 2. Ser. 279; Box 45. Fol. 13. Ser. 16.

⁵¹ ИИШ. П.Б.Аксельрод. П. 8. Мартов писал Аксельроду 15 октября 1920 г.: “...сидение в Halle затянулось дольше, чем я ожидал. Сегодня была моя речь: немцы говорят, что она попала в точку, и уже решили издать ее брошюрой”. // НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 51. Fol. 1. Ser. 17.

⁵² ИИШ. П.Б.Аксельрод. П. 10. Церетели был не одинок в своих критических оценках выводов Мартова. С.М.Ингерман писал Аксельроду 3 января 1921 г., что большевики разрушают Россию и ему внушают опасения настроения Мартова и его единомышленников. “Всякая критика большевизма, — утверждал он, — теряет всякий смысл, раз она не касается сущности его, а не только методов. Если верно, что большевики узурпаторы, бандиты, разбойники, а большевизм олицетворение реакции и по существу доподлинная контрреволюция, то как мог Мартов примкнуть к 2 1/2 Интернационалу и подписать его резолюцию, в которой “интернациональный империализм” обвиняется в том, что блокадой и интервенциями в России он старается разрушить передовой отряд социальной революции... Одно из двух, либо большевизм передовой отряд социализма, тогда нам всем необходимо войти в его ряды, либо он исчадие социального бандитизма и контрреволюции, тогда... зачем кричить душой и обманывать пролетариат”. Ингерман подчеркивал, что, по его мнению, “какие бы то ни было компромиссы с большевизмом со стороны

социалистов вообще, особенно со стороны марксистов, не только недопустимы, но прямо преступны... Боюсь, что Вы не разделяете моих взглядов, но уверен, что Вы также не одобряете мартовской тактики. Последний, на мой взгляд, "углубляет" революцию в большевистском смысле и поэтому толкает Россию либо в пропасть полного разрушения, либо в объятия самой ужасной реакции и реставрации". // Там же. П. 22.

⁵³ Социалистический вестник. 1922. № 19.
С. 3–8.

⁵⁴ ИШН. П.Б.Аксельрод. П. 1.

⁵⁵ 10 июня 1920 г. меньшевики А.Югов, С.Ежов-Цедербаум, В.Громан, С.Струмилин, Л.Пистрак и др., занимавшие крупные посты в советских учреждениях, в письме на имя президиума ВЦИК и Совнаркома решительно протестовали против травли РСДРП. "Если РСДРП есть партия изменников, то правительство, отдающее членам этой партии заведование такими постами, тем самым само обвиняет себя в измене... Так как вы... оставляете нас на наших ответственных постах, то вы этим показали, что сами ни на минуту не верите тем чудовищным обвинениям, которые по команде подняты против нашей партии, с деятельностью которой мы все солидарны". // НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 692. Fol. 13. Ser. 279. И.И.Рубин 14 марта 1921 г. сообщал Р.Абрамовичу об арестах почти 70 меньшевиков. Среди них Плесков, Ежов, Череванин, Николаевский и др. ВЧК обвинила их в организации рабочих стачек. Но за неделю до этого ЦК РСДРП выступил против этих стачек, "возникших на почве пайка, разрозненных, стихийных, могущих вылиться в самое дикое, разрушительное движение (с явными нотками антисемитизма и зверской злобы против коммунистов)". Он отмечал, что "антисемитизм при всяких слухах злоеших усиливается непомерно, имеется и в рабочей

среде, среди обывателей поголовно". // НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 686. Fol. 2. Ser. 279. Подробнее об антисемитских настроениях в 1920-е гг. см.: Монархия погибла, а антисемитизм остался (документы Информационного отдела ОГПУ 1920-х гг.). Публикация Н. Тепцова. // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Т. 3. С. 324–358.

⁵⁶ НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 686. Fol. 7, 9. Ser. 279.

⁵⁷ С.М.Зарецкая 28 июня 1920 г. писала Аксельроду о разложении РСДРП, происходящем под влиянием большевиков и уступок им со стороны ЦК партии. С.О.Цедербаум-Ежов 14 февраля 1922 г. в письме Аксельроду отмечал "опустошение рядов партии" в результате гонений, эпидемий, идейных разногласий. "Но хотя и ослабленная, Российская социал-демократия осталась жива". // НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 44. Fol. 24. Ser. 16.

⁵⁸ ИШ. П.Б.Аксельрод. П. 64. Письмо от 26 сентября 1921 г.

⁵⁹ НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 60. Fol. 2. Ser. 21. Аксельроду сообщали Ф.И. и Л.О.Дан о своем приезде в Берлин 16 февраля 1922 г., и он послал им денег на обустройство. Ему написал очень грустное письмо В.О.Цедербаум-Левицкий 18 июля 1925 г. Он поздравил его с 75-летием из "своего далеко не прекрасного далека" и благодарил за сочувствие своим злоключениям, в которых высокий нравственный облик старого учителя его неизменно поддерживал. // Там же. Box 45. Fol.13. Ser. 16; Box 661. Fol. 4. Ser. 279.

⁶⁰ Потресов А.Н. В плену иллюзий (мой спор с официальным меньшевизмом). Париж, 1927. В коллекции Николаевского сохранились машинописные копии письма Аксельрода Потресову о книге от 29 июня 1927 г., а также запись беседы с ним Б.М.Сапира на эту же тему. // НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 661. Fol. 6. Ser. 279;

Вох 44. Fol. 18. Ser. 16. В беседе с Сапиром Аксельрод высказался в том плане, что трудно “придумать более скверный политический режим, чем тот, каким, с точки зрения рабочего класса, является режим большевистский. Разве вот только фашизм за последний год начинает приближаться к советской власти, да и то он подражает уже созданным в России образцам”. Предположение Потресова, что любая власть “лучше” большевистской, по Аксельроду, не может “служить критерием тактики социал-демократической партии”.

⁶¹ Социал-демократическое движение в России. С. 5–6.

⁶² РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 25. Л. 51.

⁶³ Там же. Ф. 278. Оп. 1. Д. 384. Л. 1.

⁶⁴ Л.О.Дан так описывала эту личную историю своего брата: “Когда он уехал в Вильно... он познакомился с одной девушкой, социал-демократкой тоже, Полиной Осиповной Гордон, которую мы потом все хорошо узнали и очень полюбили. И он даже нам сообщил, что это его невеста. Показал нам карточку, и мы были очень разочарованы... — увидав, что она горбатая”. Но когда после ареста она предложила Мартову поехать с ним в сибирскую ссылку, он отнесся к этому отрицательно. Мартов был разочарован тем, что она хотела отказать от революционной работы ради поездки с ним, и это привело к их личному разрыву. // ИА. В.Nicolaevsky collection. Вох 667. Fol. 8. Ser. 279.

⁶⁵ Как подготовлялся московский процесс. Из письма старого большевика // Социалистический вестник. 1936. № 23–24; 1937. № 1–2.

⁶⁶ См.: Дан Л.О. Неожиданный визит (Бухарин у Дана). // Из архива Л.О.Дан. С. 106–114; *Фельштинский Ю.Г.* Разговоры с Бухариным. М., 1993.

⁶⁷ *Фельштинский Ю.Г.* Разговоры с Бухариным. Приложение. С. 138, 141.

⁶⁸ Часть этой переписки опубликована в кн.: Из архива Л.О.Дан. С. 148–185.

⁶⁹ 12 июля 1958 г. Николаевский писал Суварину: “Относительно Бухарина и ВЧК: у меня ошибки быть не может. Я тогда же записал разговоры с ним. Он мне определенно говорил, что был именно представителем и что послали его туда по предложению Ленина, как человека, который бунтовал против разгула “красного террора” в конце 1918 г.: “Он много говорит против – пусть пойдет и сам посмотрит”... Он не просто работал в ЧК, а был именно представителем, имевшим право накладывать вето на решения коллегии (он мне говорил, что именно он наложил такое вето на уже состоявшееся решение о расстреле В.Н.Розанова)”. // ИШН. Б.К.Суварин. П. 1. Бухарин действительно выступал с критикой крайностей “красного террора” в конце 1918 г., но не отрицал его применения в принципе. В сентябре 1919 г. Бухарин стал членом комиссии ЦК РКП(б) по проверке правомерности арестов “буржуазных интеллигентов”, а вскоре и членом коллегии ВЧК с правом вето от имени политбюро. Но это не мешало Бухарину быть апологетом политики “военного коммунизма” и автором заявлений, оправдывавших террор: “В революции побеждает тот, кто другому череп проломит”. // Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 131. В.Н.Розанов (1876–1939) – меньшевик с 1903 г., член ЦК РСДРП с 1906 г., член ВЦИК в 1917 г. и депутат Учредительного собрания. В июле 1919 г. был арестован Петроградской ЧК. Вопрос о его судьбе рассматривался на заседании полит- и оргбюро ЦК РКП(б) 18 сентября 1919 г., когда было вынесено решение: “Розанова не расстреливать. Поручить Бухарину составить от имени ВЧК официальное сообщение о том, что Розанов изобличен в контрреволюционных действиях, за которые полагается

по законам революции расстрел. Но так как он действовал не персонально, а как представитель правых меньшевиков, то дело о нем выделено из дела остальных арестованных вместе с ним, уже расстрелянных, и направлено к расследованию для привлечения остальных виновных". // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 27. Л. 2. Розанов был амнистирован в 1921 г. А.Н.Потресов был арестован Петроградской ЧК 1 сентября 1919 г. по обвинению в участии в "Союзе возрождения России". Освобожден в ноябре 1919 г. под поручительство Бухарина и группы меньшевистских лидеров. По замечанию Николаевского, из тюрьмы Потресов вышел "уже совсем надломленным человеком". // А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. С. 81.

⁷⁰ Исторический архив. 1998. № 2, 3.

⁷¹ Там же. № 2. С. 63.

⁷² Там же. С. 99–100; Балабанова А.И. Из личных воспоминаний циммервальдца. Л. — М. 1925. С. 23.

⁷³ Исторический архив. 1998. № 2. С. 113.

⁷⁴ Там же. № 3. С. 143.

ГЛАВА VII

Периодика

Под периодикой обычно понимают газеты, журналы и иные повременные издания, рассматривая их как средство информации и формирования общественного мнения.

В библиографическом указателе А.М.Бургиной отмечены более 50 социал-демократических газет, издававшихся в 1903–1917 гг., 18 газет, выходивших в 1918–1923 гг., и соответственно 30 журналов до 1918 г. и 8, относящихся к более позднему времени. Отдельно следует говорить об изданиях меньшевиков-эмигрантов после 1917 г. Данные Бургиной, однако, не полны, поскольку не учитывают российские социал-демократические издания до 1903 г., а также ряд местных изданий, выходивших после октября 1917 г. Тем не менее они позволяют судить о степени публикаторской активности социал-демократов в нелегальных и легальных условиях их существования.

Социал-демократическая периодика появилась в России в обстановке действия жестких цензурных установок 1882 г., когда совещание трех министров (внутренних дел, народного просвещения и юстиции) и обер-прокурора Синода могло запретить выход любого издания. Поэтому не случайно первые социал-демократические издания либо выходили внутри России нелегально, либо печатались за пределами страны. Советская политическая цензура, функционировавшая начиная с издания декрета о

печати 10 ноября 1917 г., а с 6 июня 1922 г. оформленная в Главлит, в конечном счете добилась ликвидации периодики, оппозиционной властям. Это вполне соответствовало ленинской доктрине о запрете свободы печати (“мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем”)². Социал-демократическая периодика, рожденная в нелегальных условиях, в таких же условиях и завершила свое существование в советской России, когда к власти пришли те, кто участвовал в ее же создании.

Наиболее полно изучены периодические издания, связанные с началом социал-демократического движения в России, газета “Искра” и большевистская “Правда”. Одной из первых социал-демократических газет стала газета “Рабочий”, нелегально издававшаяся группой Д.Благоева. Вышло всего два ее номера (1885), где Благоев разъяснял, что рабочим необходимо самим бороться за свое освобождение. Оценивая их издание, корреспондент из группы “Освобождение труда” писал позже в цюрихском издании “Социал-демократ”, что газеты позволяют познакомиться с задачами и направлением организации, которую они представляют. “В результате пропаганды бакунистских и бланкистских идей, — писал он, — имя социал-демократии в России было так дискредитировано, что ни одна партия до сих пор не могла решиться назвать себя социал-демократической из боязни быть заподозренной в антиреволюционном реформизме. Уже из одного этого можно понять значение того факта, что теперь, наконец, многие революционные кружки приняли решение назвать себя социал-демократическими и, само собой разумеется, объявить себя солидарными с учением последней”³. Содержание этих двух номеров газеты “Рабочий” в конце 1920-х гг. стало важным аргументом в полемике между Н.Л.Сергиевским и Б.И.Николаевским о влиянии народнических идей на создание социал-демокра-

тического движения в России. Первый, в угоду формировавшейся в то время официальной точке зрения, полагал, что социал-демократическое движение не имело отношения к народничеству, тогда как сторонники И.А.Теодоровича (к ним, по-видимому, относился и Николаевский) считали невозможным игнорировать влияние народнических идей в процессе формирования социал-демократических воззрений в России. В 1929 г. Николаевский опубликовал документы о взаимоотношениях группы “Освобождение труда” и кружка Благоева, а в развернутом отзыве на отдельные работы Сергиевского критиковал его за то, что он не обратил внимания на статьи народнического толка на страницах газеты “Рабочий”. “Сама возможность появления таких строк в “Рабочем” свидетельствует, как крепка еще была та пуповина, которая связывала молодых “русских социал-демократов” с народничеством чистой воды”, — заключал Николаевский⁴. В этой же газете была опубликована и статья Г.В.Плеханова “Современные задачи русских рабочих (письмо к петербургским рабочим кружкам)”. Думается, что в этой полемике более прав был Николаевский: ведь переход к марксистскому мировоззрению оказался более сложным, чем это представлялось тогдашним официальным защитникам его “чистоты”, а влияние идей народничества ощущали на себе не только прошедшие его школу Плеханов, Аксельрод, Засулич, но и Ленин, взявший на вооружение народническую идею устрашающего воздействия террора⁵.

Советская историография, концептуально направленная на создание культа Ленина, часто умалчивала о многих начинаниях российских социал-демократов в создании своей периодики, связывая ее начало с изданием “Искры”, основанной вождем большевиков. Николаевский полагал иначе. В написанном им “Опыте литературно-политической биографии” А.Н.Потресова отмечалось, что в 1890-е го-

ды влияние марксизма непрерывно росло и публикация статей в разных газетах и журналах с пропагандой и разъяснением этого учения была тогда не редкостью. Потресов уже в 1894 г. мечтал о создании периодического органа социал-демократического направления. В письме П.П.Маслову, который с осени 1896 г. возглавил "Самарский вестник", он приветствовал его выход как газёты марксистского направления⁶. В 1899 г. стал издаваться легальный марксистский журнал "Начало" под редакцией П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановского, А.М.Калмыковой, В.Я.Богучарского, В.Г.Вересаева. Но вскоре он был запрещен цензурой. Тогда же у многих социал-демократов возникла идея создания общероссийской нелегальной газеты (журнала). Такая газета (журнал) должна была, по мнению Потресова, быть не столько агитационной периодикой для обслуживания массового рабочего движения, сколько общетеоретической без оглядок на цензуру.

Ленин, как подчеркивал Николаевский, основываясь на его письме Потресову, поддержал идею и предложил издавать газету и журнал, для чего создавался "тройственный союз": Ленин, Мартов и Потресов. Именно они создали журнал "Заря" и газету "Искра"⁷. В марте 1900 г., когда они собрались в Пскове, журнал решили издавать за границей, а вопрос о месте издания газеты какое-то время оставался открытым. Материальная сторона была обеспечена созданием основного фонда из 5 тысяч рублей (по 2 тыс. рублей дали А.М.Калмыкова и А.Н.Потресов, тысячу рублей — товарищ последнего по гимназии Д.Жуковский). Вскоре после встречи со Струве и Туган-Барановским, поддержавшими издательский проект, Потресов отправился за границу для определения места издательской деятельности, вскоре туда же поехали Ленин и Мартов.

Встреча Ленина и Потресова с Плехановым по поводу издания газеты была достаточно драматич-

ной и едва не завершилась разрывом. Она подробно описана Лениным в документе дневникового характера «Как чуть не потухла «Искра»», ее подробно разобрали в своих работах Николаевский и Тютюкин⁸. Но все кончилось благополучно. С 24 декабря 1900 г. по 8 октября 1905 г. вышло 112 номеров «Искры», по соглашению между создателями и группой «Освобождение труда» в редакцию сначала вошли Ленин, Мартов, Потресов, Плеханов, Аксельрод, Засулич. Позже состав редакции менялся, из него выходили Ленин и Плеханов. Но вначале газету фактически редактировали Ленин и Мартов. По воспоминаниям Троцкого, политическим руководителем «Искры» был Ленин, но «главной публицистической силой газеты был Мартов. Он писал легко и без конца — так же, как и говорил»⁹.

В общей сложности в «старой» «Искре», когда редактором был и Ленин (№ 1–51), было опубликовано 54 статьи Мартова (в том числе 13 передовиц), 47 (18) — Ленина, 26 (13) Плеханова, 9 (2) — Потресова, 8 (1) — Засулич, 5 — Аксельрода. Частыми в газете были статьи и корреспонденции Троцкого, Парвуса, И.В.Бабушкина и многих других. После раскола на II съезде РСДРП «Искра» стала газетой меньшевистской фракции. Среди наиболее активных сотрудников «новой» «Искры» (№ 52–112) были Мартов, опубликовавший 56 статей (в том числе 25 передовиц), Ф.И.Дан — 41 (18), Плеханов — 28 (8), Н.И.Иорданский — 14 (1), Троцкий — 13, Потресов — 11 (2), Парвус — 9 (2), А.С.Мартынов — 6. Наиболее важные статьи «новой» «Искры» были опубликованы в 1906 г. в специальном сборнике¹⁰. Издание «Искры» в разное время получило высокую оценку и Ленина, и Мартова. Особенно полно исследована «старая» «Искра»¹¹ с выделением решающей роли Ленина.

Мартов в очерке о деятельности социал-демократии России в 1900–1904 гг. и в истории РСДРП

подчеркивал роль “Искры” в борьбе с “экономизмом”, а главное — с возрождающимся народничеством, оживившим террористические традиции. “Борьба против террора, — писал Мартов, — была для “Искры” в то же время борьбой за признание главным фактором освободительного движения рабочего класса, борьбой против попыток признать значение равноценного фактора за революционной интеллигенцией, как таковой”. По Мартову, “Искра” не игнорировала крестьянского движения и оппозиционные течения в обществе. Росло не только идейное, но и организационное влияние “Искры” на социал-демократию, чему способствовала публикация работ Ленина “С чего начать?” и “Что делать?”. Мартов последнюю работу оценивал отрицательно, видя в ней теоретическое обоснование “заговорщического перерождения организации”. Более того, по его мнению, “ведя ожесточенную борьбу с партией социалистов-революционеров как партией, стоящей на бланкистской, заговорщической почве, социал-демократия “искровского” периода по своему организационному типу ничем от своей соперницы не отличалась”¹².

По мнению Николаевского, выход первого номера “Искры” стал событием первостепенной важности: началось преобразование российской социал-демократии из пропагандистской организации в политическую партию. Он же писал о том, что редакция “Искры” не была идейно сплоченным коллективом. В ней шла борьба между Лениным и Плехановым, особенно по проблемам, поднятым Лениным в “Что делать?”, и проекту программы партии, а также по морально-нравственным мотивам. Он рассказал об одном конкретном случае — самоубийстве одной из ссыльных социал-демократок, в посмертной записке обвинившей двух своих товарищей в личной травле, в результате которой и произошла трагедия. Ленин и Плеханов были против

обвинения этих социал-демократов, считая их полезными и крупными партийными работниками; Мартов, Потресов и Засулич были за привлечение их к ответственности.

Николаевский замечал, что именно этот моральный инцидент внутри редакции “Искры” разбил ее на “стариков” и “молодых”, породил психологическую трещину между Лениным и будущими руководителями меньшевизма¹³.

Заметим, что в советской историографии Ленин назывался организатором “Искры” и той сети “искровских” корреспондентов в России, которые наладили ее транспортировку, снабжали информацией и финансами. В зарубежной — такая роль отводилась прежде всего Мартову, организовавшему в России после отъезда Ленина и Потресова ту сеть организаций, “которая к 1903 г. простерлась с юга на всю страну и стала организационным костяком русской социал-демократии”. И.Гетцлер отмечал, что “своим успехом “Искра” во многом обязана Мартову”, его “нравственной горячности и революционному пылу”, талантливой публицистичности его статей, за что Аксельрод назвал Мартова “нашим Добролюбовым”, а Троцкий — “Добролюбовым русской социал-демократии”¹⁴. Ныне эту точку зрения в значительной степени разделяют и российские историки¹⁵.

В сотом номере “Искры” (1905) Мартов писал в юбилейной статье, что газете выпала важная роль в строительстве РСДРП. “Где тот оптимист, — спрашивал он, — который в конце 1900 г. предвидел бы грандиозную картину революционной действительности наших дней. “Искре” выпало на долю завидное счастье в течение четырех лет жить одной жизнью с наиболее революционной струей в мощном общественном движении, какого еще не видела история со времен Французской революции. Ей выпал на долю не менее завидный удел — дать в России

первый опыт прочной постановки литературной агитации на службе у социал-демократического движения. “Искре” выпала наиболее благодарная роль в громадной работе построения социал-демократической партии. Наиболее благодарная, потому что наиболее заметная”. Мартов отмечал, что у газеты были друзья и враги, но первых было больше¹⁶.

В 1901–1902 гг. в Штутгарте (Германия) вышло 3 номера научно-политического журнала “Заря”. В журнале с теоретическими статьями выступали Аксельрод, Засулич, Ленин, Мартов, Плеханов, Потресов и др. Статьи были направлены против “экономистов” и ревизионистов марксизма. В нем же рецензировались многие издания по истории революционного движения. Причиной прекращения издания стали разногласия в редакции, в том числе в связи со статьей Ленина “Гонители земства и Аннибалы либерализма”. В отличие от Ленина Плеханов в то время считал возможным союзником пролетариата либеральную буржуазию¹⁷.

Н.Н.Батурич, один из первых историков РСДРП, писал, что на страницах “Зари” нашел свое выражение “ортодоксальный” марксизм. Это выразилось в обличении “критиков” вроде Струве, Булгакова, Прокоповича и др. Журнал, по его мнению, “защищал политическую независимость рабочей партии”¹⁸.

Социал-демократическая печать в России существовала непрерывно до середины 20-х годов, когда большевистские власти прикрыли последние нелегальные издания РСДРП. Разумеется, при царизме и советской власти практиковались нелегальные и легальные формы периодических изданий. После раскола в 1903 г. каждая из создавшихся фракций (большевики и меньшевики) имела свои периодические издания. Так, в 1905 г. за пределами России издавались меньшевистская “Искра” и большевистский “Пролетарий”, после объявления политичес-

ких свобод в стране в Петербурге появилась большевистская “Новая жизнь” и меньшевистская газета “Начало”. Многие большевистские дореволюционные газеты в советское время были переизданы, меньшевистские — нет¹⁹. Заметим, что в связи с существованием среди меньшевиков многих направлений, каждое из них стремилось иметь свои периодические издания. А.М.Бургина в библиографическом указателе даже выделила в отдельные рубрики периодические издания Г.В.Плеханова и “плехановцев” (под редакцией Плеханова издавался “Дневник социал-демократа” в 1905–1912 гг., газета “Единство” 1917 г., “Наше единство” в 1917–1918 гг. и др.), издания парижских социал-демократов интернационалистов (газеты “Наш голос”, 1914 г.; “Голос”, 1914–1915 гг.; “Наше слово”, 1915–1916 гг.; “Начало”, 1916–1917 гг.; и др. В газетах сотрудничали Аксельрод, Мартов и другие меньшевики)²⁰.

Николаевский в биографическом очерке о Потресове подчеркивал его активное участие в редактировании меньшевистских газет в 1906–1907 гг. вместе с М.С.Балабановым и Ф.И.Даном, а также в меньшевистских еженедельниках “На очереди”, “Привет” и др. Он считал, что литературно-политический центр меньшевизма следует создать в России, и поэтому полагал вредным издание в Женеве, а затем в Париже журнала “Голос социал-демократа”²¹. В письмах Аксельроду (27 января 1908 г.) и Мартову (9 февраля 1908 г.) Потресов объяснял это тем, что в “настоящий момент может найти отклик в широких кругах наших единомышленников... серьезная попытка разобраться в прошлом и настоящем... пропаганда нашего мировоззрения во всем его целом, не проповедь определенных тактических лозунгов... а критика всех существующих и находящихся себе обращение в публике идеологий и настроений с точки зрения марксизма”. По его мнению, “заморский теоретизирующий орган” — не по-

пулярная газета, и вряд ли он будет отвечать потребностям рабочих. В письме Мартову Потресов предлагал сосредоточиться не на издании мало кому нужного зарубежного журнала, а на готовящемся 5-томнике по истории общественного движения в России. "Чтобы удержать за нами хотя небольшую часть интеллигенции, для этого надо нащупать ряд идейных и психологических мотивов... а это невозможно сделать в заграничном маленьком органе. Этого и не будет там сделано. Да и рамки старого меньшевизма, годятся ли они для этого?" В ответном письме 10 марта 1908 г. Мартов не согласился с Потресовым, считая, что нужно использовать любые формы публицистики для разъяснения своей позиции²².

112-й номер "Искры", вышедший 8 октября 1905 г., оказался последним. Статьи Мартова и других российских эмигрантов, публиковавших в "Искре" и других газетах статьи, написанные "издалека", на основе различных сведений, поступавших из России за границу, смогли вернуться в страну. В конце октября 1905 г. приехали в Петербург Дан, Ленин, Мартов, Потресов и Троцкий. Все они сразу же занялись большой практической работой, в том числе и в редакциях газет "Начало", "Партийных известиях" и многих других²³. Николаевский обращал внимание на передовую статью последнего, одиннадцатого номера "Известий Петербургского Совета рабочих депутатов" (25 декабря 1905 г.), написанную Парвусом, признававшим победу правительства в революции и вместе с тем уверявшим, что "ближайшая борьба, несомненно, выдвинет еще более решительные (чем Учредительное собрание) требования"²⁴.

Публикации статей социал-демократов в различных изданиях определяли отношение каждого из них к насущным проблемам жизни страны и обще-

ства, к межпартийным и личностным отношениям. В письмах они сообщали об отношении к статьям своих коллег. В октябре 1906 г. В.И.Засулич спрашивала Плеханова, читал ли он письмо Мартова в газете “Товарищ” о соглашениях при выборах в Государственную Думу с либералами? 26 февраля 1908 г. Аксельрод писал Р.М.Плехановой, что публикация письма ее мужа об отказе работать в “Социал-демократе” пока нецелесообразна, а статью Мартова об экспроприациях они думают поместить, “радикально перестроив ее”. Речь шла о подготовленных Мартовым статьях, направленных против большевистской практики экспроприации банков и других незаконных путей добывания денег. Но в то время Аксельрод и Дан из тактических соображений решили не раздувать скандал и всячески сглаживали резкость статей Мартова. Они делали это так, что Аксельрод сообщал Плеханову 21 марта 1908 г.: “Ты едва ли догадался, что передовая написана Ю.О. (Мартовым). А ведь она носила громкое название “Наши задачи”. В “Голосе социал-демократа” эта статья появилась под заголовком “После бури”²⁵.

Мартов протестовал против такого отношения к своим статьям и против того, что Дан, Мартынов и другие меньшевики из редакции “Голоса социал-демократа” пытались отделить Ленина от большевиков, занимавшихся террором и экспроприациями. В письме Аксельроду 17 сентября 1908 г. Мартов писал, что ему непонятна позиция редакции “Голоса социал-демократа”, которая отказывается критиковать ЦК за травлю меньшевистской фракции, за пособничество экспроприаторам. “Я решительно против этой политики страуса, — заявлял Мартов. — ...Я совершенно не понимаю: почему большевики, когда сидели в нашем ЦК, открыто воевали... а мы не можем начать войну через год? Почему им эта война не повредила, а нам должна принести всякие бедствия? Это — выше моего разума”²⁶.

До сих пор не изданы сочинения Аксельрода, Мартова, Потресова, Церетели и других деятелей меньшевизма и социал-демократического движения в России. Поэтому в отличие от сочинений Ленина и Плеханова, где собраны и их основные газетные статьи, исследователи вынуждены обращаться к различным периодическим изданиям как источнику, содержащему произведения многих российских социал-демократов. Именно периодика способствует выявлению эволюции взглядов политических лидеров, их отношения к главным событиям той поры. Достаточно обратиться к работам И.Гетцлера, И.Урилова, Н.Казаровой о Мартове; А.Ашера, П.Савельева об Аксельроде; С.Бэрона и С.Тютюкина о Плеханове и других, чтобы убедиться в этом.

В журналах “Отклики современности” и “Возрождение” статьи Мартова касались участия социал-демократии в выборах в Государственные Думы. В отличие от Ленина, призывавшего к бойкоту выборов в I Государственную Думу, Мартов был за тактовые. В результате в последующих Государственных Думах функционировали социал-демократические фракции. Много внимания Мартов уделял отношениям с либеральной буржуазией. Он полагал, что социал-демократии важно сохранить независимость от кадетов и крестьянства. Он не видел в крестьянстве силу, более прогрессивную, чем либеральное движение. “Задача достижения полного народовластия до такой степени заняла поле зрения левых, что других отношений между русским пролетариатом и мелкопомещанскими элементами, кроме самого тесного союза, они не могут себе представить. Во имя будущей диктатуры пролетариата и крестьянства они затушевывают глубокие противоречия между революционным пролетарским социализмом и реакционным утопизмом мелкобуржуазной и крестьянской демократии, во имя форсиро-

вания окончательного конфликта между буржуазным либерализмом и пролетариатом — форсирования, необходимого для того, чтобы проложить дорожку бланкистскому скачку к “захвату власти”, — они способствуют растворению пролетарского социализма в революционной демократии”²⁷.

В статьях, опубликованных в 1910 г. в легальном меньшевистском журнале “Возрождение”, Мартов утверждал, что демократические силы общества должны поддержать буржуазию. Пролетариат должен создать свою политическую партию и добиваться условий ее легального существования. В борьбе за свои права рабочие должны быть готовы к союзу даже с имущими классами²⁸.

127 статей и справок, в том числе и об основных меньшевистских дореволюционных периодических изданиях, даны в энциклопедии “Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века”. В приложении к ней называются 577 периодических изданий, представляющих политические партии страны в 1917 году. Среди статей и справок о социал-демократических изданиях выделим относящиеся к газетам “Искра”, “Голос” (Париж, 1914–1915. № 1–108), “Голос социал-демократа”, “Луч” (СПб, 1912–1914. № 1–495), “Начало”, “Наше слово” (Париж, 1915–1916. № 1–492), “Социал-демократ”, и др.; журналам “Возрождение”, “Дело жизни” (СПб, 1911. № 1–9), “Дневник социал-демократа” (Женева–СПб, 1905–1916. Редактор — Г.В. Плеханов), “Заря”, “Наша заря” (СПб, 1910–1914. № 1–57) и др.

Газетные и журнальные тексты были широко использованы в сборниках документов, посвященных деятельности меньшевиков в 1903–1917, 1917 и 1918 гг. В первом из них воспроизводятся программные статьи Аксельрода, Дана, Мартова и Плеханова, опубликованные в “Искре” и “Голосе социал-демократа”. В томах о меньшевиках в 1917 г. ши-

роко используется различная информация многих центральных газет и журналов ("Рабочая газета", "Единство", "Партийные известия", "Новая жизнь", "Вперед", "День", "Искра")²⁹. В томе документов и материалов о меньшевиках в 1918 г. также используются информативные данные и статьи из газет "Вперед", "Новый луч", "Новый день", журналов "Рабочий Интернационал", "Новая заря" и др.³⁰

Для последнего сборника документов, как и для предыдущих, характерны отсутствие ссылок на провинциальные меньшевистские газеты; аргументации критериев, на основании которых используются одни данные, извлеченные из периодических изданий, и не используются другие; критического отношения к этим данным как историческому источнику.

Принцип неиспользования данных провинциальной меньшевистской периодики достаточно понятен: сборники посвящены деятельности в основном центральных органов РСДРП. Но в ходе гражданской войны в России в 1918 г. возникла ситуация, когда при борьбе правых эсеров за передачу власти насильно разогнанному большевиками Учредительному собранию был создан в Самаре Комитет членов этого собрания, в его работе приняли участие и поволжские меньшевики. В сборнике публикуется постановление ЦК РСДРП о самарском правительстве, опубликованное в газете "Вечер Москвы" 15 сентября 1918 г., в котором член ЦК партии И.М.Майский объявлялся выбывшим из его состава за участие в работе этого правительства в качестве министра труда. В сборнике опубликовано и письмо Майского с оправданием своих действий³¹.

Самарский Комуч и его притязания стать общероссийским правительством известны. Комуч заявил о своем приходе к власти в Самаре 8 июня 1918 г., а уже на следующий день общее совещание

представителей самарских комитетов меньшевиков, социал-демократов (интернационалистов), “Единства”, Бунда, эсеров и энесов заявило о своей поддержке новой власти³². То же произошло и после прихода народной армии Комуча в Симбирск и Казань. Майский стал руководителем ведомства труда Комуча в середине августа 1918 г. ЦК РСДРП публично осудил его поступок только в середине сентября, т. е. через месяц, когда разгром Комуча большевиками стал очевиден (10 сентября красноармейцы вошли в Казань, через день — в Симбирск). Казанская и самарская меньшевистские газеты “Рабочее дело” и “Вечерняя заря”, а также официальный “Вестник Комуча” предоставляют достаточно материала на эту тему, к сожалению не использованного в сборнике.

Спорным, на наш взгляд, является и критерий отбора ряда газетных публикаций, представленных в сборнике. Трудно объяснить перепечатку информации из газеты “Вперед!” о публичной лекции М.И.Либера, а помещение материалов о судебном процессе Мартов–Сталин — только в подстрочном изложении³³, хотя общественный интерес и значимость этих тем несопоставимы. Ведь “дело Мартова” было предметом двух судебных разбирательств и в течение апреля 1918 г. не сходило со страниц газет “Вперед”, “Заря России” и других.

В марте 1918 г. в Москве прошел слух об убийстве Мартова. Газета “Мысль”, опубликовавшая это сообщение, была тут же закрыта. 22 марта на страницах газеты “Новый луч” Мартов возмущался фактом закрытия газеты за ложный слух. Он писал: “Закрыть газету за опубликование слуха об убийстве оппозиционного политического деятеля, несомненно, много легче и проще, чем позаботиться об устранении условий, при которых слухи об убийстве оппозиционных деятелей не только почти каж-

додневно возникают, но и представляются достаточно правдоподобными". 4 апреля в "Новом луче" появилась заметка о том, что 5 апреля Мартов вызывается в суд "по обвинению в напечатании в № 51 "Вперед" от 31 марта статьи, содержащей ложные сведения о деятельности Сталина".

Речь шла о газетной статье Мартова "Еще раз об артиллерийской подготовке", где была фраза о причастности Сталина к экспроприациям и исключении его за это из РСДРП. Сталин в исковом заявлении отвергал это обвинение и просил рассматривать выступление Мартова "как грязную клевету", требуя наказания виновного. На заседании революционного трибунала обвинителями выступили Сталин и Л.С.Сосновский. Мартова защищали тульский рабочий Александров и П.Л.Лапинский. Вскоре к ним присоединились Р.А.Абрамович и А.А.Плесков. Судя по публикациям в газете "Новый луч"³⁴, слушание дела вызвало большой общественный резонанс. Зал заседаний суда был переполнен.

Мартов в ответ на обвинение выразил удивление тем, что, получив вызов в следственную комиссию, он оказался в ревтрибунале, призванном рассматривать преступления против народа, а не заниматься личными делами отдельных граждан, хотя бы и наркомов. Он не преминул съязвить: "До сих пор я не слышал, чтобы Сталин олицетворял собой народ". Мартов предложил вызвать в качестве свидетелей грузинских меньшевиков И.И.Рамишвили, Н.Н.Жордания, большевика С.Г.Шаумяна и других членов Закавказского областного комитета в 1906–1907 гг., а также группу свидетелей во главе с комиссаром финансов И.Э.Гуковским, под председательством которого рассматривалось дело об убийстве рабочего Чаринова, избличавшего перед партийными организациями Бакинский комитет и Сталина в участии в экспроприации³⁵.

Сталин требовал осудить "клеветника". Мартов

напомнил трибуналу случай с Малиновским, которого он одним из первых обвинил в провокаторстве. Ему не поверили, обвинили в клевете, а позже оказалось, что он прав. Мартов требовал показаний свидетелей: “Если нельзя будет допросить свидетелей, — это мое несчастье, но если они не будут допрошены потому, что этого не хочет Сталин, — то это его несчастье”. Трибунал вынужден был отложить слушание дела и возобновить его 15 апреля. Вскоре Мартов потребовал передать дело в Московский народный суд. После трехчасового совещания трибунал признал, что дело Мартова ему неподсудно и потому подлежит “оставлению без последствий”. Но в то же время Мартов был обвинен в том, что в своей статье он сравнил правительство Ленина-Троцкого с правительством Вильгельма II-Гинденбурга, а также указал на подготовку большевиками свержения грузинского меньшевистского правительства. В этом члены трибунала увидели оскорбление советского правительства и постановили: “...выразить на первый раз гражданину Мартову за легкомысленное для общественного деятеля и недобросовестное в отношении к народу преступное пользование печатью общественное порицание”³⁶. Сталин не был удовлетворен этим решением и потребовал его обсуждения на заседании ВЦИК.

Мартов откликнулся на это фельетоном “Из записок легкомысленного писателя”: “Я приговорен к легкомыслию... Тяжелое наказание! Но чтобы показать обывателю пример законопослушного поведения, я подчиняюсь приговору и обрекаю себя на этот род общественных работ — высоко нести знамя легкомыслия в коммунистической России”³⁷. Во ВЦИК тем временем разразился скандал. Н.В.Крыленко был вынужден огласить резолюцию о кассации приговора в связи с нарушением процессуальных норм. Дело передавалось в революционный

трибунал “для вторичного и окончательного приговора”³⁸. Нового рассмотрения не состоялось. 26 апреля 1918 г. Мартов опубликовал в газете “Вперед” статью “Я удовлетворен”, в которой назвал большевистский режим “республикой кумовьев”, где руководители покрывают друг друга, когда “нужно навести лак на грязное пятно” в чем-то прошлом и настоящем.

Многие исследователи, вспоминая этот процесс, акцентировали внимание на личности Сталина, проявившего себя уже тогда не с лучшей стороны³⁹. Наверное, Мартов избрал в своей статье Сталина в качестве примера члена правительства, недостойного им быть из-за недавнего экспроприаторского прошлого. В то время Сталин еще не был широко известным наркомом. Сам же судебный процесс был настолько антидемократичен, что Мартов воспользовался этим обстоятельством, дабы разоблачить устанавливающийся режим бесправия и произвола.

Демократическая печать начала большевистской власти изучена недостаточно. В ней огромный протестный материал против закрытия газет и журналов, террора, в защиту прав личности и демократических свобод. Достаточно указать на советский декрет “О печати”, принятый 27 октября (10 ноября) 1917 г., ставший законодательным обоснованием для закрытия “контрреволюционной печати”, среди которой сразу же оказалась и меньшевистская, как критикующая действия властей. По данным А.М.Бургиной, в 1917 г., в основном в Москве и Петрограде, издавались 23 газеты и журнала, в 1918 г. — 14, в 1919 г. — 5, в 1920 г. — 1, в 1922–1924 гг. нелегально — 24⁴⁰. С ноября 1917 г. по июль 1918 г. большевистскими властями было закрыто 63 газеты меньшевистских комитетов либо их поддерживавших, а также 12 газет, издававшихся совместно меньшевиками и эсерами⁴¹.

Меньшевистская газета “Всегда вперед”, начавшая выходить 22 января 1919 г., была закрыта решением ВЦИК 26 февраля (всего вышло 15 номеров). В ней были опубликованы статьи Мартова с протестом против расправы над великими князьями Николаем Михайловичем, Георгием Михайловичем, Дмитрием Константиновичем и Павлом Александровичем Романовыми. Их расстреляли петроградские чекисты 29 января 1919 г. в Петропавловской крепости как заложников “в порядке красного террора” и в ответ на “злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта”. Мартов назвал статью “Стыдно!”. Ему было стыдно за ненужно-жестокую гнусность, бессовестное компрометирование революции “новым потоком бессмысленно пролитой крови”. Он возмущался и убийством царской семьи, другими бессмысленными расправами. “Стыдно! — завершал статью Мартов. — И если есть коммунисты, есть революционеры, которые сознают гнусность расстрела, но боятся заявить протест, чтобы их не заподозрили в симпатиях к великим князьям, то вдвойне стыдно за эту трусость, — позорный спутник всякого террора!”⁴² Газета “Всегда вперед” была закрыта за пропаганду лозунга “Долой гражданскую войну!”, который, по заключению Ленина, означал в то время “поддержку Колчаку” и был помехой для тех, кто хотел его победить⁴³.

В апреле 1919 г. Мартов писал о полулегальном существовании меньшевиков в России: “Нашу газету закрывают, затем нам сообщают, что это закрытие не безусловное и что мы можем получить вновь разрешение, если дадим гарантию, что не будем подрывать “силу сопротивления Советской России ее врагам”. Нам запечатывают помещение, затем распечатывают и вновь запечатывают. Нас арестовывают под предлогом проверки наших документов, и в печати уже публикуют, что среди нас оказа-

лось пять дезертиров. Нас выпускают с извинениями и через неделю снова арестовывают. В промежутке Президиум Московского Совета объявляет, что мы — партия легальная и что можем пользоваться всеми правами легальной партии, а через несколько дней тот же самый Московский Совет объявляет нас врагами рабочего класса и своей резолюцией освящает произведенные среди партии массовые аресты и поднятую против нас официальными газетами травлю”⁴⁴.

Немногочисленная и, как правило, нелегально изданная в советской России меньшевистская периодика содержала в основном материал, разоблачающий карательную политику властей, и сведения о положении заключенных социалистов и их расстрелах. Наиболее крупным изданием среди них был орган бюро ЦК РСДРП журнал “Социал-демократ”. В 1923 г. вышло 8 его номеров, в 1924 г. — 6, многие под сдвоенными номерами. Эти нелегальные периодические социал-демократические издания⁴⁵ можно назвать началом диссидентской периодики и литературы в СССР с их разоблачительным пафосом и фактической точностью описываемых нарушений прав граждан в стране.

В 1920-е годы центр издания социал-демократической литературы перемещается за пределы России. Тогда наиболее популярным и известным изданием стал “Социалистический вестник”, созданный Мартовым в Берлине⁴⁶. Уже в конце 1920 г. Мартову, Абрамовичу и их коллегам по партии, жившим в Берлине, стало ясно, что без печатного органа им не обойтись. О желании начать выпуск журнала Мартов сообщал С.Д.Щупаку 14 декабря 1920 г.: “Мы приступаем к выпуску первого номера нашего органа (хотим назвать “Социалистический вестник”). К сожалению, из-за праздников нельзя будет выступить раньше начала января”. Об этом же он писал и Аксельроду 20 декабря 1920 г.⁴⁷

В феврале 1921 г. в зарубежной жизни российской социал-демократии произошли важные события: 1 февраля увидел свет первый номер “Социалистического вестника”; 22 февраля в Вене открылась учредительная конференция социалистических партий Европы, тогда же во главе с Мартовым оформилась Заграничная делегация РСДРП (Абрамович, Ева Бройдо, Далин, позже Дан и др.).

По воспоминаниям Е.Бройдо и Д.Далина, первые номера журнала делали Мартов, Абрамович и они. Бройдо была секретарем редакции и казначеем, Абрамович литературно обрабатывал материалы и поддерживал связи с европейскими социал-демократами, Далин занимался транспортировкой и распространением журнала. Шеф-редактором был Мартов. Далин замечал, что именно Мартов тогда был автором большинства неподписанных статей и заметок, обработчиком многих писем, поступавших из России. “Он ревниво, с волнением относился к каждому номеру “Вестника”. Почти ни одна строка не попадала в печать без его просмотра и одобрения. Про “Социалистический вестник” того времени можно без преувеличения сказать, что, несмотря на нашу коллегияльную работу, он был органом Мартова”.

Далин рассказывал, как по вечерам они обсуждали поступавшие статьи и как в этих беседах Мартов “развертывался весь, во всем своем умственном блеске...” “В эти вечера мы чувствовали подле себя подлинного большого человека нашей эпохи. Его проницательность была ошеломительна, и из Берлина он видел и понимал русские события куда яснее, чем многие, многие, стоящие у самых “истоков истории”. В частности, никто лучше его не понимал Ленина: зная его лично, Мартов видел его насквозь; вся хитрость Ленина, его “маневрирование” и “тонкая дипломатия” были у Мартова как на ладони. Поэтому-то и статьи его против выступлений Ленина

(он писал их с особенным оживлением) всегда били прямо в точку... Я видал в разных странах многих политических деятелей, более талантливых ораторов, более умелых вождей толпы, но более умного человека, чем Мартов, я не видал никогда”⁴⁸.

Только в первом номере “Социалистического вестника” было опубликовано 6 статей и заметок Мартова, всего же за два года, при его жизни — 83⁴⁹. Десятки русских эмигрантских журналов, издававшихся за рубежом в 20-е годы, пытались ответить на основные, особенно интересующие вынужденных эмигрантов вопросы: как удалось большевикам захватить и удержать власть? Кто в этом виноват? Есть ли будущее у большевистской России? При ответе на эти вопросы “Социалистический вестник” придерживался мартовской “двойной тактики”: одобряются большевистские антифеодальные меры, критикуются и отвергаются большевистский максимализм, террор и диктатура, нарушение политических свобод и прав человека.

Большинство эмигрантских журналов публиковали антисоветские материалы. “Социалистический вестник” более объективно освещал происходящее в России, его авторы были достаточно информированы для написания аналитических статей. Журнал сразу же стал одним из центров социалистической мысли за рубежом⁵⁰.

В передовице первого номера журнала Мартов дал понять, что “Социалистический вестник” выходит в то время, когда советская Россия переживает кризис: “Задача нашей партии — оружием критики и давлением организованных ею масс помочь скорейшему и наиболее безболезненному преодолению и изживанию кризиса”. Заметим, что наличие внутреннего политического кризиса в стране признавал тогда и Ленин, видевший его в “недовольстве не только значительной части крестьян, но и рабочих”⁵¹.

Можно сказать, что в 784 номерах “Социалистического вестника” содержатся статьи, заметки, информационные сообщения о всех наиболее важных и заслуживающих внимания событиях в СССР. Поэтому не случайно “Социалистический вестник” называют “методологическим фундаментом науки, которую позднее станут именовать “советологией”⁵². Журнал ныне сам стал одним из основных исторических источников для многих исследователей российской социал-демократии⁵³. В 1992 г. в Париже был издан указатель журнала “Социалистический вестник”. В предисловии к нему А.Либих писал, что первыми адресатами журнала были российские меньшевики, занятые в то время борьбой за свое существование в советских условиях. Они были побеждены, ушли в подполье и исчезли. “Социалистический вестник” пережил партию и остался как часть ее истории⁵⁴. С этим выводом можно согласиться, оговорившись, что в постсоветской России социал-демократические идеи вновь оказались востребованными. Об этом свидетельствует не только большая литература о меньшевиках, удостоившихся наконец и приоритетного внимания со стороны российских исследователей, но и многочисленные попытки создать новую социал-демократическую партию в современной России.

В 1922–1925 гг. в Берлине выходил журнал правых социал-демократов “Заря” (№ 1–34) под редакцией С.О.Португейса (1880–1944). В 1931–1934 гг. в Париже издавались А.Н.Потресовым “Записки социал-демократа” (№ 1–23). В 1940 г. в Париже под редакцией Ф.И.Дана выходил “Новый мир” (№ 1–4), а в 1941–1947 гг. в Нью-Йорке под его редакцией “Новый путь” (№ 1–65). Но они не имели и части известности и влияния “Социалистического вестника” на общественное мнение. После того как, по образному выражению Б.Двинова, “русский социализм весь ушел в глубокое подполье”⁵⁵, самым

авторитетным его представителем оставался "Социалистический вестник".

Известно, как Мартов резко выступал против заявлений внепартийной фракции правых, русских социал-демократов, не веривших в демократическую эволюцию России и использовавших страницы своего журнала "Заря" для критики предлагаемой им программы РСДРП. В статье "Либеральный социализм" Мартов критиковал Португейса (С.И.Ивановича) за противопоставление социализма и демократии, так как такому утверждению противоречит вся история социализма. Мартов показал, как Маркс и Энгельс вели борьбу за демократию во имя социализма. Он назвал Португейса реформистом, а тот в ответ заявил, что слышит это от ортодоксального марксиста⁵⁶. Новые исторические условия требовали творческого развития теории, рожденной в иное время. Каждый из спорящих высказывал свой взгляд на происходящее, апеллируя скорее к его эмоциональному восприятию, нежели к научному пониманию, хотя по основательности аргументации предпочтительнее выглядели доводы Мартова.

В.В.Кабанов, характеризуя периодику среди источников советского периода, утверждает, что пресса при любых условиях не может быть ни свободной, ни объективной. Газеты и журналы, по его мнению, всегда выражали интересы издателей, а не общественного мнения, т. е. выполняли социальный заказ⁵⁷. К демократической, неофициальной, альтернативной периодике, меньшевистским газетам и журналам это утверждение неприменимо. У них были разные источники информации и разные цели, которые в какой-то степени стали восприниматься ныне периодическими изданиями постсоветской России.

Комментарии

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 9.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 79. Подробнее о советской цензуре см.: Измозик В.С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1928 годах. СПб, 1995; История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997.

³ Каторга и ссылка. 1929. Кн. 54. С. 61.

⁴ О газете см. подробнее в кн.: Сергиевский Н.Л. “Рабочий”. Газета партии русских социал-демократов (благоевцев). 1885 г. Л., 1928; *Он же*. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. М., 1929; Николаевский Б.И. К истории “Партии русских социал-демократов” в 1884–1986 гг. (по неизвестным документам) // Каторга и ссылка. 1929. Кн. 54. С. 44–68; *Он же*. Н.Л.Сергиевский как историк “партии русских социал-демократов” (1884–1887) // Каторга и ссылка. 1931. Кн. 74. С. 88–89. О дискуссии о “Народной воле” см.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV. С. 360–364. В резолюции собрания общества “Историков-марксистов” 19 марта 1930 г. осуждались “попытки изобразить народников предшественниками большевизма”. // Историк-марксист. 1930. Т. 15. С. 166. И.А.Теодорович (1875–1937) большевик с 1903 г., в конце 20-х гг. редактор журнала “Каторга и ссылка”.

⁵ Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 14; В.О.Цедербаум-Левицкий, друживший с Засулич, позже писал: “Подобно тому, как будучи противницей террора, Засулич, вопреки своей воле, явилась родоначальницей политического терроризма в России, так и будучи од-

ной из основательниц русской социал-демократии, она к концу дней своих с ужасом приходила к мысли, что идеи, которые она так долго и мучительно вынашивала в себе, которые исповедовала и проповедовала в течение 35 лет своей жизни, на практике вылились совсем не в то, о чем она мечтала, к чему стремилась, ради чего отдала всю свою жизнь". В конце жизни Засулич напишет: "Рухнуло, погибло все, что было дорого целую длинную жизнь". Цит. из ст.: *Богданова Т.А. В.И.Засулич и русская социал-демократия // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ. История России XIX–XX веков. Л., 1991. С. 7.*

⁶ В августе–декабре 1897 г. в Киеве вышло два номера социал-демократической "Рабочей газеты" с призывом к созданию рабочей партии; с октября 1897 по декабрь 1902 г. издавалась "Рабочая мысль" как орган петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса" и др.

⁷ Как вспоминал Потресов (в передаче Николаевского), "именно от Ленина вышло предложение немедленно же создать "тройственный союз" для осуществления выдвинутого А.Н. [Потресовым] литературного плана, который Лениным был существенно дополнен: кроме научно-теоретического журнала, который имел в виду А.Н., Ленин предложил создать также и политическую газету. Третьим в "союз" Ленин предложил привлечь Ю.О.Мартова, тогда отбывавшего ссылку в далеком Туруханске. А.Н., давно уже знавший Мартова и крайне высоко его ценивший, целиком это предложение Ленина одобрил. Так родился тот "тройственный союз", который создал "Зарю" и "Искру". Последние месяцы ссылки ушли на подготовительную переписку об этом плане: срок ссылки всех членов нового "союза" заканчивался в одно и то же время: в январе 1900 года. Опорным пунктом для своей деятель-

ности на первое время новый “тройственный союз” избрал Псков”. // А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. С. 36. На запрос Николаевского Потресов дополнительно сообщил: “План двух органов, дополняющих друг друга, выяснился уже во время нашей ссыльной переписки с Лениным. Помнится, когда я ему в письме указал на необходимость постановки журнала, он тогда же в своем ответном письме, мною уничтоженном ввиду его слишком большой откровенности, писал, что надо (поставить) и журнал и газету”. См.: *Николаевский Б.И.* Из эпохи “Искры” и “Зари” // Каторга и ссылка. 1927. Кн. 35. С. 31.

⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4; *Николаевский Б.И.* А.Н.Потресов. // А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. С. 41–42; *Он же.* Из эпохи “Искры” и “Зари” (по неизданным материалам) // Каторга и ссылка. 1927. Кн. 36. С. 90–91; *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. С. 161–163.

⁹ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Ч. 1. С. 175.

¹⁰ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. С. 229; “Искра” за два года. Сб. статей из “Искры”. СПб, 1906. Ч. 1–2. По уточненным данным Н.А.Казаровой, в “Искре” был опубликован 131 материал, принадлежавший перу Мартова (до раскола — 57 статей, после раскола — 74). // *Казарова Н.А.* Ю.О.Мартов. Штрихи к политическому портрету. Ростов-на-Дону, 1998. С. 53.

¹¹ *Тарновский К.Н.* 24 декабря 1900 г. М., 1977; *Он же.* Революционная мысль, революционное дело (Ленинская “Искра” в борьбе за создание марксистской партии в России). М., 1983. Бывший меньшевик А.С.Мартынов, явно преувеличивая роль Ленина в создании “Искры”, писал в 1924 г., что Ленин создал “Искру”, которая имела “небывалый успех... Я помню, как старый социалист-рево-

люционер Минор, вернувшийся с каторги, говорил мне: “Я никогда этой гнусной “Искры” не читаю”. И тут же, через две минуты, он вынимает из кармана номер “Искры”, как бы он ее ни ненавидел”. // *Мартынов А.* Великий пролетарский вождь. М., 1924. С. 12–13.

¹² Общественное движение в России в начале XX века. Т. 1. С. 400–407; *Мартов Л.* История российской социал-демократии. М., 1923. С. 62.

¹³ А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. С. 40, 43–45. Речь шла о Н.Э.Баумане, агенте “Искры” и доверенном лице Ленина. В 1899 г. в Орле он вступил в интимную связь с замужней женщиной — товарищем по партии. Позже, оказавшись за границей, Бауман грубо и цинично иронизировал по поводу чувств этой женщины к себе, а оставшийся в Орле его друг В.В.Воровский рисовал на нее карикатуры. Доведенная до отчаяния женщина повесилась. // *Гетцлер И.* Мартов. С. 91.

¹⁴ *Гетцлер И.* Мартов. С. 65, 74.

¹⁵ *Урилов И.Х.* Ю.О.Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 147–148; *Казарова Н.А.* Ю.О.Мартов. Штрихи к политическому портрету. С. 51–53.

¹⁶ Ф.И.Дан, разбиравший архив Мартова в 1923 г., сообщал неизвестному корреспонденту из России, что обнаружил в нем “поток неудовольствия, несшегося с “мест” против “Искры” и в то время, когда во главе ее стоял такой несравненный публицист!”. // НИА. B.Nicolaevsky collection. Box 686. Fol. 9. Ser. 279.

¹⁷ *Ольховский Е.Р.* В.И.Ленин и “Заря”. К истории первого научно-политического и теоретического журнала российских марксистов. Л., 1980.

¹⁸ *Батурич Н.* Очерк истории социал-демократии в России. Л., 1924. Изд. 7. С. 79–80. Батурич (Замятин) Н.Н. (1877–1927) в социал-демократическом движении с 1896 г., с 1903 г. — большевик. О нем подробнее см.: *Черкасов С.П.* Н.Н.Батурич —

историк большевизма. // Вопросы истории КПСС. 1987. № 3.

¹⁹ Среди них “Искра” до времени выхода из редакции Ленина: “Искра”. Декабрь 1900 — октябрь 1903. Лейпциг—Мюнхен—Лондон—Женева. № 1–51. Перепечатка: “Искра”. № 1–52. Полный текст под ред. и с предисловием П.Лепешинского и со вступительной статьей Н.Крупской. Л., 1925–1929. Вып. 1–7. А также большевистские: Вперед. Женева. 22 декабря 1904 г. — 5 мая 1905 г. № 1–18. Пролетарий. Центральный орган РСДРП. Женева. 14 мая — 12 ноября 1905 г. № 1–20. Перепечатка в кн.: “Вперед” и “Пролетарий”. Первые большевистские газеты 1905 г. Полный текст под ред. Истпарта и со вступительной статьей М.Ольминского. М., 1924–1925. Вып. 1–6; Новая жизнь. Петербург. 27 октября — 3 декабря 1905 г. № 1–28. Перепечатка в кн.: “Новая жизнь”. Первая легальная с.-д. большевистская газета. Полный текст под ред. и с предисловием М.Ольминского и со вступительными статьями Л.Красина, М.Литвинова, И.Гуковско-го и Е.Смиттен. Л., 1925–1926. Вып. 1–4; Социал-демократ. Центральный орган РСДРП. Вильно—Петербург—Париж—Женева. Февраль 1908 г. — 31 января 1917 г. № 1–58. Перепечатка (частично изъяты номера газеты до июня 1911 г., когда из редакции вышли Мартов, Дан, перестали сотрудничать меньшевистские авторы) в кн.: “Социал-демократ”. № 1–58. 1908–1917 гг. Полный текст под общей ред. Н.Л.Мещерякова. М., 1933–1934. Вып. 1–4; Звезда. Петербург. 16 декабря 1910 г. — 22 апреля 1912 г. № 1–33. Перепечатка в кн.: “Звезда”. 1910–1912. Полный текст под общей ред. М.А.Савельева. М., 1932–1933. Вып. 1–6; Правда. Ежедневная рабочая газета. Петербург. 22 апреля 1912 г. — 8 июля 1914 г. Перепечатка в кн.: “Правда”. № 1–204. 1912. Полный текст под общей ред. М.С.Ольминского, М.А.Савельева. М., 1933–1934.

Вып. 1–4, 7; “Правда”. № 1–289. 1913 г. Полный текст под общей ред. М.С.Ольминского и М.С.Савельева. М., 1934–1935. Вып. 3, 8.

²⁰ Бургина А. Социал-демократическая меньшевистская литература. Библиографический указатель. С. 361, 363.

²¹ А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. С. 53. “На очереди”. СПб. 1906–1907. 9 декабря 1906 г. — 3 марта 1907 г. № 1–4; “Привет”. СПб. 1907. 25, 28 марта 1907 г. № 1–2; “Голос социал-демократа”. Ежемесячный журнал. Женева–Париж. 1908–1911. Редакция: П.Аксельрод, Ф.Дан, Л.Мартов, А.Мартынов, П.Маслов и Г.Плеханов. В декабре 1908 г. Плеханов вышел из редакции.

²² Социал-демократическое движение в России. Материалы. Т. 1. С. 177–178; НИА. В.Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 1. Ser. 19.

²³ “Начало” — с.-д. газета. Выходила с 13 ноября по 2 декабря 1905 г. (всего 16 номеров) под редакцией Мартова, Потресова, Дана, Мартынова, Иорданского, Троцкого и Парвуса. Троцкий вспоминал, что редакция газеты выступала за единение партии “при пассивном сопротивлении Мартова”. // *Троцкий Л.Д. Моя жизнь*. Т. 1. С. 209. Мартов сомневался, но не сопротивлялся. Обе фракции в ходе декабрьского вооруженного восстания в Москве действовали вполне согласованно, а в конце декабря создали объединенный ЦК РСДРП и единую редакцию “Партийных известий” (в нее вошли на равных началах редактора меньшевистской “Искры” и большевистского “Пролетария”). Вышло всего 2 номера этой газеты. СПб. 1906. 7 февраля, № 1; 20 марта, № 2.

²⁴ *Николаевский Б.И.* Последний номер “Известий Петербургского Совета рабочих депутатов”. 1905 г. // Каторга и ссылка. 1927. Кн. 31. С. 55–59.

²⁵ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. С. 257–260.

²⁶ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С. 191–192.

²⁷ *Мартов Л.* Думский конфликт и задачи момента // Отклики современности. 1906. 25 мая. № 4. С. 101; Отклики современности. СПб, 1906. 25 марта – июнь. № 1–5.

²⁸ Возрождение. 1910. № 6. С. 14–17. “Возрождение”. М., 1908–1910. № 1–11. Членами редколлегии были Дан, С.О.Цедербаум-Ежов, Мартов, Мартынов, Потресов, Д.А.Топуридзе и др. После закрытия полицией вышло два номера журнала в конце 1910 г. под названием “Жизнь”.

²⁹ *Меньшевики. Документы и материалы.* 1903–1917 гг. С. 54–68, 90–107, 133–134, 293–299, 310–320; *Меньшевики в 1917 году.* Т. 1. С. 142–148, 174–180, 543–547 и др.; Т. 2. С. 175–176 и др.; Т. 3. Ч. 1. С. 160–166, 344–345, 381–384 и др.; Т. 3. Ч. 2. С. 147–148, 291–293, 352–359 и др. “Вперед”. М., 1917–1918. Орган Московской организации РСДРП. Ред. Мартов, Дан и др.; “День”. Пг., 1917–1918. Орган социалистической мысли. Ред. Потресов и др.; “Партийные известия”. Пг.-М., 1917–1918. Издание ЦК РСДРП. Двухнедельный журнал, посвященный вопросам партийной жизни; “Рабочая газета”. Центральный орган РСДРП. Пг., 1917. № 1–215; “Единство”. Рабочая газета. Пг., 1917. Ред. Плеханов.

³⁰ *Меньшевики в 1918 году.* С. 100, 110–112, 164–166, 183–185, 223–226, 259–261 и др. “Новая заря”. Еженедельный политический журнал. Орган Комитета центральной области РСДРП. М., 1918. № 1–5/6. Ред. Г.Д.Кучин, Ю.П.Денике; “Рабочий Интернационал”. Двухнедельный журнал, посвященный вопросам социал-демократической теории и практики. Пг.-М., 1918. № 1–3/4; и др.

³¹ *Меньшевики в 1918 году.* С. 624, 649–663.

³² *Потов Ф.Г.* 1918 год в Самарской губернии.

Хроника событий. Куйбышев, 1972. С. 136. О назначении Майского на пост управляющего ведомством труда Комуча сообщила самарская газета "Вечерняя заря" 16 августа 1918 г. Николаевский писал, что Майский занял этот пост вопреки обещанию ЦК РСДРП от имени ЦК не выступать, а местные меньшевики поддерживали Комуч под его воздействием. // *Николаевский Б.И.* РСДРП (меньшевики) за время с декабря 1917 по июль 1918. — Меньшевики после Октябрьской революции. С. 39, 41. Но если можно говорить, что Майский призвал казанских меньшевиков 7 августа 1918 г. поддержать власть Комуча, то самарские и симбирские меньшевики это сделали сами, без какого-либо давления извне. В советской историографии длительное время господствовало утверждение, что одной из причин гражданской войны в стране была "демократическая контрреволюция". Мартов, в отличие от Ленина, среди причин гражданской войны называл не антибольшевистские выступления представителей социалистических партий, а раскол демократического движения в целом. Он винил в этом прежде всего большевиков, создавших "систему террористического режима". // *Мартов Л.* Проблема "единого фронта" в России. — Социалистический вестник. 1922. № 13–14. С. 6.

³³ Меньшевики в 1918 году. С. 343, 354–355, 392, 501, 530.

³⁴ Новый луч. 7, 17, 18, 21, 23, 27 апреля 1918 г.

³⁵ Заметим, что корреспонденты различных газет, присутствовавшие на процессе, сообщали дополнительные сведения. Достаточно для этого сравнить материалы, опубликованные в апреле 1918 г. в газетах "Вперед", "Новый луч", "Свобода России" и др. Н.Жордания в опубликованных позже воспоминаниях подтверждал факт участия Сталина в экспроприациях. Он писал: "Вождь или группа, которые могли достать деньги, собирали

вокруг себя рабочих и становились лидерами. С этой стороны богаче всех был Ленин; его агенты — Сталин и другие — устраивали “эксы” (экспроприации). Они захватили деньги правительства — около 200 000 рублей в Квирилах. Одним словом, они не были похожи на бедных меньшевиков, которыми руководил Мартов, человек честный, литератор, безобидный журналист... Обе фракции были в одной партии, но в действительности работали отдельно друг от друга и готовились к взаимной борьбе”. // *Жордания Н. Моя жизнь*. С. 52.

³⁶ Новый луч. 1918. 17 апреля. Мартов оказался проводником при сравнении Сталина с Малиновским. До сих пор идет оживленная дискуссия историков и публицистов о том, был или не был Сталин агентом царской охранки. // Был ли Сталин агентом охранки? Сборник статей, материалов и документов. М., 1999.

³⁷ Новый луч. 1918. 21 апреля.

³⁸ Новый луч. 1918. 27 апреля. “Партийные известия” (1918. 20 мая. № 6–7. С. 18) рассказали о расправе над Мартовым на заседании ВЦИК, где не было предоставлено слова защитникам Мартова Суханову и Череванину. Протестовавший Мартов “был исключен из заседания распоряжением председателя Свердлова, причем распоряжение было подтверждено и вотумом большинства собрания”. Когда Суханов и другие продолжали протестовать, в зал вошли латышские стрелки, которые силой удалили возмущавшихся. Суханов, выступая на заседании ВЦИК 11 июня 1918 г., отмечал произвол советских карательных органов. Он призвал вспомнить, как организуются суды. “Вы помните, — отмечал он, — сколько шума вызвал процесс Сталина и Мартова и как настаивал Сталин, чтобы для него был особый суд, чтобы его судили в какой-то особенной инстанции”. // *Меньшевики в 1918 году*. С. 530.

³⁹ *Аронсон Г.* Сталинский процесс против Мартова. // Социалистический вестник. 1939. № 7–8. С. 84–90; *Broukin V.* The Mensheviks after October. Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship. Ithaca – London, 1987. P. 110–117; *Иоффе Г.З.* Республика кумовьев // Родина. 1990. № 8. С. 12–18; и др.

⁴⁰ *Бургина А.М.* Социал-демократическая меньшевистская литература. Библиографический указатель. С. 344–361.

⁴¹ *Подболотов П.А., Спиринов Л.М.* Крах меньшевизма в советской России. Л., 1988. С. 26–27. По мнению Д.Далина, вся “пресса социал-демократов” была запрещена весной 1918 г. Он заметил, что репрессии против меньшевистской прессы возрастали по мере усиления позиций большевиков. В приведенной им сводке ЦК РСДРП за май–июнь 1918 г. отмечалось: “Почти везде закрыты наши газеты. Центральные наши органы в Петербурге и Москве (“Новый луч” и “Вперед”) закрыты, в Москве мы можем издавать лишь “частную” газету (“Наш голос”). В провинции газеты сохранились в 5–6 глухих углах. Закрытие газет вызвало тоже политические забастовки (Тула, Екатеринодар, Луганск)”. // *Далин Д.* Меньшевизм в период советской власти. — Меньшевики. С. 170, 173, 174.

⁴² Всегда вперед! 1919. 6 февраля. № 2; Мартов и его близкие. С. 153–154.

⁴³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 484.

⁴⁴ Цит. по.: *Гетцлер И.* Мартов. С. 242–243. В.И.Засулич писала в марте 1919 г., незадолго до своей кончины: “России, которую я знала и любила, нет больше на свете. На ее месте стоит отвратительное громогласно глущее, властвующее меньшинство и под ним громадное, вымирающее от голода, вырождающееся с замкнутым ртом большинство”. // Источниковедческое изучение памятни-

ков письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ. История России XIX–XX веков. С. 79.

⁴⁵ Б.Двинов писал в воспоминаниях о переполохе властей в связи с выходом молодежного нелегального журнала “Юный пролетарий” (1920–1922. № 1–3. Гектограф) с резкой критикой властей. Он отмечал выход отдельных печатных изданий в Харькове, Одессе и других городах страны. // *Двинов Б. От легальности к подполью (1921–1922)*. С. 27–28, 119–120.

⁴⁶ Социалистический вестник. Орган Заграничной делегации РСДРП. Основан Ю.О.Мартовым. Издавался в Берлине (№ 1–289/290. 1921–1933 гг.), в Париже (№ 291/292–462. 1933–1940 гг.), Нью-Йорке (№ 463–783/784. 1940–1963 гг.). После прекращения выхода журнала в Нью-Йорке под этим же названием выходили сборники в 1964–1965 гг. № 1–4. Редакторами журнала в разное время были Ю.Мартов, Р.Абрамович, Ф.Дан, Д.Далин, С.Шварц, Ю.Денике, Б.Николаевский. // *Бургина А.М. Социал-демократическая меньшевистская литература. Библиографический указатель*. С. 353. В 1921–1924 гг. журнал распространялся на территории советской России в сотнях экземпляров. Б.Двинов, занимавшийся в 1922 г. транспортировкой “Социалистического вестника” на территории советской России, отмечал конспиративность его распространения. Первые номера, вспоминал он, были получены в немногих экземплярах, а последующие приходили по 100–150 экз. Но потребность в журнале была очень велика и выискивались различные пути его транспортировки в Россию. // *Двинов Б. От легальности к подполью (1921–1922)*. С. 33–35, 37. С 1926 г. к открытому ввозу в страну журнал был запрещен, но 38 экз. журнала получали политическое руководство страны и немногие центральные библиотеки. 20 экз. журнала получало ОГПУ-НКВД для изучения заграничной деятельно-

сти меньшевиков и выяснения источников их российских информаторов. // *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 11–112; *Шелер У.* Демократическая ликвидация большевистской диктатуры (Заграничная делегация российской социал-демократии в берлинской эмиграции). – Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. М., 1998. С. 177–178.

⁴⁷ Ю.О.Мартов. Письма. 1916–1922. С. 88, 90.

⁴⁸ Социалистический вестник. 1925. № 6 (100). С. 21–23.

⁴⁹ *Бургина А.М.* Социал-демократическая меньшевистская литература. Библиографический указатель. С. 269–303.

⁵⁰ “Социалистический вестник” читали во многих городах России. Б.Двинов вспоминал: “Социалистический вестник” брался в руки с благоговением, страницы его любовно гладили, восхищенным взором еще и еще раз перечитывались статьи от доски до доски. Зачитывался он буквально до дыр. Большевики просили, нельзя ли им достать “Социалистический вестник”. Журнал “организовывал, будил мысль, давал поддержку, вселял надежду, — словом, объединял в это ужасное время партию, и значение его было неизмеримо велико”. Он писал о рассылке журнала в 18 российских городов (Петроград, Тверь, Вологда, Архангельск и др.). Требовалось не менее 2 тыс. экземпляров, а получали не более 400. // *Двинов Б.* От легальности к подполью (1921–1922). С. 38, 75, 127. О степени связи редакции журнала с корреспондентами на местах свидетельствует точность его информации, например, о 117 местах заключения и ссылок российских меньшевиков. Большевистская пропаганда называла журнал “социалистическим сплетником”, но это не мешало различным советским учреждениям быть его подписчиком и тем самым финанси-

ровать издание. // *Елфимов Е.А.* Меншевицкий журнал “Социалистический вестник” в первые годы эмигрантского существования. — Культура российского зарубежья. М., 1995. С. 189–196. Большой интерес к журналу проявлял Ленин. 21 июня 1921 г. он просил Л.А.Фотиеву дать ему “все последние №№ “Социалистического вестника” Мартова (особенно статьи Аксельрода)”. Когда ему сообщили о наличии лишь нескольких номеров, Ленин предписал своему секретарю: “Надо особую обложку для этого издания и секретный ящик”. // *Ленинский сборник.* М., 1975. XXXVIII. С. 368. С другой стороны, Ленин возражал против упоминаний на первых страницах большевистских газет имен Мартова или Дана. 28 октября 1922 г. он писал К.Б.Радеку по поводу передовицы в “Правде” (28 октября 1922 г.) “После Мартова Дан”: “Ужас! Надо было на 3-ю страницу их петитом. Все бы прочли и улыбнулись. А Вы нечаянно их возвеличили — до смешного. Передовой надо было пустить одну из соседних статей”. // *В.И.Ленин. Неизвестные документы.* 1891–1922. С. 561–562.

⁵¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 282.

⁵² *Хейфец М.* “Социалистический вестник” и “социалистическая” страна. // *Евреи в культуре русского зарубежья.* Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 203.

⁵³ *Тумаринсон В.Х.* Меншевики и большевики: несостоявшийся консенсус (Опыт исторической реконструкции). М., 1994; *Liebich A.* From the other Shore. Russian Social Democracy after 1921. Harvard University Press, 1997; и др. А.Либих пишет о том, что материалы “Социалистического вестника” легли в основу его книги (с. 1), что сотрудничавшие в нем меньшевики были “первым поколением советологов, наметивших основные направления, по которым двинулись их последователи” (с. 6). Он высоко оценивает правдивую и зачастую уникальную информацию о советской жизни, говоря о

приоритетных публикациях в журнале таких важных документов, как "Письмо к съезду" ("завещание") Ленина, текста доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС и др.

⁵⁴ Указатели журнала "Социалистический вестник". 1921–1963. Paris, 1992. Редактор A.Lande, автор предисловия A.Liebich.

⁵⁵ *Двинов Б.* От легальности к подполью. (1921–1922). С. 156.

⁵⁶ Социалистический вестник. 1923. № 1. С. 7–11; Меньшевики после Октябрьской революции. С. 256, 258.

⁵⁷ *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение. С. 623–624.

Заключение

В статье о современной отечественной историографии РСДРП С.В.Тютюкин приходил к выводу об отсутствии в настоящее время объективной отечественной истории большевизма и меньшевизма. Он предостерегал против категоричности и эмоциональности оценок и отмечал, что, “несмотря на все трудности и издержки переходного периода, изучение истории РСДРП продолжается. Оно идет несколько хаотично, без продуманного плана, но радует то, что серьезные научные исследования с привлечением новых архивных материалов постепенно начинают брать верх над конъюнктурной полупублицистикой, которой была так богата первая половина 90-х гг. Эта тенденция должна быть закреплена и продолжена”¹. Тютюкин прав. Тенденция к профессионализму исследования наметилась, но она напрямую связана не столько с нахождением новых архивных материалов, сколько с состоянием источниковедения проблемы в целом. Без критического анализа всего корпуса имеющихся источников трудно говорить о серьезности исследования.

В последние годы явно наметился рост изданий документальных публикаций по истории российской социал-демократии в целом. Однако без аргументации критериев отбора публикуемых документов, без анализа подлинности и достоверности содержащихся в них фактов трудно судить о непредвзятости представлений о прошлом. Ведь длитель-

ное время российской общественности предлагались документы о “победоносной деятельности” большевиков и их “благотворном вкладе” в развитие мировой цивилизации. Ныне издаются документы, свидетельствующие о том, что меньшевики были “хорошие”, а большевики “плохие”. Наверное, лишь синхронное изучение документальной обоснованности приводимых в различных источниках фактов поможет реконструировать более или менее истинное прошлое. Новая идеологическая заданность слишком напоминает недавнюю, чтобы считать появившиеся публикации истинным отражением происшедшего, а не только точкой зрения одной из политических партий.

Среди изданных и еще не опубликованных документов преобладают источники личного происхождения, прежде всего письма. Именно они да еще газетные публикации являются моментальной реакцией, барометром, фиксирующим изменения в обществе и отношение к происходящему авторов этих документов. В этих источниках, более чем в других, личностное отношение к происходящему и к своим товарищам, в них — деловое сотрудничество и конфронтационность, часто более жесткая, чем просто отрицательное отношение к властям. Эпистолярное наследие особенно показывает, что прошлое — это не только исторические факты, а еще и чувства людей, которые также имеют большое значение для понимания происшедшего.

В.О.Ключевский утверждал, что, “изучая предков, мы узнаем самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и для чего мы живем, как и к чему должны стремиться”². Наверное, потому так неиссякаем интерес к прошлому и стремление при помощи аналогий или предсказаний определить будущее. Отсюда интерес к историческим исследованиям и документам о запретном в советские времена и неизвест-

ном прошлом, о том, как видели будущее страны социал-демократы, не большевики, что они предлагали для осуществления своих планов. Читая документы, особенно личного происхождения, читатели чувствуют себя причастными к “кухне” истории, ее интимным подробностям.

30 ноября 1999 г. “Независимая газета” в специальном приложении опубликовала политическое завещание (последние мысли Г.В.Плеханова), продиктованное им Л.Г.Дейчу втайне от жены, а затем неисповедимыми путями попавшее в редакцию газеты. Разумеется, сразу же встал вопрос о достоверности и подлинности этого документа. 4 марта 2000 г. в той же “Независимой газете” появилась статья четырех авторов — Т.И.Филимоновой, Е.Л.Петренко, С.В.Тютюкина и А.А.Чернобаева, в которой завещание Плеханова признается подделкой. Г.Х.Попов полагает, что в опубликованном в “Независимой газете” тексте есть части, действительно продиктованные Г.В.Плехановым Л.Г.Дейчу, но есть и фрагменты, явно не принадлежащие Плеханову³.

Что можно сказать по этому поводу? Л.Г.Дейч действительно был близок Плеханову и провел с ним его последние дни. Д.Шуб, знакомый с записями Дейча, еще в 1958 г. цитировал их в статье к 40-летию смерти Плеханова. Так, он приводил такую запись Дейча: “Даже после кровоизлияния, когда врачи окончательно запретили ему произнести хотя бы одно слово, его это не удерживало и он продолжал делиться со мной своими мыслями — он записывал на бумажке разные вопросы и высказывал свои мнения о них, а также мнения о разных лицах. Эти записки Плеханова, его последние рукописи я храню как зеницу ока, и при случае я их когда-нибудь опубликую”. Дейч был в Петрограде, когда умер Плеханов⁴. С.В.Тютюкин пишет, что Р.М.Плеханову упрекали после смерти ее мужа, что она не привезла в Петроград политического завещания

Плеханова⁵. В ответ Розалия Марковна говорила, что составление такого завещания могло пагубно отразиться на здоровье мужа и поэтому она отказалась от этой идеи. И вот теперь это завещание опубликовано. Однако в его судьбе многое неясно. Завещание (последние мысли Плеханова) записал Дейч. Он скрывал запись от Р.М.Плехановой, боясь нарушить ее запрет: не переутомлять смертельно больного Плеханова. Но почему он ничего об этом ей не сказал после его похорон? Дейч рассказал о записи завещания Плеханова его племяннику С.Г.Плеханову, через которого о нем стало известно десятки лет спустя. Но ведь и хранивший текст завещания С.Г.Плеханов ничего не сказал об этом никому из живущих тогда его близких родственников. Поэтому вопрос о подлинности этого документа является открытым до убедительной аргументации в защиту одного из мнений. Подтверждением этого является продолжающаяся дискуссия на страницах “Независимой газеты” и журнала “Свободная мысль”, где большинство высказывается в пользу того, что документ является поддельным.

На разных этапах своего развития историческая наука сталкивается с необходимостью решения важных проблем, необходимых для ее прогрессивного развития. На современном уровне отечественной историографии российской социал-демократии таковой является источниковедение. Данное исследование является попыткой решения этой насущной задачи. Автор исходил из убеждения, что правда — это то, чем мы сегодня обладаем, а истину можно и нужно искать.

Комментарии

¹ Тютюкин С.В. Современная отечественная историография РСДРП // Отечественная история. 1998. № 6. С. 59, 61–63.

² Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 332.

³ См.: “Независимая газета”. 2000 г. 1 марта.

⁴ Шуб Д. Г.В.Плеханов в 1917 году. Его последние дни // Русская мысль. 1958. 5 июня.

⁵ Тютюкин С.В. Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 363.

Урилов И.Х.

История российской социал-демократии (меньшевизма). – М.: Раритет, 2000. – 288 с.

ISBN 5-85735-133-2

Книга является первой частью задуманного автором четырехтомного издания по истории российского меньшевизма. Это первое источниковедческое исследование социал-демократических документов, хранящихся в российских и зарубежных архивах. Исследование носит универсальный характер, поскольку дает возможность выявить общие тенденции для развития источниковедения разных стран.

Монография доктора исторических наук И.Х.Урилова содержит сведения об изданных и еще не опубликованных документах по истории российского меньшевизма. Автор предлагает классификацию документов и методику определения их подлинности и достоверности.

ББК 63.3-4

Илья Ханукаевич Урилов
**ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ
(МЕНЬШЕВИЗМА)**

*Художник С. Стулов
Корректор Н.Маркелова
Верстка Л.Петрашиной*

ЛР № 030117 от 31 декабря 1996 г.
Подписано в печать 09.08.2000.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 9.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1787

Отпечатано в типографии ОАО "Внешторгиздат"
127576, Москва, ул. Ильинская, 7

История российской социал-демократии (меньшевизма)

Книга является первой частью задуманного автором четырехтомного издания по истории российского меньшевизма. Это первое источниковедческое исследование социал-демократических документов, хранящихся в российских и зарубежных архивах. Исследование носит универсальный характер, поскольку дает возможность выявить общие тенденции для развития источниковедения разных стран.

Монография доктора исторических наук И.Х. Урилова содержит сведения об изданных и еще не опубликованных документах по истории российского меньшевизма. Автор предлагает классификацию документов и методику определения их подлинности и достоверности.

ISBN 5-85735-133-2



9 785857 351338